

КОНДРАТЕНКО МАРИНА

ИЗМЕНИТЬ СУДЬБУ

18+

Марина Викторовна Кондратенко

Изменить судьбу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43685671

SelfPub; 2021

Аннотация

Героиня романа скорбит по быстро промчавшейся молодости, которая прошла дома в заботах о семье, жалеет о несбыточных мечтах и винит во всём мужа, который всего этого ее лишил. Чудесным образом она попадает в прошлое и меняет свою судьбу, попадая в вихрь приключений и трагических событий.

Марина Кондратенко

Изменить судьбу

Глава 1

Хабаровск 15 октября 2013 год.

Сегодня мне исполнилось тридцать лет. Я смотрю на романтический ужин, который специально по такому случаю приготовила сама. Уже остывшая, но источающая божественный запах свинина с коньяком и яблоками, аппетитные фаршированные помидоры и теплый салат из морских гребешков и спаржи под апельсиновым соусом. Романтического света добавляют свечи, расставленные на столе в форме сердца. Смотрю на всю эту красоту, но – кусок в горло не лезет. От злости и обиды хочется кричать и плакать.

В который раз смотрю на часы и вздыхаю. Терпение на исходе. Аккуратно сложив свои кулинарные шедевры в контейнеры, убираю их в холодильник, задуваю свечи и прохожу в спальню. Подойдя к большому зеркалу во весь рост, начинаю снимать свое новое вечернее платье, которое специально купила, чтобы поразить мужа. «Вот дура» – пронеслось в голове, – «он бы даже и не заметил». Черный шелк нежно проскользнул вниз, и я осталась в ажурном нижнем белье.

Мне нравится раздеваться перед зеркалом – что скрывать, я очень себя люблю. Люблю свое тело и свою душу. Приро-

да-мать не поскупилась, наделила меня яркой внешностью: большие и выразительные серо-голубые глаза хорошо оттеняют черные блестящие волосы, подстриженные в форме каре, и смуглая оливковая кожа. Красивый, чувственный рот с белыми и ровными зубами; аккуратный, чуть вздернутый носик; среднего размера упругая грудь; узкая талия и ровные длинные ноги с тонкими щиколотками...

– Кошка, – тихо сказала я своему отражению в зеркале.

Нежно провела ладонями по волосам, слегка откинув голову назад, погладила шею по направлению к груди, слегка помассировав, и далее вниз, до ягодиц. Мне нужно успокоиться, иначе до истерики не далеко. Импульсивность и эмоциональность – моё второе «я».

Хотя к 30 годам уже более-менее удается справляться со своими эмоциями. Тело покрыли приятные мурашки, но спокойнее от этого не стало. Я нервно надела шелковый халат и так же нервно села на край кровати. Просто рухнула. Не ожидала, что он так поступит со мной в день моего рождения. Да еще в такой значимый, круглый...

Ну да, мы вчера серьезно с ним поссорились, но это же не повод портить мне праздник! По-детски люблю свой день рождения, когда все вокруг тебя поздравляют, обнимают, целуют и дарят подарки. Его всегда хочется видеть особенным и незабываемым, но, как правило, в семейной жизни это обычный и ничем не примечательный день. А в этот раз Филипп совсем решил меня проигнорировать. Комок в гор-

ле так и норовил вырваться наружу. Господи, до чего же я несчастна! Приготовила вкусный ужин, украсила квартиру, купила платье и нижнее белье... Хотела помириться. Уже три недели хожу холодная, как снежная королева, показывая Филиппу, что он меня не получит, пока не возьмет долгожданный отпуск и не свезет нас с детьми на море. Не прошу Таиланд и Бали: наше приморье, обычный домик у моря...

Но я устала. Соскучилась по нему, в конце концов. Уже только и думаю, что о его крепких объятиях и страстных поцелуях. Поэтому решила закончить эту холодную войну и с белым флагом ждала его сегодня. Но он не спешил и отключил телефон. Пытаюсь еще раз его набрать, но снова слышу холодный голос автоответчика, безучастно сообщаящего, что «абонент временно не доступен». Не доступен! Это невозможно! Собственный муж и – не доступный! Мне просто физически необходимо на чем-то выместить эту злость. Я изо всей силы швырнула свой телефон об стену, и он разлетелся на части. Мне полегчало, но на резкий звук сбежались мои дети, Софья и Данила.

Софья постарше, ей восемь лет. Она укоризненно на меня посмотрела и по-взрослому спросила:

– Мам, с папой опять поругались? Сколько можно? – она подошла ко мне, села на колени и обняла за шею. Сонечка – нежная и ласковая, как пушистый котенок, с длиной косой из темных густых волос. Она очень похожа на меня. Дочка с недетским участием смотрела на меня невинными глазами –

большими и серыми, как у меня. Шестилетний Данила бросился собирать мобильный и сейчас пытается его починить. Данила – крепыш с детства, сообразительный и находчивый мальчик. У него глаза Филиппа, цвета небесной лазури, красиво очерченный ротик и маленькие ушки. Я забрала у него телефон и, чуть повысив голос и напустив строгости, спросила:

– А вы почему еще не спите? Уже поздно! Ну-ка, марш по кроватям! Завтра в сад и школу!

Я за два дня так вымоталась с ними, сил моих нет. Почему детские сады и школы не работают без выходных? Но тут же запретила себе такие мысли, еще раз упрекнув себя в том, что я плохая мать.

Взяла детей за руки, проводила их в детскую и по их просьбе спела любимую колыбельную. Пять лет в музыкальной школе не прошли даром: они подарили мне хороший голос и слух. А игра на гитаре открывает во мне самые хорошие качества, я переносюсь в свой мир, где расслабляюсь и живу.

Уложив детей спать, я снова прошла на кухню и включила телефон. Он тут же зазвонил. Зазвучал мамин голос:

– Дочка, ну что, Филипп пришел? – с волнением спросила она.

– Мам, нет! – я ответила раздраженно, потому что надеялась – звонит муж.

– Сердце болит, за вас переживаю, не стоило так сильно

ругаться вчера. Филипп любит тебя, всё образуется.

– Мам, почему ты всегда на его стороне?! – возмутилась я. – Филипп не любит меня! Его никогда нет рядом, он работает, работает, но ничего не зарабатывает! Я что, многого прошу? Хочу отдохнуть семьей, побыть вместе, – мой голос уже звучал жалобно и на глаза снова навернулись слёзы. – Он изменился, мам, в своей полиции... Стал холодным. Разведись с ним, вот и все дела!

Мама снова заохала.

– Вика, не пори горячку, какой развод? Ты о детях подумала? Поддерживать нужно мужа, он один работает всё-таки.

– Мама! – отчаянно крикнула я. – Ты же знаешь, я бы с удовольствием вышла на работу. Мне надоело всё это, девять лет сижу дома, ради чего? Выпрашивать себе на жизнь? Мне тридцать лет, а я жизни не знаю! Ничего хорошего-то и не видела... Надоело!

– У тебя ведь день рождения сегодня, Викуль, не расстраивайся так! – чувствовалось, что мама не на шутку переживает.

– Все хорошо, переживу как-нибудь... Ладно, мам, спокойной ночи. Не волнуйся.

Мы попрощались, и мне снова стало гадко от того, что сорвалась на мать. Она растила меня одна. Холила, лелеяла и никогда не ругала. И это, конечно, не могло на мне не отразиться. Выросла я капризной и избалованной, привыкшей

получать все, что пожелает. Всю свою жизнь до моего брака мы с мамой всегда находились рядом, она была мне и сестрой и подругой. Я доверяла ей все свои секреты и всегда слушала ее мудрые советы. Благодаря нашим откровенным отношениям и ее мягкому характеру, я избежала многих подростковых проблем и благодарна ей за это. Она с детства воспитывала во мне доброту, порядочность и искренность. Но вместе с этим во мне живёт пламенный темперамент, горячность и капризность. Я представила маму, плачущую дома и переживающую за меня. Всю жизнь она посвятила мне, единственной дочери, так и не выйдя больше замуж. А дочь всю жизнь только и делает, что портит ей нервы. Не могу ничего с этим поделать, такая уж я, резкая и взбалмошная. Но все же бесконечно ее люблю, хотя всегда стыдилась ей это сказать. Как-нибудь скажу...

Настенные китайские часики показывали уже 22:40. Чтобы как-то отвлечься, я позвонила Кристине. Мы с Крис дружим с ранних лет. Сначала на горшках в детском саду рядом сидели, потом за школьной партой. И, наконец, в институте на одном факультете международных отношений учились. Мы обе амбициозные и целеустремленные подруги. С одной только разницей: Крис сделала карьеру, сейчас она заместитель министра по образованию. Свободная, как птица в небе. Завидую ей белой завистью. Она тут же взяла трубку:

– Викусь! Помирились уже? Сколько раз? – Крис усмех-

нулась. Я тут же представила, как у неё приподнимается левый уголок рта.

– Крис, он не пришел... Надо было все-таки тебе приехать, – самым несчастным голосом произнесла я. – Такого дня рождения у меня ещё никогда не было.

– Странно, на него не похоже. Вика, совсем ты мужика довела, – всё также с улыбкой в голосе продолжала она.

Видимо, сегодня все решили меня довести. От этой несправедливости и обиды у меня перехватило дыхание и снова захотелось плакать.

– Значит, по-твоему, я во всем виновата? Я? На часах ночь давно, а мужа нет! А ничего, что у меня сегодня день рождения?..

– Дорогая, ты ведешь себя, как ребенок, правда. Муж у тебя золото, а ты не ценишь, пилишь его постоянно. Он ведь один на всю семью работает. Будь терпеливее, в конце концов, у тебя замечательные дети. Как можно грустить, когда рядом эти ангелочки?

– Ты у нас смотрю взрослая! А, конечно, ты же у нас птица важная! И вообще, что ты его постоянно защищаешь? Если он такой трудоголик, то мне молиться теперь на него, что ли?

– Перестань, я вас всех очень люблю. Ты же знаешь, что я все бы отдала за семью. Ты не представляешь, что такое одиночество и неразделенная любовь! Некому меня встречать дома с работы, не с кем разделить радость и горе. Я одинока и несчастна, – в ее голосе почувствовалась грусть и обида. –

Чему тут завидовать?

– Ты свободна, – ответила я и положила трубку.

Вот и приехали. Лучшая подруга меня не понимает. Все мои лучшие годы ушли на семью. Молодость промчалась – я и оглянуться не успела. А что вспомнить? Детский плач, пеленки, семейные разборки?..

Да, у нас с Филиппом был умопомрачительный роман. Он был моим вторым мужчиной в жизни. Первый, мой однокурсник, оказался типичным бабником и пройдохой. С Филиппом я постигла первые неземные удовольствия. Меня пронзила дрожь, и внизу приятно заныло, он такой страстный и горячий, а в семейной жизни – мягкий и добрый.

Вспоминаю нашу первую встречу. Мне был двадцать один год. Я опаздывала в институт на контрольную, и, как юный сайгак, выскочила из дома в туфлях на шпильках. Полетела на автобусную остановку, но, так и не добежав пару метров, подвернула ногу и упала. От резкой боли вскрикнула и стиснула зубы. И тут сверху услышала приятный мужской голос: «Девушка, позвольте, я Вам помогу?». Я подняла голову и обомлела. В тот момент показалось, что вижу перед собой само воплощение Аполлона: высокий, загорелый атлет-брюнет, ненамного старше меня. Искрящиеся глаза, широкая улыбка и эта сексуальная родинка над губой – она сразу свела меня с ума.

Он протянул руку и спросил: «Кто же на таких шпильках

бегают?». Я почувствовала смущение и неловкость. «Я бегаяю, – улыбнулась я, забыв о боли, – обычно удачнее». Взяла его за руку, почувствовала влажную, но сильную ладонь, попыталась встать, но у меня не получилось: вероятно, вывихнула лодыжку. Я кокетливо улыбнулась незнакомцу и сказала: «Вам придется нести меня на руках», – и тут же залилась алой краской. Сердце забило быстрее, а мысли сбились в кучу, как стая напуганных карасей. Во мне проснулись доселе незнакомые чувства. Я почувствовала легкость, почувствовала, как «летают бабочки в животе». «Такою ношу я готов всю жизнь на руках носить», – улыбнулся мой спаситель. И в подтверждение своих слов, он легко меня подхватил и заглянул в глаза. Вот так все и началось.

Оказалось, мы живем в соседних домах. Закрутился страстный роман. Филипп на пять лет меня старше, он активно занимался спортом, и его фигура всегда была превосходно накачана. После первого неудачного секса в восемнадцать лет я никого не подпускала к себе близко: психологически в мозгу отпечаталось, что секс – это что-то такое мерзкое и неприятное. Филипп полностью перевернул мой взгляд на плотскую любовь.

В первую ночь, когда я осмелилась прийти к нему домой, я была напряжена и испугана. Как напружиненный котенок, увидевший льва. Филипп на руках отнес меня в спальню и пообещал, что, пока сама не попрошу, ничего не будет. Мы легли и некоторое время просто разговаривали. Филипп

прошептал, что он – Доктор Любовь, и меня нужно срочно лечить. Он стал гладить меня по волосам, массируя кожу головы подушечками пальцев, и я расслабилась. Это было так приятно, что по моему телу побежали мурашки. Он наклонился ко мне и стал шептать что-то в ухо, покусывая за мочку. Я не понимала, что он хочет мне сказать, но испытывала накатывающее возбуждение. Видя, что я лежу спокойно, Филипп пустил в ход пальцы. Его указательный палец мягко провел линию от уха до шеи, от чего меня слегка передернуло и почему – то отдало в низ живота. Филипп игриво улыбнулся. Он прикоснулся влажными губами к моей шее, и я снова резко вздрогнула. Удивительно, как приятно... Снова приятные тянущие позывы внизу живота. Филипп сказал, что шея – моя эрогенная зона, и постепенно он меня всю изучит и будет знать все тайные уголки, которые приносят мне удовольствие. Я притянула его к себе, и мы слились в долгом поцелуе. Наши языки сплетались, и это было жутко возбуждающе. Я неуверенно начала раздевать его. Он помог мне и раздел меня и себя за считанные секунды. Я видела, что он очень возбужден, и чувствовала его набухший орган через тонкую ткань боксеров. Он, как и обещал, начал исследовать мое тело, целуя и покусывая каждый уголок. Я переживала эти, абсолютно новые ощущения, совершенно забыв о своих страхах, трепетала от касаний его губ и языка, мое тело отвечало на каждый его поцелуй...

Таким исследовательским путем мы выяснили, что мои

эрогенные зоны находятся на мочке уха, на шее, затылке, на запястьях, на сосках, на пальчиках ног и клиторе. Как только он провел языком по нему, я вся задрожала в возбуждении и начала громко стонать. Филипп продолжал ласкать мою «девочку», и я в экстазе схватила подушку и вцепилась в нее зубами, боясь, что на мои крики сбегутся любопытные соседи. Умоляющим тоном я попросила Филиппа войти в меня. Он послушно приподнялся и осторожно вошел в меня. Постепенно он вошел весь и, тихо застонав, начал двигаться взад-вперед... «Ты такая сладкая, – шептал он мне в ухо, – не хочу останавливаться».

Никогда не думала, что могут быть такие нереальные физические ощущения. Все тело пронзает сладкая дрожь, внизу живота ощущаешь до боли приятные чувства. Какое наслаждение чувствовать его в себе... Я полностью потеряла рассудок, ушла в нирвану. Только одни мысли – чтобы это не прекращалось. Вскоре я заметалась в экстазе и впервые поняла, что такое оргазм. Быстрая молниеносная дрожь приятно сводит твоё тело судорогой, и несколько секунд ты в полном онемении. А потом хочешь испытать это еще раз, а потом еще и еще... Секс – это самый что ни на есть наркотик, я поняла это сразу. Испытав наслаждение, через некоторое время организм снова просит разрядку.

За семь дней Филипп научил меня любовному искусству, и я была поистине счастлива. Мы не думали о нашем будущем, жили сегодняшним днем – просто радовались жизни. В

порывах страсти он называл меня своей женой. Я весело посмеивалась и тормошила ему волосы, говоря, что на такую, как я, нужно много работать.

Квартира у Филиппа была довольно простая, без ремонта, абсолютно не уютная и не одомашненная. В зале – два кресла и старый телевизор, в спальне – кровать еще советских времен, которая ужасно скрипела под нами. На кухне даже толком посуды не было. Обои тоже, наверное, клеили еще до войны его бабушка с дедушкой...

Я на минуту отвлеклась от воспоминаний и посмотрела на эту же квартиру сейчас. Свежий ремонт, современная мебель, везде цветы, картины и фотографии. Всё в одном стиле, гармонично и со вкусом. Я быстро привела квартиру в порядок. На самом деле тогда в планах было окончить институт, стать высококлассным и востребованным специалистом, неплохо зарабатывать, повидать мир и выйти замуж за олигарха. Обычные мечты любой девочки. В своем городишке я оставаться ни за что не хотела, моей мечтой была Москва! Но этим мечтам не суждено было сбыться. Я забеременела, спустя пять месяцев нашего знакомства.

Честно признаться, это обрушилось на мою голову, словно гром среди ясного неба. Вместо радости меня охватил шок, какое-то полуобморочное состояние. Признаюсь, я не любила малыша, будучи в положении, и даже не понимала, что это такое – материнские чувства, ведь сама, по сути, была

еще ребенок. Считала, что нет ничего хуже незапланированной беременности. Это означало полный крах. Крест на моих надеждах и мечтах, на карьере, на будущем, на работе за границей... Девушка ведь даже не нагулялась!

Филипп был на седьмом небе от счастья и сделал мне предложение. В день свадьбы, несомненно, самый светлый день в жизни женщины, меня уже с утра лихорадило от волнения. Два часа надо мной колдовали визажист и парикмахер. Результат превзошел все ожидания. Высокая прическа с двумя закрученными прядями по бокам, белоснежная длинная фата, невероятно закрученные до век ресницы, нежный персиковый цвет лица, алые губы. Кристина и Жанна – мои подруги – надели на меня свадебное платье до пят из нежного белого атласа и фатина, на корсете, с длинным шлейфом, который красиво струился по полу. Дополнили его мы жемчужным колье и жемчужными серьгами-шариками. Завершили образ белые перчатки по локоть и свадебный букет из роз и орхидей. Еще никогда я не выглядела так красиво и так безупречно. Все это казалось сказкой. Невеста Вика ощущала себя принцессой.

Филипп удивил меня, приехав на выкуп на белом коне и в наряде принца. Я выглянула в окно и ахнула, увидев его в белых лосинах, костюме принца и с короной на голове. Тогдашняя Вика позавидовала самой себе: не каждой на пути встречается принц на белом коне. Я – счастливица! В загсе при регистрации я не смогла сдержать слезу – очень впечат-

лительная и чувствительная с рождения. Да, незабываемый день! Однако, в браке это, пожалуй, первый и единственный день счастья.

Дальше меня ждал еще один шок: семейный быт и каждодневная рутина. Сначала от этого как-то спасал институт, но постепенно я полностью погрязла в домашних делах. Каждый день, как под копирку: готовка-уборка-стирка. Та Вика оказалась абсолютно к этому не готовой, и в душе назревала буря протеста. Мечталось, что в моем доме будут и кухарка, и горничная. Но мы не могли себе этого позволить. Принцесса не поселилась в замке и постепенно превращалась в задерганную белку в колесе. Да и принц надел свою корону только в день свадьбы. А после оказался обычным следователем полиции, который работал много, получал мало, и единственный плюс – каждый год мы выбирались на курорт за счет государства. Виделись мы теперь намного реже. Да и в постели он стал ко мне холоднее, мотивируя тем, что внутри у меня ребенок, и он так не может. А вот мне в этой ситуации что, простите, делать?

Наверное, с этого момента я и остервенела. Начала пилить мужа за все: мало денег, мало внимания, я становлюсь толстой, и он меня больше не любит. Но он лишь стал еще позже приходить с работы, чтобы не слушать мои жалобы.

Когда родилась Софья, началось планомерное сумасшествие. Бессонные ночи, колики в животике, постоянная сме-на подгузников и плач. В первое время – время той самой

послеродовой депрессии – я сваливала всю работу на маму, рыдая ей в плечо, что мне плохо, и лучше бы я не рожала. Единственное, что действительно радовало, так это то, что быстро вернулась фигура, не появилось никаких растяжек и целлюлита. Сказались занятия спортом. Семь лет я исправно занималась плаванием, даже успела получить несколько наград в соревнованиях. В двадцать лет плавание пришлось бросить, так как учеба в институте отнимала все время. Через несколько месяцев стало легче. Софья подросла и уже не создавала столько хлопот, хотя все также связывала меня по рукам и ногам. Выходили в свет мы теперь редко, иногда только в кино и ресторан по праздникам. Все свое свободное время моя голова строила планы на будущее.

Брачная жизнь меня не устраивала, пусть Филипп ищет себе другую дурочку. До свадьбы я боготворила его, ассоциировала со львом. Есть во мне такая склонность – соотносить людей с животными. Ведь так легче понять внутренний мир человека, а сходства – их легко найти. Филипп – лев: благородный, смелый, сильный и верный. Но выйдя замуж и пожив с ним, я увидела в нем более домашнее, чем хищное. Сначала сама приручила его, а теперь страдала от скуки. Только Софья подрастет, найду себе высокооплачиваемую работу, возможно, даже за границей, и подам на развод. Но и этим планам не суждено было сбыться. Спустя некоторое время я с ужасом узнаю, что снова беременна...

Какие-то злые шутки судьбы просто. Я, конечно, против

абортов и, считая, что это мой рок, смиряюсь, и вот живу до сих пор. Филипп в детях души не чаёт и балует их постоянно. А между нами холод... Ооох... Вот бы вернуться в прошлое, лет так на десять назад... Горы бы свернула! Сколько потраченных возможностей и упущенных моментов...

Я снова посмотрела в зеркало. Где та молодая и озорная Вика? Что от нее осталось? Она была такая сумасбродная и бесшабашная, жизнь переполняли интересные события и эмоции. А сейчас? Из зеркала смотрит неудовлетворенная, нервная женщина. Взгляд серьезный, усталый. Кое-где уже появляются морщины. Мои размышления прервал звук открывающейся двери. Часы показывали почти одиннадцать. Скрестила руки и приготовилась к скандалу. Филипп осторожно прошел на кухню с букетом моих любимых алых роз. Взгляд усталый и сонный. А его глаза – это два магнита, которые притягивают тебя, и невозможно оторваться. Оторвись, Вика, ты уже все решила.

Он подошел ко мне, обнял за талию и попытался поцеловать, но я не дала ему этого сделать.

– Дорогая, извини, что задержался, на работе завал. Сегодня приезжал генерал, все сдавали отчеты. И как назло у меня сел телефон, не смог тебя предупредить. Это тебе, – Филипп натянул улыбку, но я видела, что безразлична ему.

– Значит, так просто, да? Извини? – во мне закипала ярость.

– Котенок, не злись, ну правда устал. У тебя ведь праздник сегодня, – он уже не скрывал раздражения.

– Праздник?! – я истерически засмеялась. – Да нет у меня праздников, с тех пор, как замуж за тебя вышла! С тобой от скуки можно сдохнуть!

– Хватит жить эмоциями, Вика. У нас прекрасная семья, я вас очень люблю, работаю изо всех сил, чтобы вы ни в чем не нуждались, – повысил голос Филипп.

– А я нуждаюсь, понимаешь? – я уже натянула джинсы и взялась за водолазку. Филипп резко оказался рядом, схватил меня за запястья и прижал к стене. Его лицо находилось в десяти миллиметрах от моего. Он окинул взглядом мою грудь и прорычал:

– Что ты хочешь? Что, черт возьми, мне нужно сделать, чтобы тебя это устроило? – он снова превратился в льва, а меня это жуть, как заводит. – Мне бросить работу?

– Ой! Не велика потеря! На эти гроши жить невозможно! – я вырвалась и надела водолазку. – Да ты не достоин и мизинца на моей ноге! Я бросаю тебя и ухожу, понятно? Без лишних слов! Терпение мое лопнуло! – я схватила букет, со всей злостью потопталась на нем и пнула в сторону мужа.

– Вот и уходи! – возмущенно крикнул Филипп. – Достала, стерва! Эгоистка! Все для тебя делаю, а тебе все мало!

Я уже оделась, в прихожей обула туфли, схватила сумочку и выскочила из дома. Слезы текли бесконечным ручьем. От обиды не просто перехватывало дыхание: мне стало трудно

дышать. Невыносимо болело в груди, и бешено колотилось сердце. Я бежала вниз по лестницам в темноте. Света нигде не было. Чёртов подъезд, нищий район... Хватит с меня! Букет цветов! И это все, чего я заслуживаю? Раньше Филипп потакал всем моим капризам, сейчас же он постоянно говорит, чтобы не вела себя, как ребенок, что у меня уже давно свои большие дети. Он даже не пытался меня остановить, он крикнул «уходи»!.. Я добежала, наконец, до подъездной двери и с силой ее толкнула от себя. Срочно на воздух!

На улице было пасмурно и малоллюдно. Я побежала к остановке, чтобы поймать такси и уехать к маме, по дороге громко причитая:

– Господи, какой же ты злой и не справедливый! Ты решаешь за всех, как им проживать свою жизнь! На тебе одного ребенка, на тебе второго! А я тебя просила? А я хотела так жить? Нет мне места здесь! Мне хочется страсти, новых ощущений! Хочется жить и наконец-то стать счастливой! Неужели – не заслуживаю??! – тут раздался такой гром, какого я в жизни не слышала. Где-то невдалеке послышалась гроза, и пошел сильный ливень. Раскаты грома ужасающе проносились будто надо мной. Несмотря на это, я продолжала:

– Знаю, что ты меня слышишь! Дай мне шанс начать все сначала и самой распоряжаться своей жизнью!

Снова послышался раскатистый гром, и в небе засияла молния. В этот момент я перебежала дорогу, но внезапно остановилась посередине, потому что... вдоль дороги сто-

ял огромный рекламный стенд с моей фотографией, а внизу стояла подпись: «Малыш, с днем рождения! Помни, я всегда буду тебя любить!» Я все еще плакала, дождь лил так сильно, что уже ничего не было видно. Вдруг послышался резкий звук тормозов, громкий автомобильный сигнал, столкновение и ... темнота.

Глава 2

...Как ужасно болит голова. Боль такая, будто у меня в голове взлетел реактивный самолет и пытается из нее вылететь. Ему это не удастся, но он с громким ревом продолжает таранить мой мозг. Я все еще лежала, закрыв глаза. Вероятно, отключилась на некоторое время. Этот подонок скрылся и даже не подошел ко мне. Хотя, это же я остановилась на дороге, как вкопанная, и водитель попросту меня не заметил. Слава богу, жива. Удивляло одно, даже закрытыми глазами ощущалось, что в лицо мне светит солнце, и нет дождя. Я открыла глаза и от представшей картины просто оцепенела. Кое-как присела на колени и стала оглядываться... На месте дороги – разбитый тротуар. Такой же, каким он был десять лет назад, пока здесь не положили асфальт. На остановке стояла женщина в строгом костюме и ждала автобуса. Но самой остановки не было! В смысле, крытого павильона для ожидания автобуса. Стояла одна лишь лавочка. Посмотрела в сторону нашего дома и снова удивилась: он был старым и

облезлым, хотя три года назад его окрасили в желтый цвет. И лужаек нет, и нового детского оборудованного двора... От удивления я прикрыла рот рукой. Неожиданно сзади услышала голос, от которого вздрогнула:

– Девушка, позвольте я Вам помогу!

Я повернулась и увидела молодого Филиппа, который протягивал мне руку.

Стройный, подтянутый и загорелый. Он ослепительно улыбнулся, показывая свои белые зубы.

– Кто же на таких шпильках бегает?

Я машинально посмотрела на свои ноги и ахнула. На мне были любимые туфли моей молодости – красные на высоком каблуке. Посмотрела на правую руку – на безымянном пальце кольца не было. Я зажмурила глаза и ошарашено махала головой.

– Нет. Не может быть. Что происходит??

– Странная Вы какая-то, помощь нужна? – он оценивающе смотрел на меня и ждал ответа. До меня стало доходить, что каким-то чудесным образом я попала в прошлое, и настроение мое стало подниматься. Как же он красив. Я снова восхитилась им, любуясь его красивым ртом и сексуальной родинкой. Гладко выбрит. Черные волосы, короткая стрижка, пронизательный взгляд из под черных и длинных ресниц. Вот она – роковая встреча. Вика, ты обязана изменить судьбу. Вслух же я сказала:

– Чего пристал? Иди, куда шел! – несмотря на боль в ноге

и голове, я улыбнулась.

– Чокнутая какая-то, – Филипп покрутил пальцем у виска.

– Нет, чокнутая я раньше была, когда замуж за тебя выходила! Сейчас-то все будет по-другому, и ты мне не помешаешь.

Я кое-как встала и начала отряхиваться.

– Во, больная, – Филипп усмехнулся. – Как таких на воле еще держат? – он постучал себя пальцем по лбу и пошел своей дорогой.

– И не смей даже на глаза мне попадаться! – крикнула я ему вдогонку, провожая долгим взглядом: у него такая аппетитная попка... Он с каждым шагом отдалялся от меня и даже не оглянулся. Принял меня за идиотку. Неприятно заныло в груди.

Так. Надо собраться с мыслями. Я всё ещё стояла в паре метров от остановки и ошарашено вертела головой. Неужели произошло чудо, и Бог меня услышал? Подняв голову, смотрю в небо. Оно такое ясное, ни одного облачка. Ярко светит солнце, приятно обволакивая тёплыми лучами. Мысленно сказав небесам «спасибо», иду в сторону дома. Я попала в прошлое, судя по всему, чтобы исправить свои ошибки. Что же, главную ошибку я уже исправила. В сердце закралось мимолетное сомнение. Вспомнила стенд со своей фотографией. Да, славно... Но одной любовью сыт не будешь. И высоко подняв голову, я ускорила темп и чуть не бегом поскакала домой. Ноги слушались плохо, так непривычны уже

эти шпильки. Последние 7 лет носила только удобную обувь на плоской подошве.

Больше всего сейчас мне не терпелось посмотреть на себя в зеркало. Неужели это снова двадцатилетняя озорная девчонка без проблем и забот? От волнения мой пульс учащенно бился, и мысли путались. На всякий случай я себя ущипнула, чтобы убедиться, что не сплю. Ай, больно. Что же произошло? Нет, конечно же, все наши мысли материализуются. Но такое! Выходит, сейчас осень 2004 года. Ветер срывает желтые листья с деревьев и треплет мои длинные локоны. Я подставляю лицо навстречу ветру и глубоко вздыхаю. Кажется, впереди маячит новая жизнь. Дрожь внутри, адреналин бурлит в крови. Неужели, это все происходит со мной?

Посмотрела в сторону дороги. По трассе проезжают старые машины, автобус «Икарус», и ни одной маршрутки. Рядом с остановкой стоит огромная желтая бочка, наполненная квасом. Я проглотила слюну. Старый добрый квас, вкус детства. Пока я шла мимо домов, в голове всплывали воспоминания. Вот старые лавочки, на них мы вечером целовались и обнимались с мальчишками. Старый магазин, скоро на его месте построят супермаркет. Не изменилось лишь одно. Я про себя усмехнулась. Это бабки-трещалки возле нашего подъезда. Здороваяюя с ними и поднимаюсь в квартиру. На мои глаза наворачиваются слезы. Мамин запах присутствует по всей квартире. Как будто и не было этих девяти лет. Только я, мама и моя свобода.

Прошла в комнату и посмотрела в зеркало. Невероятно! Совсем девчонка. Длинные волосы, рассыпанные по плечам, красиво изогнутые брови. И без того большие глаза широко открыты, в них читаются изумление, восхищение, волнение. Длинные пушистые ресницы не могут не приковать к себе взгляд, они придают мне немного кукольный вид. Слегка вздернутый носик и чуть приоткрытые губы.

С ностальгией рассматриваю свою комнату. Вокруг разбросаны мои вещи. Да, я здорово опаздывала в этот день. Поднимаю с пола черную кожаную юбку – они были модными в 2004 году, и красную водолазку с коротким рукавом «Dolce & Gabbana». Разумеется, китайская. На кровати короткая юбка в складку, тоже тренд 2004 года. На стене плакат с певицей Максим. Вот интересно, и в 2013 году она очень популярна. Мне нравилось ее творчество, всегда представляла себя, поющую ее песню. А это вариант... Но подумаю об этом позже.

Мой старый письменный стол, на нем древний компьютер с операционкой «Windows-98». На полке громоздится мой музыкальный центр “Sony”. Ух ты! Нажимаю play. Запел Ираклий – «Капли абсента». Ставлю следующую композицию, это уже группа «Звери» – «Напитки покрепче». Следом Дима Билан – «Ты должна рядом быть»... Сто лет их не слухала, какая ностальгия... По щеке невольно скатилась слеза. На комодe – фотография, где мы с мамой стоим в мой выпускной у школы. Какая мама здесь молодая, а ведь про-

шло всего лишь около тринадцати лет. Бедная мама, ведь, отдав меня замуж, она потеряла единственного своего ребенка, которым всю жизнь жила. А я не понимала, как ей плохо без меня. Только постоянно загружала своими заботами. Звонила только тогда, когда мне нужна была ее помощь, а в остальное время игнорировала. Прости мама, я исправлюсь. А вот стоит моя любимая желтая гитара, с которой я не расставалась и до тридцати лет. Беру ее в руки и нежно глажу. Она мне напомнила мою недавнюю семейную жизнь. Есть повод спеть песню Валерии. Пальцы заиграли грустный мотив, и я запела:

– Вот и все, вышло так,
Удержать не смог в своих руках
Ты моей любви.
И не друг, и не враг,
Я могла любить тебя, но как
Птице в клетке жить.
Ты прости, я улетаю,
Ведь я теперь совсем другая,
Ведь я теперь, как птица в высоте небес.

Была любовь ...
Была, но только все прошло
В тебе, другая сегодня я.
Одна, одна

Птицей улететь смогла...
Была ли любовь любовью?..

Каждый раз по ночам
Молча плакать и хотеть кричать
От своих обид
Не должна, не могла
Жить с тобою так, как я жила,
Ты меня прости.
Ты живи – я улетаю,
Ведь я теперь совсем другая,
Ведь я теперь, как птица в высоте небес.

Была любовь ...
Была, но только все прошло
В тебе, другая сегодня я.
Одна, одна
Птицей улететь смогла...
Была ли любовью твоя любовь?..

Все, хватит думать о Филиппе. У меня начинается новая жизнь, как и мне и хотелось. Новая яркая жизнь. Больно защемило сердце. Я справлюсь, все забуду, обратной дороги нет. Опыт прожитых лет поможет в новой жизни. Трудно сосчитать, сколько было ошибок и неудач. Теперь этого не будет. Я стану богатой, независимой и, самое главное, – счаст-

ливой женщиной. А ту серую и тоскливую жизнь нужно забыть. Обязательно!

Послышалась трель дверного звонка. Через пару мгновений в квартиру ворвалась Криска, веселая и возбужденная.

– Привет, Викусь, а ты чего сегодня на пары не пришла? Ты же знаешь, как эта контрольная важна! Ректор был очень не доволен и сказал, что у тебя должна быть очень веская причина для прогула! – Кристина улыбалась во весь свой широкий рот, показывая ямочки на щеках, а ее карие глаза сверкали и излучали позитив. Она была в соблазнительно обтягивающих джинсах и уютном красном пуловере, по которому на плечах рассыпались длинные черные кудри волос. Кристина ассоциируется у меня с дельфином. Дельфин – это самое умное животное, милое, веселое и доброе.

Вместо ответа я подошла к ней и крепко обняла:

– Крис, как я по тебе скучала такой! – я смотрела на нее и не могла наглядеться. Она была такая счастливая, не обременена заботами, полна надежд и амбиций. В 2013 году мы встречались редко, только иногда созванивались. Ее важный пост отнимал все ее время, и даже ночное. У нее не было личной жизни, и по ее словам, она страдала от одиночества. Хотя, столько возможностей было завести роман, с ее внешностью. Роскошные черные густые волосы, гладкая чистая кожа, чуть раскосые глаза, аккуратный носик и пухлые губки. Образ ее украшают огромные золотые серьги в виде колец, с которыми она никогда не расстается. В допол-

нение ко всему она умна, а это что-то, да значит. Но Крис сама отказывалась от ухажеров после несчастной любви, когда один подонок воспользовался ею в своих политических интересах и бросил. Позже она узнала, что ждет ребенка и сделала аборт. После чего врачи сказали, что она больше не сможет иметь детей. Мне было очень жаль Крис, и я всячески ее поддерживала.

– Викусь, ты заболела? – Крис изумленно смотрела на меня. – С каких пор ты стала такая нежная? От тебя ласковых слов-то не дождешься!

– У меня все просто отлично! Я самая счастливая женщина на свете! А пойдем сегодня на тусу сходим? – я пристально смотрела на Крис, не отрывая взгляда.

– Женщина! – Крис расхохоталась, и на ее щеках появились милые ямочки. – Куда сходим? Ты странная сегодня. Пошли, женщина, в кино сходим, что ли. Сейчас премьера в кинотеатре – «Женщина-кошка».

– А что-нибудь другое? – с надеждой спросила я. Сто раз смотрела.

– Человек-паук, Я-робот.

– Ок! – безнадежно качаю головой. – Пойдем в кино, потом в кафе, потом в ночной клуб! Сейчас, подожди, переоденусь.

– Ого ты замахнулась! Денег столько не хватит! Мне еще менеджмент учить! –сопротивляется Крис.

– Никуда твой менеджмент не убежит! – довольно убедительно говорю я. – Давай сегодня оторвемся! Ну, пожалуйста-пожалуйста! – канючу, как пятилетний ребенок.

– Хорошо! – не выдерживает Крис. – Ты как будто десять лет не гуляла, два дня до выходных потерпеть не можешь!

В ответ я громко смеюсь. В первую очередь, заглядываю в кошелек. Негусто.

– Крис, у меня всего шестьсот рублей! На них даже по-человечески в кино не сходишь.

Кристина сидит на столе, рассматривая диски, и качает головой:

– Женщина, вы, смотрю, совсем умом тронулись? Билет в кино стоит шестьдесят рублей!

Хлопаю себя по лбу. Другие цены сейчас, нужно привыкать. Крис подозрительно на меня косится. А затем ухмыляется, и левый уголок ее рта поднимается. Я открываю свой шкаф и принимаюсь выбирать себе наряд. Нежно поглаживаю свои вещи и стараюсь скрыть от Крис свое возбуждение. Выбираю желтое платье чуть ниже колен с открытой спиной, под него у меня есть замечательные аксессуары и туфли.

Через некоторое время собралась, и мы отправились развлекаться. Я все время смеялась и шутила. Неужели – свободна, как раньше? Никто дома не ждет, и дети не плачут? Могу хоть до утра гулять, и никто мне ничего не скажет! Не надо убираться, готовить, устраивать скандалы! Спасибо, Господи, спасибо, теперь я начну свою жизнь сначала. Я мо-

лодая, но опытная. Теперь знаю, что брак – это дело неблагодарное. Буду мужиками крутить в свое удовольствие, но не пускать их дальше постели. Никаких серьезных отношений, только расчет и развлечения. Да, точно, заведу себе новый гардероб, в который буду складывать мужчин.

Все-таки в кино мы не пошли. Эти «премьеры» я видела не один раз, а спать в кинотеатре особого желания не было. Мы решили пойти в кафе-клуб «Звезда», где можно потанцевать и оторваться по полной. Кафе внутри и снаружи выглядело весьма печально: на стенах потрескавшаяся краска, грязный кафельный пол. Но интерьер меня сейчас волновал меньше всего. Заказав себе шампанского и фруктов, мы весело смеялись, обращая на себя внимание всех посетителей. Это снова прежняя озорная Вика! И рядом со мной моя лучшая подруга. Громко заиграла музыка, приглушили свет. Модный хит того года: «Токсик» Бритни Спирс. Мы вскочили, протолкнулись в центр танцпола и весело затанцевали, энергично двигая телом. На нас засматривались все мужчины этого заведения, даже бармены и кавалеры, пришедшие с дамами.

Не успели мы сесть за стол, как официант принес бутылку Советского шампанского с симпатией от соседнего столика. Я помахала этим парням рукой и подняла бокал с тостом: «За нас!» Еще минут через десять официант принес нам с Кристиной по розе, уже от другого столика. Мы помахали и

им. Я упивалась своим триумфом, и от радости кружилась голова. Вот он, вкус свободы!

– Крис, чувствую, сейчас из-за нас мужчины подерутся! – хихикнула я и стала игриво посматривать то на одних, то на других.

– Вика, – вдруг серьёзно произнесла Крис, – ты изменилась. За один день. Я как будто тебя не знаю.

– Что-то не так? – также серьёзно спросила я.

– Да всё не так, – призналась Крис, – твои слова, действия, твой взгляд. Он другой, более осмысленный, что ли. И, несмотря на то, что ты смеёшься, у тебя будто то страх, то печаль в глазах. А как ты смотришь на мужчин, – Крис покачала головой. – Ты же раньше смущалась от одних только комплиментов. А сейчас ты раскована и совсем их не боишься...

– Это они должны меня бояться, – засмеялась я. Да, Крис права. Прежняя Вика была очень чувствительной, тонкой и наивной девушкой. Но, в семейной жизни ты набираешься опыта и мудрости. Ты их как будто видишь насквозь, читаешь их мысли.

– Сейчас пригласят на медленный танец! – воскликнула Крис. – Вик, как отбиваться будем? – забеспокоилась подруга.

Заиграла медленная композиция, и мужчины встали пригласить нас на танец. Я резко встала и потащила Крис на танцпол.

– Давай покажем им нашу любовь, дорогая! – я засмеялась и обняла Крис за талию.

– Сумасшедшая! – Крис расхохоталась и обняла меня за шею. Мы с ней поцеловались и медленно затанцевали, сексуально покачивая бедрами. Надо было видеть реакцию парней. Разочарованные, они вернулись за столик.

После кафе мы поехали в ночной клуб. Денег не осталось, но для таких красоток, как мы – это не проблема. Мы с Крис в эту ночь отрывались по полной: обошли все клубы нашего городка и вернулись только под утро. Уже засыпая, я представила Софью – маленькую, ласковую и беззащитную. Она испуганно бегала по квартире в тщетных попытках найти маму...

Глава 3

– Вика, вставай! Это же надо, прийти домой в 4 утра! Тебе диплом скоро защищать, а ты не понятно, чем занимаешься! Все, я на работу, завтрак на столе! – мама кричала уже из коридора. Слышу, как захлопнулась дверь. Приятная дрожь окутала тело от мысли, что я снова свободная, молодая и красивая. На всякий случай трогаю себя и еще раз в этом убеждаюсь: мое тело эластичное и упругое, нет лишних жировых отложений и неровностей, так и хочется его гладить и гладить. С нежностью обнимаю одеяло и подушку, я снова в своей девичьей комнате. Мы живем с мамой вдвоем, отца у

меня никогда не было, и мне о нем ничего не известно. Мама всегда избегала этой темы. Знаю только, что бросил нас, поденок. На жизнь я не жаловалась, мама работала стоматологом в частной клинике и зарабатывала прилично. Если мне и хотелось встретиться с отцом, то лишь для того, чтобы плюнуть ему в лицо за мать.

Вставать не торопилась, нужно было много чего обдумать. У меня есть большое преимущество перед всеми – я знаю, что будет завтра, и должна этим воспользоваться. На свою память никогда не жаловалась, осталось вспомнить все годы до 2013-го и придумать, как заработать денег. В научно-технический процесс не полезу. За последние годы, конечно, много чего изобрели, но я же не ученый. Из чего деньги буду делать? Кстати, не хватает мне тут моего айфона и планшета, нет плазменного телевизора и умной чудо-техники. Грустно смотрю на свой мобильный, в котором даже песен нет, только полифония. Так, думай, Вика, думай. Что, если поднять деньги на фондовой бирже? Постараться вспомнить курс доллара и... Нет, такие моменты я не вспомню. Можно написать прочитанные мной книги. Эти бестселлеры приносили писателям миллионы. Вот, например, Донцова, какие у нее захватывающие романы. С нее не убудет от парочки книг. А чего мелочиться? Можно сценарии нескольких кассовых фильмов написать. «Аватар» только сколько миллионов собрал! «Мистер и миссис Смит», «Сумерки»... Захихикав, я мечтательно закрыла глаза. Неожиданно зазво-

нил мобильный, я недовольно ответила:

– Слушаю.

– Привет, красотка. Вот и звоню, как обещал, – в трубке зазвучал самоуверенный и властный мужской голос. О, да это же полковничек! Вчера в баре я его на коктейли раскручивала, и по домам он нас развез. Миша, по-моему. И что ему от меня надо? Он же в два раза меня старше. Напрягла память, чтобы вспомнить, как он выглядит.

Солидный мужчина, ничего не скажешь. На нем были дорогой костюм и ботинки. По внешности, конечно, не Вин Дизель, хотя его лысина и полнота даже ему шли. Высокий и массивный, в этом что-то есть. Мне в нем понравилась властность, чувство юмора и внутренняя сила, которую ничем не скроешь. В общем, как в песне, настоящий полковник. Да к тому же из Москвы, а такие люди нам нужны.

– Вика! Ты слышишь меня?

– Да! Привет! Как дела? – Я в трубку улыбалась и думала о том, как же прекрасно жить и снова заводить себе поклонников.

– Нормально. Всю ночь о тебе думал, хочу поскорее увидеть тебя снова. Заеду сегодня в семь. Приглашаю в ресторан. Будь готова, не заставляй меня ждать.

– Надо понимать, приказы не обсуждаются? – удивленно спросила я. Не ожидала такого быстрого поворота событий.

– Ты правильно поняла, – властный голос смягчился. – Да ты не накручивай, просто поужинаем, поболтаем. Интерес-

ная ты, не по годам просто. Так что, в семь я у тебя?

– Так точно, товарищ полковник, – шутливо выпалила я.

Когда разговор закончился, и послышались короткие гудки, я заметила, что ладонь у меня влажная. Вот это мужчина. Пусть он старше меня в два раза, зато какой темперамент! Так, хватит валяться, нужно бежать в институт. Я быстро собралась, позавтракала (наконец-то! – мама снова готовит для меня!) и побежала в институт. В автобусе вспомнился интересный факт про ректора. После сдачи диплома, он будто случайно со мной столкнулся в институте. Поздравлял меня с окончанием института и желал успехов в карьере. Затем, покраснев до ушей, внезапно признался, что я давно ему нравлюсь, но он не решался куда-нибудь пригласить меня – студентку. Он тогда предложил встретиться и намекнул, что у него большие связи в городе, и он может помочь с работой. Тогда я возмутилась до глубины души, наивная и непорочная. Тактично его отшила, сказав, что замужем и, более того, скоро у меня будет ребенок. Но сейчас вполне могу воспользоваться его равнодушием ко мне. Так не люблю его предмет «Экономика». Сделать бы так, чтобы совсем не ходить на его пары. В институте, пока еще оставалось время до занятий, я быстренько подкрасила свои губки алой помадой и напрямиком направилась в кабинет ректора. Он сидел за столом и рассматривал кипу документов. Строгий вид, идеально выглаженный черный костюм и светлая рубашка, еле натянутая на его живот. Он поправил очки и окинул меня

невозмутимым и бесстрастным взглядом. Секунду поколебавшись, поздоровалась и уверенно села на стул, сложив одну ногу на другую, намеренно делая это медленно. Театрально вздохнув и поправив волосы, начала:

– Петр Андреевич, я пришла поговорить с Вами.

– Я Вас внимательно слушаю, Виктория, – ректор не сводил с меня жадных глаз. Фу, значит, все делаю правильно. – Почему не явились вчера на контрольную?

Кончиком языка я соблазнительно провела по губам и начала:

– Понимаете, не знаю, что со мной происходит. Когда прихожу на Ваши лекции, не могу думать об экономике, – я пристально смотрела на него сверху вниз, как бы мысленно говоря ему, что больше всего на свете хочу его. Он уже удивленно и шокировано смотрел на меня. – Вы такой импозантный и интересный мужчина, не то, что мои однокурсники и ровесники. Вы такой умный и интеллигентный, а самое главное, взрослый и опытный... Вы меня понимаете?..

Я встала, обошла его обшарпанный стол, и сексапильно села на край стола почти напротив него, задрав при этом свою без того короткую юбку, и из под нее показались черные ажурные чулки. Не отрывая взгляд, я смотрела на бедного старичка, которого на вид вот-вот хватит удар. Играть мужчинами, это, оказывается, так увлекательно.

– Понимаю, что Вы на студентку даже и не посмотрите, но готова ждать, сколько потребуется.

– Вика, Виктория, встаньте немедленно, – растерянно бормотал ректор. – Я Вас понял, можете идти! – он неловко встал, теребя документы, которые в итоге упали, и он снова сел, забавно поправляя свои очки.

– Извините, – я делано смутилась, встала и направилась к двери, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Какие все-таки мужчины жалкие и слабые перед красивыми женщинами.

Занятия прошли быстро, мне в первый день было очень здорово снова посидеть за партами, поболтать с однокурсниками и вдохнуть в себя студенческую жизнь.

Вечером, ровно в семь часов, выхожу из подъезда. Мои длинные черные волосы и челка идеально ровно уложены. На мне бежевого цвета платье с черным поясом и черные туфли на тонком каблуке. Я сразу заметила черный блестящий джип «Прадо» с тонированными стеклами. На минуту остановилась в сомнении. Тут же вышел водитель и галантно открыл мне заднюю дверь. Я села и увидела Михаила. Он важно сидел и самодовольно улыбался. Я улыбнулась в ответ и мы тронулись. Миша выглядел безупречно: сегодня на нем была красная рубашка-поло и синие джинсы. Гладко выбрит. Запах дорогого парфюма и слегка высокомерный взгляд чертовски притягивали, хотя красавцем его, конечно, не назовешь. Абсолютно лысый, светлые брови, хитрый взгляд в серых глазах, правильной формы нос и губы.

– Как дела? – его левая бровь сексуально приподнимается вверх, и пристальный взгляд заставляет меня слегка покрас-

неть.

– Вам доклад в письменной форме, товарищ полковник? –
я таки выдержала его взгляд, загадочно улыбаясь.

– Можно в устной.

– Все отлично.

– У тебя красивая улыбка, – сделал комплимент Михаил.

– Не удивительно, если мама работает стоматологом, –
широко улыбнулась я, показывая свои безупречные зубы.

Что же он взгляд-то не отводит? Чувствую себя, как кролик перед удавом. Я отвела взгляд и посмотрела в окно. Сквозь темное стекло мелькали серые дома и деревья. Вижу перед собой старый город. Нет новых микрорайонов с разноцветными многоэтажными домами, нет супермаркетов и гипермаркетов на каждом углу. Осень в самом разгаре. Удивительно, как бесшумно и плавно едет машина, не чувствуются наши разбитые дороги. Вспомнилась наша с Филиппом «старушка»: тойота «Калдина» 1995 года. Я нахмурилась. Где-то в глубине души хотелось оказаться сейчас в ней, а не в комфортном «Прадо».

В машине у него оказались бутылка дорогого шампанского и коробка шоколадных конфет. По радио Филипп Киркоров пел «Единственная моя». Я вспомнила Филиппа и наш первый с ним танец. Он тогда сказал, что это песня про меня... Тут же отогнала грустные мысли. После первого бокала я повеселела и стала держаться увереннее. Мы разговорились, и постепенно стало понятно, что Миша очень силь-

но мной заинтересовался. Он рассказал мне, что в нашем городе работает всего три месяца, планирует оставаться года на три, с периодическими командировками в Москву, где и осталась его семья. Здесь он занимает ответственный пост в управлении внутренних дел и имеет влияние на многие структуры города.

Мы зашли в итальянский ресторан, который считался одним из самых дорогих в городе. Просторный холл, высокие потолки, интересный дизайн, качественное обслуживание. Улыбающаяся официантка провела нас за столик на двоих. Мы устроились в удобных кожаных креслах, и Миша с видом знатока взял меню, даже не спросив, что я буду. Сейчас удивлю его. Если в 2004 году итальянская кухня была в новинку, то в 2013-м она уже являлась неотъемлемой частью каждого ресторана. Я с невинным взглядом произнесла:

– Мне, пожалуйста, пасту «карбонара», лазанью, на закуску можно «карпаччо», а на десерт «Тирамиссу».

Не удивила. Он невозмутимо кивнул головой и жестом позвал официантку сделать заказ.

Весь вечер мы беседовали на разнообразные темы политики, экономики, внутренних и внешних дел. Он был сражен наповал моей осведомленностью, уверенными прогнозами на будущее. Особенно тем, что нашу доблестную милицию, по моему мнению, скоро переименуют в полицию.

– Вот увидишь! – настаивала я. – Заработные платы у сотрудников вырастут вдвое!

В конце вечера он взял мою руку в свою и грубым властным голосом произнес:

– Вика, ты удивительная девушка, ты мне очень нравишься. Не хочу тебя обманывать, я глубоко и надолго женат, не могу обещать тебе семью и романтику, но во всем остальном ты можешь на меня рассчитывать.

Когда он взял мою руку, меня по всему телу пронзила дрожь. Почувствовала его силу, и мне нестерпимо захотелось оказаться скорее в его полной власти. Так нельзя, Вика, остепенись. Не будешь же ты кидаться на первого встречного! А вслух сказала:

– Миш, к черту ресторан, поехали к тебе.

Он все понял по моему взгляду, быстро рассчитался, и вскоре мы приехали к нему домой, на съемную квартиру.

–Вау! – выпалила я, только зайдя в прихожую его квартиры в элитном доме. Шикарная квартира. Арендная плата, наверное, равна трехмесячной зарплате моего мужа. Евро-ремонт и европейская мебель изысканно и со вкусом были продуманы дизайнером. Белые стены, хрустальные люстры, белая мебель, и даже белая кухня. Теплый пол. Охая, я ходила по квартире, пока мы не дошли до спальни. Включила свет и заворожено оглядела комнату. Массивный белый спальный гарнитур, шкаф, всё в классическом стиле. Миша подошёл сзади и обнял меня за талию. Я застыла. Столько лет в моей жизни был один мужчина... Я резко повернулась и растерянно сказала:

– Я, наверно, поторопилась.

Мои слова будто и не были им услышаны. Миша притянул меня к себе, одной рукой взяв меня за талию, второй за подбородок, и жадно поцеловал в губы. Я послушно ответила на поцелуй. Шампанское кружило голову, я почувствовала слабость в ногах и пошатнулась.

Он скинул рубашку и начал расстегивать ширинку на брюках, одновременно ловко расстегивая мое платье и страстно целуя меня в губы. Страсть захлестнула и меня, лишив разума. Часто и тяжело дыша, полностью отдала себя во власть этого офицера. Он подхватил меня, крепко держа за ягодицы, а я обхватила его ногами. Мы упали на его огромную кровать, раздеваясь, и не переставая ласкать друг друга. Он был в явном восторге от моего раскрепощенного поведения и молодого упругого тела. Не выдержав, я страстно прошептала на ушко, что хочу его. Он вошел в меня, и волна сладострастия захлестнула с головой. Но, полковник чересчур возбуждился, так как буквально через минуту он с диким криком закончил и, отдышавшись, пошел в душ. Идя обратно, он довольно напевал себе веселый мотив под нос. Лег рядом. Мне хотелось продолжения. А он, обняв меня нежно, тут же заснул. Я разочарованно лежала, бессмысленно глядя в потолок. В голове крутились разные мысли. Тело требовало еще любви и ласк. От неудовлетворенности хотелось растормошить Мишу, наорать. Мозг твердил, что не нужно было связываться с этим старым уже для меня мужчиной, тем

более, женатым. Это первый мой мужчина после Филиппа, и первый секс без любви. Рука сама нашла влажную еще ложбинку и нежно начала ее поглаживать. В конце концов, удовлетворив себя сама, я спокойно заснула.

Глава 4

Я проснулась, но открыть глаза не давал какой-то подсудный страх. А что, если мое возвращение в прошлое – это всего лишь сон? Вот проснусь сейчас – а рядом Филипп спит в своей полосатой футболке, как всегда, обняв подушку. Мне вдруг так сильно этого захотелось... Открыла глаза и поняла, что это, увы, не сон. Я в квартире Михаила, только самого Миши рядом нет. Вспомнила вчерашний вечер и стала противна сама себе. Как же так, на первом свидании – и в постель... Что мной руководило? Снова закрыла глаза. «Так, Вика, – пронеслось в голове, – не переживай, это форсмажор. Хотя, он человек важный в городе, такой любовник пригодится. Ты свободна, чего тебе стыдиться?»

Вот и первый мужчина, которого я, аккуратно подвесив за плечики, поместила в свой гардероб. Этот наряд вчера не слишком меня удовлетворил. Приберегу его для особо важных жизненных ситуаций. Где же он сам? В квартире тишина. На тумбочке справа лежит записка:

«Доброе утро, дорогая. Надеюсь, тебе хорошо спалось? Не хотелось тебя будить, ты спала, как ангелочек. Я на службе,

уже безумно по тебе скучаю. Удачи на учебе! Целую, позво-
ню».

Ромео нашелся. Я встала, прошла нагая в душевую. На-
скоро приняв душ, одела чуть примятое платье, затянула по-
яс и зашла на кухню. Нашла кофе и сахар, поставила чай-
ник. Открыв большущий холодильник, не смогла сдержать
улыбку. Типичный набор холостяка: яйца, колбаса, три бан-
ки пива и пельмени. Я достала мобильный, который украша-
ло множество разно-пестрых брелоков, и сняла один, в виде
мышки. Его я подвесила в холодильнике – там мышке самое
место. Посмотрев на часы, вздохнула. Уже давно идет первая
пара. Пунктуальность, увы, не мой конек. Спокойно допив
кофе (для меня всегда важно делать это спокойно), в инсти-
тут уже просто полетела. Но все равно, подошла только ко
второй паре, это был предмет «Международное право».

Я сидела за партой, скучающе подперев голову рукой. Ко
мне подседа возмущенная однокурсница Лиза, девушка из
состоятельной семьи, которая встречалась со взрослым муж-
чиной. Своей внешностью она напоминала мне обезьянку:
чуть выдвинутая вперед нижняя челюсть, широкий нос с
раздутыми ноздрями и близко поставленные маленькие гла-
за.

– Вик, ты даже себе не представляешь, что вчера устроил
мне Артем!

– Представляю, – скучно протянула я. – Он вместо ресто-
рана повел тебя в столовую.

– А, опять твои экстрасенсорные штучки. Вот и скажи, что с ним делать? – она выжидающе смотрела на меня.

– Я не знаю, Лиза. Это твоя личная жизнь.

– Я, вроде, и люблю его, – неуверенно продолжала Лиза, – но он без денег, и не сможет дать мне всего того, к чему я привыкла...

Действительно, не знаю, что ей ответить. Я вспомнила наш роман с Филиппом. Теперь я уверена, что любила его. Любила просто за то, какой он есть. Время с ним пролетало быстро, он всегда умел поднять мне настроение, подбодрить, да и просто рассмешить. Мы часами висели на телефоне и отсылали друг другу по триста смс в день. Да, Филипп не богат, но... Однажды, в момент денежного кризиса, его долго не было с работы, и я уже начала переживать. Пришел он в одиннадцать вечера с алой розой в руке. Оказывается, вместо того, чтобы доехать на такси, он на последние деньги купил мне цветок и шел домой пешком целых пять километров. Полюблю ли я так еще когда-нибудь? И будет ли этот кто-то богатым мужчиной? Скорее всего, так не бывает. Любовь не выбирает... Я закрыла лицо руками:

– Я не знаю! Я так запуталась! Деньги-любовь, свобода-дети!

Лиза разочарованно скривила лицо и, поняв, что диалог исчерпан, устала в тетрадь.

Вот так и полились мои веселые студенческие дни. Благо-

даря своей отличной памяти, я без труда писала контрольные и курсовые, правильно отвечала на тесты и с удовольствием выступала с докладами. Эта Вика всех поражала своим интеллектом. Не буду скрывать – многие сверхумные идеи и мысли заимствовала у своих сокурсников, а нередко и у педагогов. Последние мной восхищались, по многим предметам выставляли «автоматы». Ректор при встрече самодовольно посылал многозначительные взгляды и подмигивал. Этот толстенький очкастый старикан в самом деле поверил, что я на него запала! Я улыбнулась. Наверное, ждет – не дождется окончания моей учебы. Он хлопотал о хорошем месте работы для меня, и я была довольна. Меня часто преследовало так называемое дежавю. События в институте повторялись. Те же занятия, фразы, действия. Поначалу меня это забавляло. Иногда я даже притворялась ясновидящей и предсказывала моим друзьям и одногруппникам их ближайшее будущее. Но вскоре это мне чертовски надоело. Порой казалось, что схожу с ума, временами даже хотелось бросить институт. Ведь я вернулась сделать свою жизнь яркой и счастливой, а институт для этого мне не особо нужен. Но я жалела маму, да и до окончания осталось всего три месяца. К тому же, поступила на водительские курсы, а это для меня было уже ново.

Изредка мы встречались с полковником. Он был плохим любовником, но зато исполнял все мои капризы. И был иногда весьма забавным. После каждой командировки он при-

возил мне подарки из Москвы, чем особенно располагал к себе. Вот и сегодня, через пять месяцев после нашего знакомства, он позвонил и сообщил, что приготовил мне подарок. Им оказалось кольцо с изображением сердца, усыпанного бриллиантами.

– Мишутка! Какой дорогой подарок! Ты меня балуешь! – не отрывая взгляда от кольца, я улыбалась во весь рот. – Оно чудесное!

– Поверь мне, ты его достойна. Я очень скучал по тебе, – он притянул меня к себе. – Что ты со мной делаешь? Совсем потерял голову из-за тебя.

Он нежно покусывал мою шею, зная, что я завожусь от этого с полуоборота. Мы вмиг оказались раздетыми и, словно дикие, слились воедино. В сексе Миша был эгоистичен и думал только о себе. Или, быть может, полагал, что и мне тоже хорошо. Но заканчивал он очень быстро, когда я только начинала набирать обороты. Михаил – имя весьма символичное. Не зря во всех русских сказках Мишками зовут медведей. Миша в самом деле всеми повадками схож с медведем... Такой же неуклюжий, большой и даже опасный.

После любовных утех я завела разговор, к которому долго готовилась:

– Миииш, ты же имеешь влияние на милицейскую структуру?

– Само собой, – он удивленно поднял брови. – У тебя проблемы?

– Нет, но... Понимаешь, есть один человек, он следователем работает, Филипп Богатырев. Он живет в соседнем от меня доме. Есть подозрения, что он взяточник, что преступников крышует... У нас все в округе об этом говорят. Не справедливо это. Можно на него проверку наслать? А то страшно как-то. Да и на меня недобро заглядывается... – Я отвела взгляд, боясь, как бы Миша не заподозрил личные мотивы.

– Понял тебя, все сделаю, – лениво протянул он, закинув руку под голову, а другой обнимая меня.

– Ты у меня такой властный, это меня так заводит... – нежно прошептала я, положив голову ему на плечо.

– Власть не дается каждому. Не каждому дано управлять людьми и подчинить их себе. Я привык давать поручения, приказы и орать на подчиненных. Я очень жесткий, Вика. А с тобой совсем другой. В тебе столько жизни и эмоций, ты капризна, красива и умна. Ты в какой-то степени подчинила меня себе. Называешь меня мишуткой, и я, правда, чувствую себя игрушкой в твоих руках.

Я довольно улыбнулась. Приятно слышать такие слова от мужчины. Вот Филипп у меня попляшет! Конечно, в ходе проверки ничего не обнаружат, ведь Филипп очень ответственный и дисциплинированный. Он невыносимо любит свою работу, даже больше, чем любил меня. Слишком уж он правильный, аж противно. Всегда на стороне закона и справедливости со всем усердием искал преступников. За его

рвение его быстро повышали в должности и званиях. Пусть теперь разочаруется в своей чертовой милиции, как я разочаровалась в нем. Потреплют ему нервы своими проверками, а может, даже выговор влепят... Будет знать, как задерживаться с работы!

Я не знала, что во мне говорило больше: обида или ревность. Два месяца назад я встретила его вместе с симпатичной девушкой. Они шли в обнимку и нежно поглядывали друг на друга. Проходя мимо, он посмотрел на меня, как на пустое место. Я себя почувствовала бешеным испанским быком с красными глазами, который, выпуская пар из ноздрей и высекая копытами искры, смотрит на этих двоих, как на красную тряпку матадора. Думала, что судьба не раз еще будет нас сталкивать... Но нет, сейчас я сама строю свою жизнь, а он – свою... Да, совсем не ожидала встретить его с другой. Ведь он мой – во всех временах и измерениях, разве может он принадлежать еще кому-то? Да, мне было больно и неприятно. Очень. Очень! А ведь я никогда его не ревновала. Он не давал мне поводов, а мне самой не было смысла их выискивать. Всегда думала, что лучше меня нет, и ревность – это для закомплексованных и неуверенных в себе людей. Наверное, глупо было так размышлять. Всегда найдется кто-то красивее, умнее и сексуальнее. Кто-то, кто пошатнет твою уверенность. Мне хотелось подойти к ним и устроить жуткую сцену, а этой блондиночке с ангельским видом и невинным личиком выдрать ее ангельские волосы и выцарапать ее

невинные глаза. Но я решила изменить свою жизнь, вычеркнув Филиппа...

И почему раньше он не заставлял меня ревновать? Это здорово подогревает чувства, такая адская смесь ярости, любви, эгоизма и безумства. Я поняла, насколько Филипп мне не безразличен. Он – жизнь моя. А разве можно жить – без своей жизни?

– Вик, о чем задумалась? – Миша держал меня в своих объятиях и гладил по голове. Кайфую от этого, как ребенок, и он уже знает все мои слабости.

– О тебе, конечно, Мишутка, – не моргнув глазом, соврала я, улыбаясь.

– Вот вруша маленькая, – Миша начал меня щекотать. – Сейчас ты увидишь настоящего медведя!

Я громко захохотала и ударила его по голове подушкой. Мы начали по-детски кидать подушки, и понятно, чем это закончилось.

В очередной раз отдыхая, разговор начал уже Миша:

– Скоро получишь диплом, дальше что?

Не хотелось с ним откровенничать. Что я ему скажу? Разбогатею и укачу покорять Москву.

– Найду хорошую работу... Займусь карьерой. А что?

– Ничего, все время боюсь, что украдет тебя у меня какой-нибудь ретивый зеленый мальчишка.

Я нежно легла на него, и от соприкосновения наших горячих тел стало очень приятно.

Я немного потерлась об него и заглянула в глаза:

– Давай не будем об этом. Нам же хорошо сейчас вместе?

– Ты меня любишь хоть немного? – этот его вопрос прозвучал неожиданно.

Вот мужчины, такие странные. За что я должна его любить? За то, что он женат? За то, что эгоист? За подарки? Мы с ним любовники и используем друг друга. И я выкрутилась:

– Мишка, я люблю тебя, как свою подушку. Ты очень мягкий, и на тебя всегда можно положиться.

Миша нахмурился. Похоже, такое сравнение ему не очень-то пришлось по вкусу. Он прижал меня к себе, и некоторое время мы лежали молча. Миша смотрел телевизор и вдруг произнес:

– Завтра футбол. Играют финал.

Я открыла глаза и увидела рекламу в телевизоре о финале чемпионата России по футболу. Будет играть ЦСКА с «Локомотивом». Я машинально сболтнула:

– Ничья, 1:1.

Миша, в свойственной ему манере, удивленно приподнял брови. Мы смотрели этот матч с Филиппом. Мы только готовились тогда к свадьбе. В этот день мы надели шарфики, открыли по бутылке пива и дружно болели за ЦСКА.

– Просто, всегда делаю прогнозы, – нашлась я, отвечая на его немой вопрос.

– Может, ты еще к букмекеру ходишь? – насмешливо спросил он.

– Нет, – задумчиво ответила я. А ведь это мысль. И как сама раньше не додумалась. Я поцеловала Мишу, и остаток ночи мы лежали, крепко обнявшись и думая каждый о своем.

На следующий день, узнав, где у нас находится букмекерская контора, я второпях поехала туда, надеясь, что ставки еще принимают. Перед этим вытрясла из мамы все деньги, и получилось у меня всего семь тысяч. На первый раз пойдет. Я зашла в контору и подошла к кассиру. Сзади него висел стенд с анонсом ближайших спортивных игр.

– Добрый день. Хочу сделать ставку на сегодняшний финал по футболу.

– Да, пожалуйста, одиночная ставка или экспресс? На какое событие ставите? – Кассир оценивающе меня разглядывал. Вероятно, женский пол тут увидишь не часто. Я выложила все свои деньги перед букмекером и сказала:

– Я тут ваши правила не знаю, просто делаю ставку на то, что сегодня будет ничья, 1:1. По максимуму.

Паренек выпучил на меня глаза и про себя, скорее всего, думал, что я ненормальная.

Но мне совсем не было дела, что обо мне подумают люди.

– Не слишком ли это много для первого раза? – он задумчиво почесал свой затылок.

– В самый раз. Женская интуиция, знаете ли.

Букмекер рассказал мне правила ставок, мы заполнили бумаги, он пожелал мне удачи и мы попрощались. Я еще раз

взглянула на стенд за его спиной и попыталась вспомнить результаты еще каких-либо игр. Ведь помимо футбола, краем глаза часто наблюдала за боксом и хоккеем. Но пока ничего не вспоминалось, займусь этим дома. Зато хорошо знаю почти все результаты футбольных игр и могу поднять неплохие деньги.

Вечером мне позвонил мой полковник, в явном возбуждении:

– И как тебе это удалось?

– Ты о чем? – улыбнулась я, прекрасно зная, о чем он.

– Игра, 1:1, как ты и говорила! Невероятно. И часто ты угадываешь? – Миша был в прекрасном настроении.

– Да нет, простая случайность.

– Ты необыкновенная. Ты – мой талисман. Обожаю тебя.

На этой позитивной ноте мы попрощались. На следующий день я забрала выигрыш, который составил тридцать пять тысяч рублей. Деньги, конечно, хорошие, но миллионы так не сделаешь, только если через несколько лет. Надо думать еще.

Глава 5

– Жарская! Молодец! В тесте ни одной ошибки! Последние полгода ты меня удивляешь! – Жанна Рудольфовна, преподаватель по математике и информатике, диктовала оценки за тест. Конечно, я молодец. Я в этом тесте когда-то сделала

уйму ошибок, но, благодаря работе над ошибками, я помню все ответы.

– Так, всех назвала? Теперь будем работать над ошибками!

Это невозможно! Дежавю преследует меня. Я обратилась к преподавателю:

– Жанна Рудольфовна, можно я пойду? Ошибок у меня нет, а самочувствие плохое...

– Нам сегодня еще новую тему разбирать, так что, сиди, Жарская! – строго посмотрев на меня сквозь очки, сказала Жанна Рудольфовна.

Для кого-то новая, а для кого-то старая. Как же надоело это все! После пары в аудиторию зашел ректор и попросил меня остаться для беседы. Помещение покинули все, включая математичку. Я стояла у первого ряда, облокотившись на парту и недоумевая, что ему сейчас от меня нужно. Он со строгим взглядом подошел ближе, посмотрел на закрытую дверь и неожиданно накинулся на меня.

– Вика, нет сил больше ждать! Ты, как наваждение, стоишь у меня перед глазами! – он обхватил меня своими короткими и толстенькими ручонками, смешно вытянул губы и полез целоваться. – Я прилетел к тебе на крыльях любви, чтобы воссоединиться... Любовь не знает преград. Пусть я – ректор, но это не помешает мне любить!

Я собрала в себе все силы, чтобы не расхохотаться. Какой он смешной! Смесь высокой романтики и закорюченной глупости...

–Отпустите! – потребовала я. Но он не отпустил. Он захватил, залез под юбку и принялся гладить мне бедра. Это уже чересчур.

–Петр Андреевич, Вы с ума сошли?! Нас могут увидеть! Одумайтесь! Вас уволят, а меня отчислят из института!

Похоже, мои слова его вразумили. Он отпрянул от меня, поправил очки и смущенно произнес:

–Простите, Виктория, – его квадратная челюсть заходила ходуном. – Не понимаю, что со мной происходит. А Вам все-таки следует посетить мой предмет. Вам скоро диплом защищать, – с этими словами он вышел, одергивая пиджак и нервно приглаживая жалкие остатки своей шевелюры. Старый козел. В возмущении я вышла следом, резко открыв дверь и кого-то задев.

–Поаккуратнее, Жарская, зашибешь! – услышала я голос нашей уборщицы, тети Вали. Крепкого телосложения женщина, лет сорока. У нее всегда был воинственный вид, но добрые глаза. Поговаривали даже, что она сидела в тюрьме – кто-то видел на ее плече огромную татуировку.

–Простите, тетя Валя, – извинилась я и задумалась.

–Бегают тут, мусорят, никакого сладу с вами нет! А еще взрослые люди, – ворчала она.

Я ее встречала в 2006 году, и выглядела тогда она очень плохо. Оказалось, у нее обнаружили рак груди. Но, к сожалению, слишком поздно, на стадии, которая уже не излечивается...

–Теть Валь, – решительно начала я. – Настоятельно требую, чтобы Вы прошли обследование. Я вижу, что Вы больны.

–С чего это ты взяла? – вытаращила она на меня глаза, и швабра застыла в ее руках.

– Да... я по совместительству на медицинском учусь, – я приняла умный вид и оглядела ее. – Сделайте маммографию.

–Чего? – переспросила она.

–Ну... обследование на грудь. Обязательно, слышите? А то поздно будет! – С этими словами я пошла дальше по коридору.

Сейчас у нас по расписанию Английский язык. О, я обожаю этот предмет. Его ведет преподаватель из Англии, мистер Говард. Тридцатилетний двухметровый жгучий брюнет. У него высокий лоб, выразительные карие глаза, глубокий взгляд, прямой нос и правильно очерченный рот. Его фигура свидетельствует о том, что со спортом он дружит. Он в совершенстве владеет русским языком, а его английский акцент – такой сексуальный. Я думаю, вся женская половина нашего института неравнодушна к нему. Но мистер Говард неприступный и непокоримый, как Эверест. Мне и правда, казалось, что «Говард» созвучно с «гордая гора».

Я зашла на кафедру и села рядом с Кристиной. Мистер Говард вышел из-за стола и начал лекцию. Его низкий приятный голос подействовал на меня возбуждающе. Я мечтательно закрыла глаза и представила нас с Мистером Гордая

Гора ночью, одних на кафедре. Он снимает свою белоснежную рубашку, оголяя свое натренированное тело. Я провожу рукой по его накачанным плечам, спускаюсь ниже, залезаю под брюки, глажу его бугорок, прижимаюсь к нему и тянусь к его сладким губам...

– Жарская, Вы спите? – вернул меня в действительность Говард. Англичанин стоял возле меня, чуть наклонив голову. О, этот взгляд, в нем мелькают огоньки. Вы меня не проведете, мистер Гордый.

– Нет, что Вы. С закрытыми глазами я лучше усваиваю лекцию, – оправдывалась я.

– О чем только думаете накануне сдачи диплома! – он покачал головой и продолжил лекцию об истории иностранного языка.

Я должна сдать ему зачет по грамматическим основам языка. Меня не было – болела. После пары я подошла к нему узнать, когда можно пересдать.

– У меня занятия на вечернем отделении до семи вечера в 517 аудитории. Подходите, – не отрываясь от тетрадей, произнес он.

В семь вечера я подъехала к институту на маминой Хонде «Цивик». Решила произвести впечатление на педагога и надела самое лучшее платье: сиреневый трикотаж чуть выше колен, рукава до запястья, глубокий вырез, широкий кожаный пояс. На улице конец апреля, но по-прежнему холодно.

Мы живем в городе, где весна начинается не раньше июня. Лишь недавно растаял последний снег, и деревья до сих пор стоят голые. Я торопливо выбежала из машины, забыв накинуть пальто. Съежилась от холода и побежала внутрь. Надеюсь, мистер Гора еще не ушел. Добежала до лифта и поднялась на пятый этаж. Оказавшись в 517 аудитории, я облегченно вздохнула. Сидит за столом и читает методический материал. Все студенты разошлись.

– Опаздываете, Жарская, – он равнодушно смотрит на меня. Впечатления не произвела, или он умело скрывает желания под маской безразличия? – Присаживайтесь, и можете начинать. Грамматические основы языка.

Я присаживаюсь и заплетающимся языком рассказываю весь материал. Он меня внимательно слушает с тем же беспристрастным видом.

– Ок, Виктория, очень хорошо, давайте зачетку.

Достаю из сумочки зачетку, кладу на стол. Он расписывается в ней и встает. Улыбаюсь своей завораживающей улыбкой, но он не завораживается. Гора Гордости... Мы идем к лифту и беседуем о предстоящей итоговой контрольной. В здании погасли практически все лампы, никого уже нет. Неприличные мысли кружат мне голову. В лифте он смотрит на неоновую табличку и молчит. Интересно, о чем думает?

Внезапно лифт дернулся и остановился. Англичанин выругался на своем языке. Я испуганно мямлю:

– Мы что, застряли?

– Не волнуйтесь, Виктория, – он нажимает на желтую кнопку вызова диспетчера. – Я полагаю, мы между первым и вторым этажом. – Тишина. Он нажимает снова и снова. Нас никто не слышит.

– Россия! – возмущенно восклицает он, и мне даже становится обидно за свою страну. Но что поделаешь, здесь, действительно, работать не любят. Говард достает телефон и пытается набрать номер. Хмурится и направляет мобильник во все углы лифта, видимо, пытаясь найти заветную антенну. Тоже достаю сотовый и, конечно, антенны у меня тоже нет.

– Зачем писать телефон диспетчера, если отсюда невозможно дозвониться?! – раздраженно спрашивает он, обращаясь скорее к дверям лифта, чем ко мне. Я вздрагиваю от холода и с сожалением вспоминаю, что забыла пальто в машине. Температура здесь, наверное, максимум пять градусов. И почему так рано отключают отопление? Обхватываю себя руками и усердно растираю.

– Вы почему совсем раздетая? – обратил он на меня внимание. – Где Ваша верхняя одежда?

– В машине оставила, – с досадой обронила я, от холода уже стуча зубами. – Торопилась, опаздывала... К Вам...

Говард снял с себя пиджак и накинул его на меня.

– Oh, my God! Эти легкомысленные девушки! – он повернулся к дверям и принялся громко стучать. Кто нас может услышать? Все ушли. Я поплотнее запахнулась в пиджак и вдохнула его запах. Божественный аромат мужчины. Сам он

остался в белой футболке с коротким рукавом, и наверняка мерзнет. Глядя, как играют мышцы на его руках, на миг забыла о холоде. Но в следующее мгновение снова вздрогнула и присела на корточки. На мне тонкие капроновые колготки и ботильоны. Я принялась растирать ноги. Вижу, как сводит у него челюсть от холода. Черт. Наверное, он меня ненавидит.

– Я окоченела уже, ног не чувствую, – пожаловалась я. – Нажмите еще раз вызов диспетчера.

Говард несколько раз нажал кнопку, и все также без ответа.

– Да мы же тут перемерзнем скоро! – в отчаянии выпалила я. – Мистер Говард, что делать?

Гора немного поколебался и вплотную подошел ко мне.

– Мы можем согреться, только одним способом: обнявшись, – он заставил меня подняться, распахнул пиджак и прижался ко мне, обхватив руками. Я прислоняюсь к стене лифта от неожиданности. Вот это да! Мне действительно становится тепло. Его горячее тело будоражит меня. Это так волнительно! Решаюсь тоже обнять его за спину, начинаю делать круговые движения, чтобы его согреть. Его лицо рядом, над моим плечом. До сих пор не верю в происходящее. Недоступная Гордая Гора крепко обнимает меня в лифте. Волна возбуждения начинает накрывать меня с головой. Я чуть поворачиваю голову и тяжело дышу ему в ухо.

– Неловкая ситуация, – бормочет англичанин. – Вам теп-

ло?

– Да, – шепчу я. – Горячо.

Интересно, что чувствует он? Неужели он до сих пор равнодушен, и мое тело на него никак не действует? Неужели он и правда такой бесчувственный? Я слышала, что англичане все неэмоциональны и сдержаны, не зря их называют чопорными... Но не до такой же степени! Ооо, чувствую, как что-то твердое упирается в меня ниже живота. Ага, мистер Непрístupный Эверест, попался. Поворачиваю голову и сталкиваюсь с ним нос к носу. Мы смотрим друг другу в глаза, я снова вижу огоньки, наши губы в одном сантиметре друг от друга. Я решаюсь и легко касаюсь этих зовущих губ. Он отвечает и с нежностью целует меня, просовывая язык мне в рот и жадно исследуя его. Страсть во мне уже полыхает всюю. Хочу его здесь и сейчас!

–Кто-нибудь есть в лифте? Говорит диспетчерская! Говорите! – Послышался грубый женский голос из динамика... О, нет, как не вовремя!

Говард, как ошпаренный, отлетел от меня и торопливо заговорил в динамик:

–Мы застряли в лифте! Здесь холодно, немедленно примите меры!

Спустя две минуты, лифт поехал вниз и открыл двери на первом этаже. Говард не смотрел на меня. Он казался очень расстроенным. Быстрым шагом он пошел к выходу из помещения. Я догнала его, резко схватила за руку и повернула к

себе.

– Почему нет? Я Вам не нравлюсь? – прямо спросила я, со всей страстью держа его за руку.

– Вика, Вы самая соблазнительная и сексуальная девушка, которую я когда-либо видел. Но я обручен, меня в Англии ждет девушка. И этим летом я навсегда улетаю.

Мне нечего ответить. Мой Филипп повел бы себя так же. Опять Филипп!..Ну почему кнопка «Delete» в моей голове не срабатывает так же, как в компьютере?!

Молча отпускаю Говарда и отдаю пиджак. Он так же молча поворачивается и уходит. Провожая его взглядом и вздыхаю. А я могла бы полюбить его и уехать с ним в Англию. Он был бы моим единственным костюмом в гардеробе. Что же, видимо, не мой размерчик. Хотя, даже примерка не состоялась. Но попытка была хорошая.

Последний месяц в институте выдался особенно тяжелым. Но тридцатого мая защита диплома прошла на «отлично». А на следующий день мне позвонил ректор и пригласил в ресторан – отметить это дело. Я не удержалась и рассмеялась в трубку, сказав, что у него, вероятно, очень богатая фантазия. В его возрасте нужно следить за давлением и сердцем, чтобы от чрезмерных напряжений оно не остановилось. Конечно, это было жестоко. Но мне нужно было его проучить. Нечего заглядываться на студенток.

Мама, переполняемая радостью за меня, разрешила

устроить дома вечеринку в честь успешного окончания института. Холодильник ломился от еды и выпивки, и ее дочь с нетерпением ждала гостей. В прошлой жизни получение диплома отметить не удалось, ведь тогда я уже была в положении. В груди зажгло и защемило, и гадкие кошки больно заскребли на душе. Софья...

Сегодня я выбрала себе потрясающий наряд: короткое леопардовое платье с глубоким декольте. Я – хозяйка вечеринки и должна быть на высоте. Долго смотрюсь в зеркало, любуясь собой. Молоденькая, стройная, ни грамма лишнего жира, ни одной морщинки. Аккуратно собираю свои длинные волосы в «хвост», подкрашиваю ресницы. Достаточно. Никогда не любила «кукольных» макияжей с килограммами «штукатурки», даже в тридцать лет. Моя красота – естественная.

Вечером собрались однокурсники. Лица у всех счастливые, все рвутся во взрослую жизнь, мечтая покорить каждый свои вершины. Они оживленно разговаривают, перебивая друг друга, рассказывают о грандиозных планах на будущее.

– Лично я работать не собираюсь, – заявила наша фифа, блондинка Жанна с шикарно сложенной фигурой и грудью пятого размера, – не царское это дело.

Все засмеялись. Мы знали, что Жанна мечтает выйти замуж за олигарха и вести праздный образ жизни, дрейфуя где-

то между спа-салонами, салонами красоты и ресторанами.

– А я уже год, как работаю в одной крупной корпорации, обещают карьерный рост, – похвастался наш отличник Макс.

– Да, ботаники везде нужны, – подколот Макс Дэн, этот мажористый и самоуверенный бабник. Высокий, красивый блондин с челкой до бровей, с голубыми глазами и чувственным ртом, он разбил не одно женское сердце (уж я-то знаю) в нашем институте. А может, и не только женское... Я улыбалась. Про себя называю его мартовским котом.

– Да я хотя бы сам пробиваюсь, а ты без своего папаши – полный ноль! – огрызнулся Макс.

– Мне тоже обещают приличное место, только пока не буду говорить – какое, боюсь сглазить, – лукаво выдала Крис. Все тут же начали ее допытывать, но так и не раскололи. Сохранять интригу – ее конек.

– А я думаю отдохнуть годик. Всю жизнь ведь потом пахать, надо для себя сначала пожить, – лениво протянула Лиза. Она была некрасивой, но деньги делали свое, и выглядела она миллион долларов. – Если деньги есть, чего париться?

– И я того же мнения. Чего париться. Нужно наслаждаться жизнью, – сказал Жека.

Все знали, что он балуется травкой и пропадает все время за игровыми автоматами. Наслаждается жизнью так, как сам это понимает.

– Тем более, я слышал, двадцать первого декабря 2012 года конец света по календарю Майя.

– Тебе, хоть конец света, лишь бы не работать, Женек, – заржал Дэн.

Я, улыбаясь, вспоминала двадцать первое декабря 2012 года. Весь мир тогда буквально стоял на ушах, с замиранием ожидая чего-то. Кто-то шутил, кто-то прятался в погребах, но были и те, кто жил обычным днем. Мы с Филиппом шутили в этот день и занимались любовью, как последний раз. Было очень здорово. В сердце неприятно екнуло, и дальше вспоминать о Филиппе мне расхотелось. Разумеется, в этот день ничего не произошло.

– Вик, а ты чего молчишь? Давай, колись, чем будешь заниматься? – Дэн заинтересованно ждал ответа, то и дело поглядывая на мой откровенный вырез. – Такая красotka, как ты, тоже наверняка желает стать женой олигарха?

– Не твоей, так уж точно, – засмеялась я и серьезно продолжила: – Для начала хочу объездить весь мир, а там посмотрим. Может, в шоу-бизнес подамся.

Никто не воспринял мои слова серьезно, все продолжали дальше увлеченно болтать. И только я знала, что с ними будет через девять лет. Вот, к примеру, Дэн. Папа возьмет его к себе в бизнес, о чем он сейчас и говорит. Но не пройдет и года, как он бросит все и укатит в Америку, где насмерть разобьется в автокатастрофе. Жанну бросит ее бизнесмен, и она уедет работать в Турцию, где и простынет ее след. Макс – семьянин, трое детей и ипотека. Жека станет наркоманом-героинщиком, а Лиза уедет жить в Москву и там потеряется.

Ходили слухи, что она стала там светской львицей. Кристина моя станет заместителем министра, молодец. Место, о котором она говорила – это наша городская дума. Она пройдет туда по жесткому конкурсу, сначала секретарем.

В разгар вечера, когда все уже были навеселе, ко мне на диван подсел Дэн. Он улыбнулся и протянул бокал шампанского.

– Вика, ты отпадно выглядишь, – Дэн бесцеремонно обнял меня и нагло ухватился за мою грудь. – Ты такая загадочная сегодня. Тебе грустно, детка?

Я вспомнила первый курс, когда мы познакомились с Дэном. Мне было восемнадцать. Совсем юная и наивная девушка, которая сразу по уши в него влюбилась.

Его все любили, он был душой компании. Весельчак, который, к тому же, весьма недурен собой. Мальчишеская внешность, увы, обманчиво скрывала его жестокий характер. При этом он, единственный из нашей группы, подъезжал к институту на собственной тойоте «Кроун» 1998 года. Как это всегда и бывает, мои чувства ослепили меня, закрыли глаза на все его недостатки. О нем ходили разные слухи. Одни говорили, что он встречается со взрослыми женщинами, а другие – что он в своей квартире устраивает дикие оргии. Отец на восемнадцатилетие подарил ему собственную квартиру, так как матери у Дениса не было, а отец жил с молодой женой. И якобы вот так он эту квартиру использует.

Я не верила этим слухам, а только все время смотрела на

него влюбленным взглядом, пока он, наконец, этого не заметил и первый не подошел ко мне. Он улыбнулся своей непосредственной мальчишеской улыбкой и пригласил в кино. Я лишь кивнула головой, не веря своему счастью. После фильма мы пошли к нему. Дэн вел себя очень уверенно, все время обнимая меня и целуя. Я радовалась, как маленькая дурочка, думая, что я теперь – его девушка. В квартире он сразу повел меня в спальню, чем вызвал мое девичье замешательство. Но он был так ласков, и его нежные поцелуи разбудили во мне такую бурю чувств, что я просто не в силах была сопротивляться.

Опытными руками он гладил мое тело, снимая легкую одежду. Меня смущало, что он не выключает свет, но он лишь улыбался и шептал, что я прекрасна, и он хочет видеть мое тело. Когда он разделся догола, и я впервые увидела мужской стоячий орган, я растерялась и вся сжалась в комок. Денис удивленно посмотрел на меня, но продолжал целовать. Потому вдруг раздвинул мне ноги и резко двинулся вперед. Я закричала и оттолкнула его. Денис, будто обезумев, снова широко раскинул мои ноги. Адская боль пронзила мое тело. Я начала бить его руками по спине и царапать, умоляя остановиться. Но он не останавливался, а наоборот, ускорял темп, как будто мои крики его только заводили. Я плакала и умоляла Дениса, а он, весь красный от возбуждения, с открытым ртом, продолжал двигаться в бешеном ритме, приговаривая: «Да, детка, да...».

Когда, наконец, этот кошмар закончился, он пошёл мыться. А после извинился за причиненную боль и сказал, что просто не смог себя сдержать. Я лишь тихо плакала, закрывая свое нагое тело одеялом.

Кто-то позвонил в дверь, Дэн пошел открывать. Послышались пьяные вопли, и в комнату влетели двое одурманенных спиртным парней. Они похотливо на меня посмотрели и оба с диким криком запрыгнули на кровать. Стащив одеяло, принялись меня лапать. Я заорала, что есть мочи. Дэн стащил их с кровати и долго пытался объяснить, что я не такая, а приличная и порядочная девушка. В итоге он их выпроводил вон и стал умолять меня о прощении. Но я не простила его. Попросила забыть обо всем, что между нами было. Дэн все понял и не подходил ко мне больше, лишь изредка бросая на меня почему-то грустный и задумчивый взгляд. А однажды на паре он передал мне записку со словами: «Ты простила меня?». Я отрицательно покачала головой.

Сейчас он старался держать себя нагло и уверенно, но я чувствовала его внутреннее волнение. Впервые за пять лет мы общаемся так близко.

– Вик, ты что, до сих пор злишься на меня? – я ничего не ответила. Молча смотрела на бокал, бесцельно рисуя на нем пальцем какие-то бессмысленные линии. Я перестала на него обижаться, когда узнала, что он погиб в аварии.

Дэн продолжал:

– Дурак, молодой был. Поверь, я изменился. Ты ведь мне

очень нравишься. Может, у нас и получилось бы что-нибудь...

Мне стало смешно от этой мысли. Да уж, с его сексуальным потенциалом он бы мне такие рога наделал... Хотя, сейчас мне были приятны его объятия. Я, наконец, повернула голову в его сторону. Все те же озорные глаза, челка, спадающая на глаза, аккуратный нос и нежные губы. От него шло тепло и такие сексуальные флюиды, что я не удержалась и поцеловала его. Он тут же ответил на поцелуй. Начала разгораться страсть. Я так соскучилась по молодому мужскому телу...

Дэну, как и мне, двадцать один год, он молод и горяч, но сейчас уже достаточно опытен. Я гладила его по накачанным рукам и понимала, что измучаю его сегодня до изнеможения. Мы прошли в мою комнату под укоризненный взгляд Крис, которая грозила мне пальцем, а потом крутила около виска с округлившимися глазами. Но мне было все равно. Я полностью отдала себя в руки страсти. Нынешний Дэн был поистине великолепным любовником. Он довел меня до экстаза за считанные минуты. После недолгих перерывов мы занимались любовью снова и снова, и не могли насытиться друг другом. Под утро, уставшие, но удовлетворенные, мы в позе 69 лежали и болтали. Дэн начал фантазировать о нашем будущем, обещал, что я ни в чем не буду нуждаться.

– Дэн, ты с ума сошел, – хихикнула я, – ты предлагаешь мне жить вместе?

Дэн перевернулся, обнял меня и, глядя в глаза, сказал:

– Дурочка, я люблю тебя. Выходи за меня.

– Нет, – сразу же ответила я. – Мы с тобой слишком разные. И не спорь... – Я закрыла ему рот, так как он явно пытался оспорить этот факт, и чмокнула в нос.

– Дэн, послушай, обещай мне одно. Ты ни за что на свете не поедешь в Штаты, – мне хотелось уберечь его.

– Да ты и правда экстрасенс! У меня есть такие мысли, но я о своих планах никому не рассказывал, – удивился он.

– Обещай! – настаивала я.

– Хорошо, обещаю.

Я блаженно улыбнулась и закрыла глаза. Вскоре Дэн заснул. Мне спать не хотелось. В последние месяцы, с момента моего возвращения в прошлое, меня мучают бессонница и вечные головные боли. Наверное, это такие своеобразные побочные эффекты. И еще, я практически каждую ночь думаю о детях. Я не могу вычеркнуть их из своей памяти и каждую ночь плачу в подушку от безумной тоски по ним. Я вспоминала, как тяжело я рожала Софью, почти восемнадцать часов мучаясь со схватками... Ее первый крик, первые шаги, первое слово. Тогда очень злилась, потому что первым словом ее было «папа». Вспомнила последний наш день, когда она подошла ко мне и ласково обняла за шею...

Данилу я родила быстро, он очень громко кричал, требуя грудь. Я улыбнулась: у него всегда был хороший аппетит. Он рос активным ребенком и очень часто шалил. Последний раз

он играл в индейцев и разбил мою любимую кружку. Ему тогда влетело от меня. Господи, Вика... Ну как можно было их ругать? Они такие славные. Только сейчас понимаю, что все эти моменты и были самыми счастливыми в моей жизни. Все бы отдала, чтобы сейчас обнять их и поцеловать. Это частичка меня, без них я медленно и верно умираю. Слезы полились из глаз. Как можно было даже предположить, что смогу без них прожить? Я закрыла лицо руками.

Глава 6

Спустя неделю, это была суббота, я лежала на диване и смотрела телевизор. Моя голова покоилась на коленях у мамы. Одной рукой она гладила мне голову, другой держала книгу и читала. Мне так приятно было вновь почувствовать себя маленькой и беззащитной девочкой. Самое великое заблуждение в детстве – это желание быстрее стать взрослым. Детство – это самая веселая и непосредственная пора жизни. Никаких хлопот, никаких забот. Неожиданно у меня в голове возник вопрос, который я никогда не решалась задать маме:

–Мам...

–Мммм? – Не отрываясь от книги, нежно отозвалась она.

–Мам, каким был мой отец? – рука на мгновение приостановилась, мама отвлеклась от книги, затем снова начала гладить волосы.

– Твой отец был чертовски красивым... Ты очень на него похожа... – Мама грустно смотрела на меня. – Твои повадки, манеры и даже улыбка – все его.

– Почему он нас бросил? – тихо спросила я.

– Он очень любил свободу... Творческий человек, любил рисовать, фотографировать. Когда мы встречались, он не давал мне никаких обещаний, ничем не обнадеживал. У нас были свободные отношения. Но я безумно любила его. А когда узнал о моей беременности, он так легко ушел... – Мама шмыгнула носом. – Дал мне денег на аборт и скрылся. Ему не нужны были дети. Конечно, никакой аборт я делать не стала, собрала вещи и переехала в Хабаровск – подальше, почти на край света. И больше о нем ничего не слышала.

Я подняла глаза на маму. Печальная складка пролегла вдоль ее лба, а уголки губ опустились вниз. Она грустно смотрела в пустоту. Боже, Вика, ты такая же мерзавка, как и твой отец... «Ему не нужны были дети» – эти слова, как нож, прошлись по моему сердцу... И я тоже ради свободы отказалась от них...

– Мужчины в нашем мире на вес золота, – продолжала мама. – Понимаешь, они очень избалованы женским вниманием, и это очень их затягивает. Натянуть на себя ярмо супружества и давать обет верности для них равносильно уходу в монастырь. Но, мне кажется, тот, кто уходит, поступает честнее, чем тот, который остается и продолжает заводить связи на стороне. Я никогда не винила твоего отца. Наоборот, всю

жизнь благодарю его за то, что он дал мне тебя. С рождением ребенка в твоей жизни появляется смысл. Ты поймешь меня, когда у тебя появятся свои дети. Ребенок – это часть твоей души, ты всегда чувствуешь, когда ему плохо или хорошо. Плачешь с ним, когда ему больно, смеешься, когда смеется он. Ты с самого рождения с ним, и у тебя всего лишь одно желание: чтобы ребенок твой был здоровым и ни в чем не нуждался.

Слезы непроизвольно катились из глаз, душа разрывалась на тысячу частей.

– Мам, ты святая.

– Ты чего расплакалась? Вот увидишь, ты встретишь мужчину своей мечты, и будут у тебя красивые и здоровые дети.

– Неужели у тебя не осталось ни одной его фотографии? – требовательно спросила я. Мама поджала губы и некоторое время колебалась. Потом встала, прошла в свою комнату и вскоре вернулась с фотографией в руке. На фото – молодая мама и парень лет двадцати восьми. Копия я... То есть, я – копия его. На фотографии у него черные кудрявые волосы, худощавое лицо, большие серые глаза, мой овал лица, тонкие губы. А как светятся мамины глаза! Я никогда не видела ее такой счастливой. Да, мама, что бы ты ни говорила, только ребенок не может сделать женщину полностью счастливой. Лишь мужчина способен зажечь в женщине огонь. Я отдала маме фотографию и, удовлетворительно кивнув головой, вернулась к просмотру телевизора.

Я скучно шелкала каналы. «Не родись красивой», «Убойная сила», «Даша Васильева», «Аншлаг»... О, «Дом – 2». Почти самое начало проекта. Некоторые его участники сейчас звезды шоу-бизнеса: Роман Третьяков, Ольга Бузова, Ольга «Солнце», братья Каримовы, Степан Меньшиков, Алена Водонаева, Май Абрикосов. Кто бы мог тогда подумать, что этот проект так долго продержится. Лично я не фанатка, после года просмотра я бросила это дело. По первому каналу идет сериал «Остаться в живых». Хороший фильм, но включу лучше новости.

Вдруг я подпрыгнула на месте с диким визгом.

В новостях шла криминальная хроника. Журналист сообщал с экрана, что сегодня утром произошло ограбление инкассаторов, перевозивших деньги в другой регион. Ущерб банка составил около миллиона долларов... Точно! Я помню это дело! Столько денег, мама дорогая! Деньги нашли на следующий день в офисе одного бизнесмена, это все я смотрела по новостям. Вместе с деньгами нашли еще пять трупов. В ходе следствия выяснилось, что в деле были замешаны заместитель директора банка, майор милиции, вор в законе и местный бизнесмен.

Они продумали план до мелочей и после успешного дела делили деньги прямо в офисе у бизнесмена. Деньги в офис занесли в коробках, чтобы не светиться. Но, как оказалось, двое из группировки делиться такой большой добычей не собирались. В крови у вора, бизнесмена и майора был обнару-

жен смертельный яд, который действует в течение пятнадцати минут. Замдиректора банка подсыпал им в стаканы (ведь как было не отметить такую удачу!) А у вора в законе был пистолет Макарова с глушителем, которым он застрелил троих в упор. Собрав деньги в кейсы, он около двенадцати ночи дошел до дверей офисного здания, застрелил охранника и рухнул в коридоре – подействовал яд. В семь утра в милицию поступил звонок от сменщика этого бедного охранника, который пострадал в той истории ни за что.

Вскоре офисное здание заполнили репортеры и сотрудники милиции. Еще долго эта история гремела по округе.

Я задумалась. А ведь с полуночи и до утра здание абсолютно пустое, не считая трупов и одного миллиона долларов, аккуратно сложенных в два чемодана... Это мой шанс легко заработать. Нужно всего лишь подъехать к зданию, забрать деньги, и дело с концом. Я нервно затеребила пальцами. Уж слишком все легко...

Нет времени на раздумья. Уже пять часов вечера. Нужно найти машину, чтобы поехать на другой конец города. Я быстро собралась, узнала, где можно взять в аренду авто, и поехала.

Ровно в одиннадцать вечера я стояла на парковке у офисного здания и нервно смотрела по сторонам. Жаль, не курю – мне бы сейчас не помешало снять напряжение. Кажется, что я вот-вот Богу душу отдам. Несмотря на поздний вечер, было

очень душно, и мне не хватало воздуха. Все-таки июньская жара давала о себе знать. На панели управления в машине было + 28. Я вытащила салфетки из бардачка, обтерла лицо и влажные руки. На парковке, помимо моей машины, стояло еще четыре. Я внимательно смотрела на здание. Недавно отстроенный пятиэтажный офисный центр как-то не смотрелся на этой старой улице с такими же старыми, облезлыми серыми домами. На пятом этаже горел свет. Я напрягала глаза, надеясь хоть что-нибудь увидеть, но это оказалось бесполезным делом – на окнах висели плотные жалюзи. Внизу сидит охранник и даже не предполагает, что его через час убьют. А у него, наверное, жена и дети... Вика, так нельзя.

Собрав всю волю в кулак, я открыла капот, отсоединила одну клемму от аккумулятора. Свои автомобильные номера я сняла заблаговременно – мне проблемы не нужны. Затем я подошла к двери здания и нажала кнопку звонка. Дверь открыл довольно привлекательный молодой охранник. Худощавая фигура, черные густые волосы, большие глаза, нос с горбинкой, тонкой полоской рот. Не зря я решила спасти ему жизнь. Он жевал жевательную резинку и заинтересованно оглядывал меня с головы до ног.

– Чем могу помочь? – спросил он.

– Понимаете, я не местная, еду за рулем уже восемь часов.

Остановилась отдохнуть, а теперь машина не заводится.

Я улыбалась во весь рот, показывая свои белоснежные зубки и кокетливо сверкая глазами. На мне полосатая майка

и короткие шорты. Мое волнение могут выдать только трясущиеся руки, но я их спрятала в карманах шорт.

– Не могли бы Вы посмотреть? Совсем ничего не понимаю в этой технике.

Охранник подозрительно оглянулся вокруг и, не заметив рядом ни души, дружелюбно улыбнулся.

– Ну, пойдём, посмотрим, что там у тебя стряслось.

Он уверенно зашагал в сторону машины.

– Открывай капот.

Я послушалась и стала молча следить за ним и за временем. Половина одиннадцатого. Надо его задержать ещё минут на двадцать-тридцать.

– Так, все понятно, – он усмехнулся и через минуту произнес: – заводи! Ох уж эти девушки!

Я села в машину и легко включила зажигание, затем снова вышла:

– Вы волшебник! Я уж думала, что-то серьёзное! Спасибо Вам, не знаю, как Вас благодарить! – я так восхищенно смотрела на него, что он засмутился и отвёл глаза.

– Да ладно, пустяки, клемма отошла от аккумулятора. Ничего страшного, бывает. Он продолжал жевать резинку, разглядывая меня и, судя по всему, уходить не торопился.

– Я это, хотел спросить, ты вообще в нашем городе проездом, или как? – он смущенно переминался с ноги на ногу.

– Проездом, мне ехать ещё двести километров. Честно говоря, хочу отдохнуть ещё полчаса, составишь компанию?

Меня, кстати, Аня зовут,— я вела себя уверенно, потому что было видно, что этот паренек запал на меня.

Охранник посмотрел в сторону здания, затем на пятый этаж. Вероятно, у него внутри мужской инстинкт сейчас боролся с охранником.

— Что же они там засиделись, — тихо пробормотал он.— Да ладно, за тридцать минут ничего не случится, я же все равно рядом, — успокаивал мужчину охранника.

— Конечно! — обрадовалась я и жестом пригласила его сесть в машину.

Мы расположились, и я обратила внимание, что от него очень приятно пахнет. Люблю, когда мужчины за собой ухаживают. У него приятный овал лица, а глаза действительно большие, словно блюдца. За этим парнем, наверное, девчонки толпами бегают. У меня появились очень не приличные мысли. Так, Вика, остановись, ты приличная девушка, зачем тебе еще и этот пиджак?..

Парень тоже ничего не говорил. Он пристально смотрел на меня, и видимо, его мужской инстинкт постепенно побеждал.

— Ты так на меня смотришь... — первая не выдержала я. Мои колени предательски дрожали, а дыхание прерывалось. — Давай поговорим. Что за работа у тебя такая опасная, другой не было? Как тебя зовут хоть? Парень неохотно оторвал от меня взгляд и посмотрел в окно:

— Гера. Да какая она опасная. Район не криминальный, да

и воровать тут нечего. Я учусь, а ночью подрабатываю. Тебя вот встретил, влюбился.

Да-да-да, сказки для молоденьких наивных дурочек. Я молоденькая, но не такая наивная, Гера. Я твою любовь насквозь вижу. Вон она, чуть ниже пояса...

Он взял мою ладонь и начал гладить. Мурашки поползли по всему телу. До чего же я люблю эти неожиданные ласки. Мы снова замолчали. Он принял мое молчание за согласие и потянулся ко мне.

– Ты что делаешь? – прошептала я.

– Пока ничего, – прошептал он и жадно поцеловал меня в губы. Вот что-что, а такое скоростное развитие событий мне сейчас было совсем ни к чему. Я довольно сильно оттолкнула его. Внезапно он резко привстал, я обернулась и вдруг увидела выходящего из здания мужчину. С двумя кейсами в руках. Он был очень возбужден и выглядел опасным. Но как же так? Он должен был умереть еще в здании! Я испуганно посмотрела на него и от страха онемела. Похоже, что тогда он какое-то время потратил на охранника, и яд успел подействовать. А так как сейчас охранника на месте не было...

Он быстро подходил к нам. Вытащил из кармана сигналку, и стоящая рядом машина пикнула и засветилась огоньками. Охранник спешно засобиравшись выйти.

– Не выходи! – громко и отчаянно крикнула я и начала пытаться завести машину, но от страха у меня так тряслись руки, что я не могла даже повернуть ключ. – Стой, пожалуйста-

ста!

– Что с тобой? – удивлённо спросил Гера, подозрительно посмотрев на меня. – Я просто покажусь, и все.

Дальше все происходило как в кошмарном сне. Вор заметил нас, и пока охранник выходил из машины, он достал пистолет. Выстрелил в Геру и навел руку с пистолетом в мою сторону. Я закричала и закрыла лицо руками, рыдая во весь голос. Ждала, когда же раздастся выстрел, и я получу по заслугам. Захотела легких денег, вот и получила. Нельзя брать чужое, учила меня мама. . . Я вспомнила самых близких и родных: мама, Филипп, Данила и Софья.

Вокруг ничего не происходило, и я подняла голову. Никого не было видно, машина вора стояла заведенной. Я вышла из машины, обошла ее и увидела мертвых охранника и вора. Господи, считанные секунды, и меня могло не стать. Я с жалостью посмотрела на паренька, слезы текли ручьем. Надо успокоиться и сосредоточиться на главном. Трясущими руками я взяла чемоданы (все-таки за ними же приехала, чего теперь убиваться раскаяниями) и села в машину. Люди в домах могут увидеть и вызвать милицию. Я нажала на газ и на полной скорости поехала домой.

Глава 7

На следующий день я дрожащими руками открывала кейсы. Хорошо, что хоть замки не кодовые. Открыв первый че-

модан, я ахнула. Толстые пачки тысячных купюр. Сколько денег!.. Страх и опасения прошли мигом. И даже совесть моя затихла. Я открыла второй чемодан, и он тоже доверху наполнен деньгами! Аккуратно сложенные пачки, каждая перетянута резинкой... У меня разгорелись глаза. Я богата! У меня будет все! Свобода и независимость! Весь мир будет лежать у моих ног! Я безудержно снимала резинки и в безудержном восторге разбрасывала купюры вокруг. Вскоре весь пол в комнате был засыпан вожаделенными зелеными бумажками, а я, ошалевшая и не верящая в свое счастье, стоя посреди комнаты, в одном лифчике и трусиках, исполняла мечту детства – купалась в деньгах.

К вечеру мое возбуждение спало, и я уже с железным спокойствием составляла планы на грандиозное и богатое светлое будущее. Заказала в японском ресторане суши, роллы, асахи – японское пиво, и сейчас с удовольствием все это поглощала. Я расписывала необходимые дела в Хабаровске и примерные даты моего отъезда в путешествие. Хлопнула входная дверь. Мама с работы пришла. Сейчас нужно будет объяснять...

– Мама! Ты не поверишь! Я сегодня в лотерею выиграла! – я игриво запрыгала около нее и обняла за шею.

– Да что ты? – обрадовалась мама. – Вот посчастливилось! Что выиграла?

– Миллион! – про себя добавила: «долларов». Мама села на кушетку, обалдев от такой новости.

– Вика, ты шутишь... – такая сумма у мамы не очень вя-
залась с лотереями, видимо.

– Нет, не шучу! И вот хочу поехать в кругосветное путе-
шество!

Мама все еще ошарашено на меня смотрела и не могла
прийти в себя. Она как-то недоверчиво покачивала головой
с глупой улыбкой на лице.

– Да ты что! Доча, разве можно столько выиграть? Это же
шанс один на миллион! Так разве бывает?

– Бывает, мам, и я попала в этот один шанс! Мамочка,
полетим со мной в Европу?!

– Да что ты... Европы – это дело молодое. Ты езжай, ко-
нечно, мир посмотришь, раз такая удача... А у меня здесь
работа. Может позже, в отпуске...

На том и порешили.

На следующий день я поехала в туристическое агентство.
Настроение, несмотря на свалившееся счастье, было откоро-
венно паршивое. Всю ночь я не спала, перед глазами стоял
Гера и укоризненно на меня смотрел. Господи. Ну почему
всё, что я ни делаю, оборачивается какими-то проблемами
и ужасами? Где покой, который должны были принести эти
несметные деньги? Где радость?

Ничего. Скоро я улечу отсюда. Сбудется моя мечта: я уви-
жу мир, и назло всем и всему буду самой счастливой на све-
те. Я зашла в самое известное бюро путешествий. В простор-
ном офисе скучали три милovidные девушки. Одна из них

вежливо мне улыбнулась и пригласила сесть.

– Добрый день. Чем могу помочь? – она мельком осматривала меня, оценивая мои возможности. Я заерзала на стуле.

– Добрый. Я хотела бы попутешествовать.

– Замечательно. Сейчас у нас имеются горящие путевки в Тайланд по очень низким ценам, – она скучающе оглядывала меня, внутренне, видимо сожалея, что снова попался такой невыгодный клиент.

– Вы не поняли. Я хочу в кругосветное путешествие, по высшему разряду.

Скука моментально слетела с лиц девушек, и они разом оживились. На мгновение менеджер растерялась, но быстро пришла в себя. Она недоверчиво переспросила:

– В кругосветное путешествие? Вы имеете в виду – по всему миру? Но... это очень... дорого.

– А Вы что, считаете, я не могу себе это позволить? Или мне, быть может, следует обратиться в другое агентство? – в моем голосе появился вызов, недовольство и раздражение. Менеджер тут же изменилась в лице и торопливо-услужливо выдала заученный скрипт продаж:

– Вы правильно сделали, что обратились именно в нашу компанию. Чай, кофе желаете? – улыбка до ушей и приторно-слащавый голос.

– Зеленый чай, – деньги делают свое. Тут же одна из девушек сорвалась с места, чтобы заварить мне чай, две других подсели ко мне с журналами и начали показывать все чудеса

света, наперебой расхваливая мой правильный выбор...

Мы определились с маршрутом и датой. Мне посчитали стоимость турне, и я оставила им солидную сумму, думаю, в размере их месячной выручки. Провожая меня, довольные консультантки выстроились в ряд и хором, с деланными улыбками, желали мне всего доброго.

Какой чудесный день! Настроение поднялось, билеты в руках вызывали бурю радости. Деньги дают огромную власть, и я почувствовала это. Отношение к тебе с деньгами совсем другое. О, я чувствую себя хозяйкой мира! К черту все угрызения и сожаления!

Я улыбалась, идя по главной улице города. Некоторые прохожие улыбались мне в ответ, другие равнодушно проходили мимо. Мне не хотелось домой, я решила прогуляться по магазинам и ни в чем себе не отказывать. Центральная улица города вымощена красивой красно-желтой плиткой. Я прохожу мимо площади Ленина, где бьют восхитительные фонтаны, и в душе моей поют соловьи. Захожу в один бутик, затем в другой. Всегда мечтала о таком шопинге. Много-много вещей – и сразу. Беру все, что нравится, даже не меряя. Продавцы все улыбаются, из кожи вон лезут, чтобы мне угодить. Зашла в «Дом Одежды». Накупила подарков маме и Крис. Все, можно ехать домой.

Дома меня ждала мама за чашкой чая и вкусным брусничным пирогом. Она с восторгом приняла от меня духи «Живанши» и сумку «Шанель». Я села за стол, взяла в руки круж-

ку и, попивая, с удовольствием смотрела, как радуется мамочка.

– Знаешь, – мама уселась и серьезным голосом начала: – сегодня ночью около офисного здания в Северном районе нашли несколько трупов...

Я подавилась пирогом и закашляла. Мама постучала по спине и продолжила: – Один из них был директором банка, который вчера утром ограбили. Полиция предполагает, что эти убийства связаны с похищенными деньгами, – она подозрительно на меня покосилась. – А еще, из дома напротив видели молодую девушку, в шортах и майке, она разговаривала с охранником здания на улице.

Сердце заколотилось, но я не подавала виду.

– Мам, ты так на меня смотришь, будто это я их вчера всех поубивала, – я натянуто улыбнулась.

– Деньги так и не нашли... – мама прожигала меня взглядом. Тон ее голоса становился все более грозным. – Надеюсь, ты никуда не вляпалась? Ты пришла вчера ночью, а сегодня этот выигрыш...

– Ты что, с ума сошла, мама? – я приняла оскорбленный вид. – Деньги я выиграла, и всего миллион, а не двадцать пять! Весь аппетит испортила. – Я наигранно надула губы и отвернулась. Мама тут же смягчилась:

– Прости, родная. Всякие глупости накручиваю. Ты у меня такая хорошая. Ты не способна на гнусные поступки...

Да, теперь точно кусок в горло не полезет.

– Доча, забыла сказать, тебе письмо пришло. Я на стол тебе положила. – Я направилась в комнату. – Ты куда? Доешь пирог!

Я шла в комнату, не слушая маму. Внезапно закружилась голова, предчувствие надвигающейся беды возникло в груди. На столе я увидела белый конверт. Реквизитов отправителя не было. С дрожью в руках открыла пакет, и оттуда выпала фотография. Я подняла ее и увидела на ней себя возле офисного здания и двух трупов... Только этого мне не хватало!.. Я села на кровать и обхватила руками голову. Еще на одной фотографии я с двумя чемоданами сажусь в машину. Дрожащими руками я вытащила из конверта листок и принялась читать:

«ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ЭТИ СНИМКИ ПОЯВИЛИСЬ В МИЛИЦИИ, ПРИЕЗЖАЙ
СЕГОДНЯ НА ЭТО ЖЕ МЕСТО В 22.00. НЕ ОПАЗДАВАЙ».

Что же это такое! Почему мне не дадут спокойно пожить! Откуда взялся этот кретин с камерой?! Я тоже хороша, зачем было выходить из машины... Тут же прикусила губу. Я вспомнила молодого студента, его улыбку и блеск в глазах. Нет, я правильно сделала, я попыталась его спасти.

Почему этот человек не отдал снимки в милицию, что он хочет от меня? Конечно... Он хочет денег. Ежу понятно, что

убийство связано с похищенными деньгами, а в руках у меня он заснял два чемодана. Гадкий шантажист. Я сжала руки в кулаки и стукнула по столу... Такой поворот событий не входил в мои планы. Что делать? Надо ехать, не хочу же я в тюрьму. Меня охватил животный страх. Тюрьма! Боже, я даже об этом и не думала!.. Мне же могут пришить соучастие в похищении и убийствах. Меня на всю жизнь посадят!.. От ужаса у меня задрожали колени, и с головы до ног прошиб холодный пот. Я посмотрела на новые наручные часы: уже девять вечера. Срочно ехать. Я выбежала из дома, крикнув маме, что еду к Кристине, по пути вызывая такси.

Через пятнадцать минут я уже ехала в такси и пыталась взять себя в руки. Мандраж охватил меня и никак не хотел отпускать. Мне очень страшно... Вдруг меня убьют?.. Разумеется, денег я с собой не взяла. Можно сказать шантажисту, что они в банке. На самом деле они у меня в комнате под кроватью. Сколько он (или они) попросят? Скажу, что половину уже истратила, пусть не рыпаются. Без денег я себя не оставлю. Найду выход из ситуации. С этим настроением я подъехала к офису. Без пяти десять. Никого нет. Где он? Может, это ловушка, и за углом стоят менты? Так, Вика, возьми себя в руки... На телефон пришла смс.

«Я тебя вижу. Слева от тебя дом. 3 подъезд, 2 этаж, 47 квартира. Подходи». Откуда он знает мой номер? Все, это конец. Надо отправить эту смс Кристине. Что я и сделала. Крис моментально перезвонила и спросила, что это значит.

Я ответила, что поговорим завтра, а это адрес, где я нахожусь. Она засыпала меня вопросами, пришлось скинуть вызов. Дошла до дверей нужной квартиры и позвонила. Мне открыл высокий парень лет двадцати восьми. Я представляла себе шантажиста как-то иначе: лысый злодей в черной одежде и наколках по всему телу. А у этого парня приятная внешность: русые коротко стриженные волосы, серые глаза, орлиный нос, чуть торчащие уши, пухлые губы. Фигура стройная, высокий. Одет в домашнюю футболку и шорты. Он пропустил меня в квартиру и знаком пригласил пройти.

Квартира уютная, чистая, много картин, это моя слабость. Люблю искусство во всех проявлениях. В комнате висят грамоты и фотографии. Много фотографий. Скорее всего, он профессиональный фотограф, и мне не повезло, что он оказался в ту ночь рядом. Но я стала чувствовать себя увереннее и задышала спокойнее. Мягкая мебель, электрический камин, большая книжная полка во всю стену. Весьма уютная квартира. Я стояла посреди зала, не зная, что говорить и делать дальше. Он, скрестив руки на груди, смотрел в окно и курил. Спокойный и уравновешенный, это, почему-то, радует. Много денег он не получит, это точно. Тишина давит на нервы. Я не выдержала:

– Послушайте, раз Вы не передали снимки в милицию, я так понимаю, Вы хотите хм...вознаграждения?

– Нет, меня не интересуют деньги, – спокойно ответил он, даже не повернувшись.

От удивления я открыла рот и на мгновение потеряла дар речи, сомневаясь в его «нормальности».

– Нет человека на земле, которому не нужны деньги. Ты мне голову не морочь!

Сколько ты хочешь?

Вместо ответа парень взял пульт от музыкального центра и нажал «плэй». Заиграла медленная песня группы «Энигма». Затем он подошел к разложенному мягкому дивану и принялся стелить простынь. Я возмущенно выпалила:

– Даже не думай! – я в отчаянии начала теревить пальцами. – Послушай, скажи, сколько ты хочешь? Мы договоримся. Не будешь же ты меня насиловать? – я смотрела на него умоляющим взглядом. – Половину хочешь?

– Раздевайся. – коротко ответил он, стоя в трех метрах от меня.

Я отрицательно махала головой.

– Если не хочешь денег, давай я вызову тебе проститутку? Хочешь? – я пыталась его прощупать, пыталась найти выход.

Он спокойно подошел ко мне и сказал:

– Я не буду тебя насиловать. У человека всегда есть выбор. Ты ведь можешь с чистой совестью сесть в тюрьму... Если не хочешь, делай, что я говорю.

– Но... – он не дал мне договорить, прислонив свой указательный палец к моим губам.

– Раздевайся, не бойся, – его непреклонный холодный взгляд дал мне понять, что спорить бессмысленно. На мне

узкие голубые джинсы и розовая блузка. Безнадёжно опускаю глаза и медленно расстегиваю пуговицы под грустные ноты Энигмы.

– Смотри мне в глаза, – мягко, но между тем настойчиво, попросил он. Я судорожно вдыхаю воздух, смотрю ему в глаза и продолжаю расстегивать пуговицы непослушными, онемевшими пальцами. Полумрак, сексуальная мелодия и его серьёзный, пристальный взгляд будоражат мое тело и разум. Не отрывая от него глаз, я послушно снимаю блузу и чересчур узкие джинсы, остаюсь в одном белье. Он проводит взглядом по всему телу и обходит меня сзади.

– Ты – Богиня красоты, – слышу я его тихий голос.

Чувствую, как его прохладные пальцы расстегивают бюстгальтер, и мурашки бегут по мне, вызывая дрожь. Лифчик падает, и на очереди – мои черные кружевные трусики. Он аккуратно снимает их и откладывает в сторону. Закрыв глаза, облизываю пересохшие губы. Чувствую, как его палец медленно движется по моему позвоночнику от шеи до поясницы, и волна возбуждения накрывает меня. Нет! Что со мной? Я не хочу его, он мне противен!.. Сволочь... Неожиданно его руки захватывают мою грудь и крепко сжимают. Он начинает ее массировать, его дыхание обжигает мне шею. Мои колени бросает в дрожь, я запрокидываю голову назад и сдерживаю стон. Одной рукой он обхватывает грудь, другая начинает блуждать по телу, двигаясь вниз. Его палец проникает в мое сокровенно место, и дыхание его становится

ся прерывистым и тяжелым.

– Ты уже вся мокрая... Такая искушенная и горячая... – он опрокинул меня на диван, приспустил шорты, быстро вошел в меня и начал интенсивно двигать ягодицами. Не было даже намеков на нежность. Ни ласк, ни поцелуев. Он имел меня, как дешевую шлюху, даже не соизволив раздеться, а лишь приспустив штаны. Я ненавижу его!.. Не хотелось себе признаваться, но мне было отвратительно приятно. С большим трудом я сдерживала стоны и движения. Мне хотелось двигаться с ним в такт, но я лежала и сдерживалась, хотя от этого мне было приятнее вдвойне. Он задвигался быстрее и, не удержавшись, я кончила, изогнувшись под ним и выпустив протяжный стон. Он усмехнулся и следом за мной взорвался в экстазе, упав рядом. Закрыв глаза, я мысленно проклинала его. Ничего не понимаю, он вполне симпатичный парень. Неужели, у него нет девушки? И почему он отказался от денег? Вот этого еще мне не хватало. Сейчас заставит с ним жить... И что делать? Мои размышления прервал его невозмутимый голос:

– На сегодня ты свободна. Можешь вызвать такси и ехать домой. Я тебе позвоню, когда ты мне снова понадобишься.

От возмущения я слегка ударила его ногой.

– Я тебе не проститутка! И не позволю так обращаться с собой! – на что он лишь снова усмехнулся и перевернулся на другой бок.

– Не заставляй меня повторять дважды. – он зевнул. – За-

хлопнешь дверь.

Резко встав, я принялась лихорадочно одеваться. Через пять минут вышла из квартиры, громко хлопнув дверью. Паразит! Сволочь! Грязная тварь!..

Во дворе я ждала такси и соображала, что мне делать дальше. Он что, дурак, отказывается от денег? Зачем ему нужна я? Псих! Точно, псих! Да это же рабство, в прямом смысле этого слова. А если завтра он меня своим друзьям предложит?.. Оооо, Вика, думай, думай... Нужно отыскать флэшку с фотографиями и удалить компромат. Все будет хорошо. Главное успеть, ведь уже через шестнадцать дней начинается мое турне...

Через два дня он позвонил и велел вечером снова прийти к нему. Все повторилось: я разделась, он повалил меня на диван, приспустил штаны и сделал свое грязное животное дело. Лежа на диване, я обратила внимание на письменный стол. На нем стоял ноутбук, в который вставлена флэш-карта.

– Можешь идти, – услышала я усталый голос моего мучителя. Я решила поговорить с ним:

– Может, скажешь хоть, как тебя зовут?

– Это не важно, – он прошел к окну и закурил сигарету.

– Я и сама узнаю, – уверенно заявила я, завернувшись в плед и подошла к одной из грамот, висящей на стене и начала читать вслух:

– Так, грамота. Награждается Ольховский Константин Ру-

дольфович, победивший в номинации «Лучшие образовательные материалы» в конкурсе публикаций «Журналисты против коррупции», – я повернулась к нему. – Ольховский? Это ты написал книгу «Хозяин мира»? – он молча курил. – Ты... Я читала, весьма поучительно.

Подошла к следующей грамоте и прочитала уже про себя: «Почетная грамота союза журналистов за многолетнее плодотворное сотрудничество со средствами массовой информации и активную творческую деятельность».

– Костя, ты интеллигентный и порядочный человек, зачем ты насильно заставляешь меня... приходить сюда? – я приняла плачевный вид, надеясь надавить на жалость.

– Тебе ли говорить о порядочности? – он обернулся и, нахмурившись, продолжил: – Ты со своими дружками ограбила банк. Затем, возможно, ты их убила.

Я разозлилась:

– Тем не менее, ты меня не выдаешь и зовешь к себе, будто других женщин на планете нет. А ты не боишься, что я и тебя прикончу?

– Нет, не боюсь. Тебе пора, я позвоню.

Выругавшись про себя, я оделась и снова выбежала из квартиры.

Мы встречались каждый вечер в течение десяти дней. Я пыталась сблизиться и, кажется, лед тронулся. Мы оба лежали раздетые и тяжело дышали. Я показала, на что способна, и выбила его из сил. Он, как всегда, встал и молча закурил.

– Не выгоняй меня... – попросила я. – Сил нет. Хочу остаться с тобой.

После минутного молчания он кивнул головой. Пытаясь скрыть свою радость, я прошла в ванную комнату. В ванной все стерильно чисто. На полочке аккуратно расставлены его принадлежности для мытья и бритья. Ничего женского нет. Подожди Костя, сейчас ты заснешь, и я все про тебя узнаю. Может, даже найду компромат на тебя. По крайней мере, мечтаю об этом. Сегодня он снова оставил флэшку в ноутбуке, это мой шанс. Стяну флэш-карту, посмотрю твои документы и свалю домой, надеюсь, в последний раз. Откровенно говоря, я уже не испытывала к нему ненависти. Он вызывал интерес и в глубине души даже нравился мне. Да, черт, нравился! К тому же, он не сдал меня в милицию, и в постели с ним хорошо. Он чем-то напоминал мне Филипа: мягкий, добрый, спокойный, но страстный.

Когда я вышла из душа, Костя уже спал, мирно посапывая. Я улыбнулась про себя. Ведь не боится же, что я его грохну. Тонкий психологический нюх на людей. Я решила для верности часик подождать и легла рядом. Час тянулся невероятно медленно, мои веки тяжелели, и бороться со сном оказалось очень сложно. Но надо действовать. Встала с дивана и подошла к столу, включив на телефоне фонарик. Вытащив флэш-карту из ноутбука, положила ее к себе в сумку. В столе встроены три отодвигаемых ящика. Я осторожно открыла первый и осветила внутрь фонариком. Пухлая папка, в

ней пустые листы А4. Скрепки, карандаши, ручки, степлер. Второй ящик. В прозрачной зеленой обложке – кипа медицинских листов. Анализы, УЗИ. Меня бросило в пот. Чем он болен? СПИД?

Обследования...электрокардиография, эхокардиография... Неужели, сердце? Я пыталась разобрать непонятные закорючки медицинского заключения.

«Гипертрофическая кардиомиопатия». Что это значит? Внезапно загорелся свет, и я зажмурила глаза.

– Так удобнее читать? – Костя облокотился на дверной косяк и смотрел на меня все тем же серьезным, невозмутимым взглядом. Я так увлеклась, что даже не услышала, как он встал. Теперь знаю, что чувствуют преступники, когда их застают на месте преступления...

– Прости, – я задвинула ящик и опустила глаза.

– Это так предсказуемо: ублажать меня, чтобы потом рыться в моих вещах.

Я вспыхнула, но промолчала.

– Верни флэшку, там нет твоих фотографий.

Я не двигалась. Он лжет. Не буду отдавать.

– Я стер эти кадры сразу после того, как распечатал те две, которые у тебя. У меня нет на тебя компромата.

Я удивленно уставилась на него.

– Зачем? Я не понимаю...

– Я мог передумать и отправить эти фотографии в соответствующие органы. Но мне этого не хотелось. Я подъезжал

к дому в ту ночь и видел, как преступник грохнул охранника и поднял пистолет на тебя. Не думаю, что ты каким-то образом замешана в этих преступлениях. Твоя вина в том, что ты присвоила себе чужие деньги. Алчность и корысть не самые хорошие качества для девушки. Я видел, как ты плакала над юношей, и решил, что тюрьма – это не очень подходящее место для такой молодой, глупой и эмоциональной девочки, пусть и алчной. Затем проследил за тобой до самого твоего дома. Журналисту не трудно узнать твои данные. Я знаю о тебе все. И решил наказать тебя по – своему.

Не зная, что сказать, я легла на диван и натянула одеяло. Не верилось, что теперь свободна.

– Ты не уходишь? – тихо прозвучал его вопрос. – Можешь идти, я больше не держу тебя. Ты слышала или нет? У меня нет на тебя компромата.

– Твоя болезнь...это серьёзно? – печально спросила я. – Она неизлечима, да? Поэтому ты сказал, что деньги тебя не интересуют?

– Да, я могу умереть в любой момент, – он встал у окна и закурил.

– Тебе, наверное, нельзя курить?

– Это не имеет значения. Днем позже, днем раньше.

– Почему рядом с тобой никого нет? – этот вопрос мучил меня уже давно.

Он затушил окурок и лег рядом.

– У меня была любимая, но я ее бросил, когда врачи ска-

зали, что жить мне осталось недолго. Зачем я буду причинять ей страдание и боль. К тому же, ненавижу, когда меня жалеют.

Я не знала, как себя вести. Мне безумно было его жалко. Мне хотелось быть рядом.

Такие уж мы, женщины...

– Костя, мне, правда, не хочется уходить, не из жалости к тебе. Позволь остаться. Я 29 июня улетаю в путешествие, а потом планирую переехать в Москву. Давай эти пять дней проведем вместе?

Впервые я нежно провела рукой по его телу. Он повернулся ко мне, и впервые горячо поцеловал в губы...

Четыре дня мы полностью провели вместе. Мы ходили в кино, в театр, в кафе и даже в библиотеку. Он такой интересный и умный. Он часто читал мне нравоучения, но я не обращала на них внимания. На четвертый день мы сидели на скамейке в парке «Динамо» и ели мороженое. Стояла жара, солнце беспощадно пекло. Костя обнимал меня за талию.

– А давай завтра на левый берег махнем! – с воодушевлением предложил Костя. За четыре дня он изменился: появился блеск в глазах и выравнялась осанка. Он часто шутил и улыбался. – Я возьму яхту у друга, и весь день проведем на пляже.

– Яхта! Ух ты! Я – за! – засмеялась я и прижалась к нему.

– Вика, хочу подарить тебе кое-что, – смущенно произнес Костя. Он вытащил из кармана серебряный с позолотой

медальон на цепочке. – Святой Пантелеймон. Его подарила мне еще моя бабушка. Береги его, он поможет тебе в трудную минуту.

Я растрогалась и приняла подарок. Костя надел мне его на шею и застегнул. Я чувствовала его печаль и тоску.

Чуть позже мы сели к нему в машину. Серый «Хариер» подходил ему по характеру.

– Вика, достань в бардачке сигареты, – попросил он.

Я открыла бардачок, а в нем увидела маленький красивый букет цветов.

– Костя! Как мило! – носом я уткнулась в букет и вдохнула свежий аромат кустовых розочек и фиалок.

– Вика, ты еще не передумала? Может, отдашь деньги? – серьезно спросил Костя.

– Ни за что! Я только сейчас начала жить, понимаешь? До этого у меня было существование! Мне всего лишь хочется быть счастливой, что в этом плохого? Государство не обеднеет... – я упрямо подняла голову и поджала губы.

– Человек, который думает только о себе и о своих корыстных целях, не может быть счастлив, – спокойно продолжал он. – Если эгоистичные удовольствия – твой смысл в жизни, то жизнь твоя бессмысленна.

Где-то в подсознании я понимала, что он прав, но тяга к богатству сейчас была сильнее. На следующий день лил сильный дождь, сопровождаемый громом и молнией. Это напомнило день моего возвращения в прошлое. Я молилась про

себя и просила Бога вернуть меня назад. Костя не звонил. И на мои звонки не отвечал. Со смутным беспокойством я поехала к нему. Но и дверь никто не открывал. Я нервно начала тарабанить.

– Костя! Открой дверь! Ты там?! Открой, пожалуйста! – плохое предчувствие не оставляло меня. Страх съедал буквально съедал душу.

На лестничную площадку вышла пожилая женщина в халате.

– Не нужно так стучать. Увезли его. На «скорой». Ногами вперед. Нет больше нашего Костика, – грустно говорила женщина. – Какой был человек! – она тяжело вздохнула и пошла к себе в квартиру. Я прислонилась к стенке и откинула голову назад. К горлу подкатил ком, и я заплакала. Такой молодой, еще жить и жить... Как так, сегодня есть человек, завтра – нет?.. Костя неожиданно появился в моей жизни и так же неожиданно ушел. Этот строгий костюм я больше не надену никогда...

Позднее, вся промокшая от дождя, я ехала в такси. Прислонив голову к стеклу, смотрела на бьющие капли дождя и грустно вспоминала его последние слова, слова Рескина: «Смотри на каждую утреннюю зарю, как на начало твоей жизни, и на каждый закат солнца, как на конец ее. Пусть каждая из этих кратких жизней будет отмечена каким-нибудь добрым поступком, какой-нибудь победой над собой или приобретенным знанием».

Глава 8

Одесса, сентябрь 2005г. За три месяца я исколесила всю Европу, своими глазами увидела Альпы, Венскую оперу, Коллизей, Эйфелеву башню и собор Парижской богородицы в Париже, гондолы в Венеции, колесо обозрения и Биг-Бен в Лондоне, Пражский град, Версальский дворец и многое другое, что раньше могла видеть лишь по телевизору. Впечатления зашкаливали, как у ребенка, которому Дед Мороз подарил то, о чем и не мечталось. Дух захватывало от великолепия и красоты этих непревзойденных мест. Сейчас я остановилась у тетки Оксаны в Одессе, родном городе моей матери. Мама попросила заехать и повидать родственников на Украине. Оксана приняла меня с распростертыми объятиями и обожанием. Жаловалась, что мы с мамой забрались к черту на кулички, и добраться до нас чрезвычайно дорого. Они с мужем Василием жили в районе Большой Фонтан, в двухкомнатной квартире, уютной и благоустроенной. Мне они гостеприимно выделили комнату бна ближайшие четыре дня, после которых я планировала продолжить путешествие. Мы с мамой купили им подарки, и сейчас Оксана как раз разворачивала сувенир. Деревянная статуя женщины, очень красивая и тонкая работа. Так же я выбрала у нас в Хабаровске на выставке картину художника Германа Палкина «Вера, Надежда, Любовь». Оксана накрыла шикарный стол, и мы

душевно сидели под бутылочку вина.

– Ой, Вика, ты уже такая взрослая дивчина. Похожа на отца своего окаянного. Как там мать твоя, Катерина?

– Все у нас хорошо, тетя Оксана.

– Помню Катерину молодую. Вот как сейчас: стройная, скромная, веселая. Знаешь, сколько хлопцев- то за нею бегало? Ой, и связалась же она с этим бабником! – Оксана пустила слезу. – Бросила все, уехала в Хабаровск. Так замуж и не вышла больше. Жалко мне ее.

– А она не жалуется, – недовольно сказала я. Такое ощущение, будто я виновата в этом. – Мы с ней очень хорошо живем.

– Да ты шо, Викуля, не обижайся. Люблю я вас. Ты ни в чём не виновата. Судьба такая...

Мы поболтали еще часик и пошли спать.

Следующие два дня я провела, объезжая всех родственников. Все они встречали меня весьма радушно и накрывали богатые столы. Я их всех видела первый раз, но они мне понравились. Родственники с теплотой говорили о маме, какая она умная и добрая, и все сожалели, что мы уехали. Я с нежностью вспомнила маму. Какая же она все-таки у меня хорошая. Как я ее люблю. Вот она позвонит мне, и обязательно ей это скажу.

Вечером позвонила мама, и ее тон меня обескуражил:

– Вика, как ты могла!? Я нашла деньги у тебя под кроватью! Ты с ума сошла! Во что ты ввязалась?! – она неистово

кричала в трубку прерывистым голосом.

– Мам, я все объясню. Ничего страшного я не сделала, не переживай, – что я могла ей объяснить?

– Немедленно приезжай, и будем разбираться! – потребовала она. Я сбросила вызов. Мне нечего ей сказать. Пусть успокоится. Надо было все-таки все деньги на счет положить. Я боялась вызвать подозрения, поэтому половину оставила дома.

Огромный камень лег на душу, и всю ночь я пролежала, не сомкнув глаз.

На следующий день я поехала в центр, осматривать достопримечательности города. Старинный город-герой с памятными местами и зданиями с исторической архитектурой. Я шла по знаменитой Дерибасовской. Улицу наводняло бурное море туристов. Направо и налево пестрели вывески ресторанов и кафе. Вышла к городскому саду, где струился фонтан. Дальше оказалась на площади морского вокзала, где стоял знаменитый памятник Дюку. Отсюда вниз шла Потемкинская лестница, открывался шикарный вид на порт, и виднелась высотная, ярко освещенная гостиница «Одесса». Лестница вниз нескончаемая, наверное, метров триста. Рядом находится фуникулер. Развозит туристов вверх и вниз. Я прошла по Тещиному мосту, затем прогулялась по Приморскому бульвару, проходя мимо памятника Пушкину и Пушки.

Следующими достопримечательностями оказались Екатерининская и Греческая площади и знаменитый Одесский оперный театр. Я удивлялась, как после такой красоты можно было уехать в далекий холодный Хабаровск. Последним местом моего посещения должна быть Соборная площадь. Оксана сказала, что она мне понравится больше всего. Заинтригованная, я шла к месту, гадая, что мне там может так понравиться. А дойдя до нее, улыбнулась.

На площади находится выставка художников. Здорово. Я ходила по выставке, внимательно изучая картины. У каждой картины есть свое значение, смысл, который хочет передать ее творец. Мастерство художника заключается в том, что он может изобразить значительным любой предмет. Я повернула голову вправо и чуть не упала. На картине перед моими глазами была изображена...мама. Да это же образ с той фотографии, которую она мне показывала!.. Художник даже сумел передать блеск в ее глазах и любовь... Я взглянула на художника, который внимательно меня рассматривал. Даже не вглядываясь, поняла, что это мой отец. Сказать, что я была в шоке, ничего не сказать! Столько раз представляла нашу встречу, но сейчас стояла, как вкопанная, вглядываясь в его лицо.

– Добрый день. Вам понравилась картина? – он приветливо улыбнулся. Честно говоря, выглядел он неважно. Пожилой, около пятидесяти лет. На голове шляпа, а черные длинные волосы с приличной проседью собраны в хвост. Помя-

тый серый костюм, засаленная рубашка и дешевый галстук. Боже, его черты лица: я будто смотрю в зеркало... Помнится, мне хотелось плюнуть ему в лицо, но сейчас... Меня обуревали странные чувства. Отец... Где ты был все эти годы?! Не встречал мою мать из роддома, не слышал моих первых слов. Почему не переживал со мной мои первые болезни и провалы, почему не учил играть в футбол и не защищал меня от мальчишек в школе? Почему ты сделал несчастной мою мать? Он так добродушно улыбается, он не похож на подонка. Я должна узнать его получше.

– Да, очень понравилась. Могу я ее купить?

– Вы знаете эту прекрасную женщину? – он спросил с теплотой в голосе, а глаза его показались мне влажными. Показались?.. Он с надеждой смотрел на меня. – Вы мне напоминаете кого-то, мы с Вами не встречались?

– Нет, не встречались. Но, если Вы рассмотрите меня поближе, Вы, может, догадаетесь, кто я...

Он, как будто не веря своим глазам, начал разглядывать мое лицо.

И вдруг удивленно воскликнул и посмотрел на портрет матери.

– Не может быть! Неужели... – неожиданно он застонал и закрыл лицо руками. – Дочка, прости. Я не знал! Я искал Катю!

Мои глаза переполнили слезы. Он искал нас!.. Как глупо было маме уезжать. Я неуверенно положила руку на его пле-

чо. Все вокруг уставились на нас, тронутые этой встречей. Мне было плевать на них. Я встретила отца! Боже мой, отец! Он вдруг вскочил и, собрав свои картины, пригласил к себе на чай.

Минут через тридцать таксист высадил нас около старого трехэтажного дома.

– Живу я скромно, не побрезгуй, – извиняющимся голосом сказал он.

Мы поднялись к нему, он открыл дверь, и я с восторгом ахнула. Просторная трехкомнатная квартира с красиво расписанными стенами. В прихожей изображена дикая природа с грациозным леопардом, в зале – высотная Эйфелева Башня со всеми прилегающими красотами, во второй комнате – Статуя свободы и Джордж Буш.

Третья комната отведена под мастерскую. В ней много полотен, незаконченных картин и художественных инструментов. Мебель в квартире не новая, но вполне пригодная и яркая. Мы прошли на кухню. Отец поставил чайник. Я видела, что он волнуется не меньше моего. Кто мог подумать, что мы когда-нибудь вот так встретимся? Может, потеряв одну семью, я взамен приобрела другую? Ведь духовно я так близка к нему, у нас столько с ним общего... Он отодвинул стул и жестом пригласил меня сесть. Затем достал из старенького шкафчика две кружки и, взяв в руки чайничек, раскаивающимся голосом запричитал:

– Эх, дочка, ты, наверное, ненавидишь меня? Я мерзавец,

знаю... Как я мог тогда сказать твоей матери, чтобы она делала аборт? Поверь, я сразу же об этом пожалел! – он говорил дрожащим голосом, разливая чай трясущимися руками. – Я звонил ей, но она сменила номер телефона. Я искал ее через подруг, отчаянно искал, но они ничего не говорили. Я объездил все больницы, но и там потерпел неудачу. Я решил, что поздно, Катя наверняка уже сделала аборт... И это – наказание мне за ошибку, за мою глупость и эгоизм.

– Нет, не сделала, – я была тронута его откровенным признанием. – Маме не стоило уезжать, я понимаю. Вячеслав, Вы молодой были, сразу не осознали...

– Поверь, жизнь меня потом сторицей наказала. Я два раза был женат, и оба раза неудачно. Мне сделали операцию, и я стал бесплодным. У меня нет детей, некому в старости будет подать стакан воды. Всю жизнь я каялся, что потерял вас, но вернуть время невозможно.

«Возможно, папа, я вернула», – пронеслось в мозгу. Я не смогла удержать слезу, он подскочил и вдруг крепко обнял меня.

– Папа... – всхлипнула я, – папа... – Он обнимал меня, глядя по голове и бормоча просьбы прощения.

Когда я уходила, я все-таки взяла мамин портрет, дав отцу тысячу гривен. Он отказывался, но я настояла.

Я сдала билеты в Корею и решила обосноваться в Одессе. Недалеко от центра сняла квартиру. Мне нравился этот город, и я решила быть поближе к отцу. Ведь столько времени

он был лишен моей любви. Я звонила маме. Она уже успокоилась, но все также требовала, чтобы я срочно возвращалась. Я не стала по телефону говорить ей про отца, уговорила только прилететь сюда и перевести мне денег на счет. Она пообещала взять отпуск и приехать. А что? Возможно, они с отцом начнут все с чистого листа...

Стоп, Вика. Ты вернулась сюда, чтобы изменить свою жизнь. Свою жизнь, а не весь мир. Может быть, не стоит перекраивать всё? Охранник, Гера. Ты спасла его? Ему суждено было умереть... Но ведь это – мама. Папа... Посмотрим...

С отцом мы встречались каждый день. Гуляли в парке, писали вместе картины в мастерской, вместе их продавали. Он талантливый художник и пишет замечательные картины. В его мастерской были портреты еще нескольких женщин. Наверное, его бывшие жены. Я тактично умолчала и не стала спрашивать. Мне пришлось практически насильно провести его по магазинам, чтобы обновить ему одежду. Мы ходили по бутикам, и я выбирала ему костюмы, рубашки, футболки, обувь. Мы веселились, когда он, выходя из примерочной, деланно дефилировал передо мной, как модель.

У него была интересная жизнь, и он красочно о ней рассказывал. Сегодня с утра я уже снова сидела у него в мастерской. Он писал пейзаж. Золотая осень.

Очаровательно.

– Пап, как в реальности! – восхитилась я. – Она как живая! Кажется, что листья вот-вот зашевелиятся от ветерка!

– Ты знаешь, дочка, задача художника не в том, чтобы копировать природу, а в том, чтобы выражать ее, – вдохновенно поучал он. Ему определённно нравился такой мой интерес к его творчеству. Неожиданно отец повернулся, кистью поставил мне желтую кляксу на носу и рассмеялся.

– Ах так! – я, притворно приняв грозный вид, засунула всю пятерню в акварель и отпечатала на папином лице. И что тут началось! Мы с кисточками бегали друг за другом и норовили испачкать. В конце концов, обессиленные, испачканные с ног до головы, но довольные, мы упали на диван. Отец умылся и вновь принялся за пейзаж, а я, наблюдая за ним, задремала. Не знаю, сколько времени я проспала, но когда проснулась, папы в мастерской уже не было. Я услышала шум на кухне.

– Папа, – позвала я и зашла на кухню. И застала забавную картину. Папа в фартуке и платочке возился с духовкой. Чувствовался запах горелого.

– Ты что делаешь?

– Дочка, хотел пирог испечь, да подгорел он, – виноватым голосом ответил отец, доставая пирог из печи. – Ты знаешь, никогда не готовил. Хотел тебе приятно сделать.

– Папа, мне очень-очень приятно! Подумаешь, подгорел! Давай пить чай!

Отец разлил чай и разрезал горелый пирог с яблоками. Да, необычный вкус, но ведь приготовлено с душой. Так приятно быть рядом с отцом, уплетать его подгорелый пирог. А в его

живописной квартире чувствовать себя, как дома. Как будто прочитав мои мысли, отец, нахмурившись, вдруг выдал:

– Знаешь, Вика, скоро эта квартира вместе с мастерской перейдет тебе, – в его голосе слышалось страдание. – Я вчера написал завещание...

– Ты чего это? – испугалась я. – Ты молодой еще, жить и жить!

– Я не хотел тебе этого говорить, но раз ты решила остаться, ты должна знать. Я болен раком, и это смертельно. Врачи не дают надежды.

– Нет, папа, нет! – я вцепилась в его руку, как будто от этого что-то может измениться. В его глазах читались горечь и боль. Он лишь молча отвел глаза, ушел к раковине и сделал вид, что старательно отмывает противень и тарелки.

Всю ночь я ворочалась и не могла заснуть. Пришлось выпить снотворного. По-моему, я уже подседа на него... На следующее утро меня разбудил настойчивый звонок по телефону.

– Алло.

– Доброе утро, Виктория. Это Владимир, близкий друг Вашего отца.

Я вспомнила, папа знакомил меня с ним на выставке. То же талантливый художник, лет сорока, приятной внешности.

– Я слушаю Вас, Владимир.

– Не знаю, правильно ли я поступаю, Славе это не понра-

вится, – он замешкался. – В общем, Вы уже, наверное, знаете, что он болен раком. Здесь лечить его не берутся. Но есть клиника в Израиле. Там лечат на его стадии. Он Вам не стал говорить, чтобы Вы не терзались пустыми надеждами. Но я, как его друг, считал своим долгом сказать.

Я схватилась за эту возможность, как за спасательный круг.

– Владимир, Вы мой золотой! Спасибо!

Через час я была уже у отца. Как всегда, он занимался искусством.

– Папа, ты почему не сказал мне о клинике в Израиле? Ты с ума сошел? Разве может твоя жизнь стоить дороже денег?

Он ошарашено на меня смотрел и не мог вымолвить ни слова.

– Быстро звони в эту клинику и договаривайся. Полетишь ближайшим рейсом. Мы должны бороться за твою жизнь! – эмоции захлестывали меня. Как же вовремя я с ним встретила! И как здорово, что еще есть возможность помочь! Ворованными деньгами... Да какая разница, какими, это же – отец!

– Но, дочка, это бешеные деньги! – пытался возразить отец.

– У меня есть деньги. Сколько нужно? – твердо спросила я.

Он выдохнул, пожал плечами и опустил глаза:

– Около тридцати тысяч долларов.

Да, не хило. Я смотрела на него, и мне невыносимо было его жаль. Жизнь действительно его наказала.

– Звони, – уверенно сказала я. – Узнай, куда перевести деньги и когда можно будет начать лечение.

Отец позвонил местному врачу и узнал реквизиты. Он передал мне счет, бормоча о том, что не стоит на него тратить-ся. Я улыбалась, радуясь, что помогаю отцу. Вера в то, что его вылечат, не покидала меня. Спустя некоторое время, я переводила в банке деньги. Все прошло отлично, и через четыре дня я поехала провожать отца в аэропорт. Он очень волновался и крепко обнимал меня.

– Все, дочка, езжай, не люблю прощаться. Уверен, меня вылечат, и через месяц мы снова встретимся, – говорил он, всё время вздыхая. В его глазах я прочитала надежду и радость.

– Конечно, вылечат. Удачи, – я поцеловала его в щеку и поехала домой.

Последующие дни проходили скучно и уныло. Я ездила к родственникам, ходила по магазинам и салонам. Часто встречалась со своей двоюродной сестрой, Леной. Она на два года меня старше, с пышными формами, белокурая, голубоглазая, пухлогубая. Эта веселая, симпатичная блондинка и дня не может прожить без тусовки. Почувствовав, что у меня есть деньги, она водила меня по разным ночным клубам и кабакам. Почти для каждого из них у нее была клубная

карта, и многие здоровались и целовались при встрече с ней. Спустя две недели после отъезда отца, Лена предложила сходить в казино. Я не сторонник азартных игр, но она умеет уговаривать. В 2009 году в Хабаровске закрыли все игорные дома и казино, и, как говорится, слава богу.

Этим поздним вечером мы сидели в казино «Ришелье». Парадные лестницы, женщины в вечерних нарядах, высокие потолки заведения – все это создавало ощущение роскоши. Мы поиграли на рулетке, в покер, блек-джек. Мне не везло, и поэтому быстро надоело. Лена вошла в азарт и проиграла все до последней гривны. Мы с ней уселись за столик, который заранее забронировали. Заказав мартини и фруктов, я наблюдала за публикой. Жадный блеск в глазах, азарт, желание заполучить легкие деньги. Люди оставляли здесь деньги, золото, машины и недвижимость. Как глупо. Дыхание мое приостановилось, я закрыла глаза и вновь открыла. Что это, видение? За рулетку сажился мой отец. Он был в новом костюме, который я сама ему выбирала. Но одновременно он казался другим. Ни тени доброты и приветливости. Сейчас я видела перед собой высокомерного, уверенного в себе мужчину с алчным блеском в глазах. В руках он держал стакан с выпивкой и, похоже, был уже изрядно пьян. Он хлопнул по попе стоящую рядом официантку и заржал мерзким смехом. Я, до сих пор не веря в происходящее, смотрела на него тупым взглядом. Может, операция уже прошла, и он вернулся раньше? Он даже ни разу не позвонил мне за это время...

Принесли наш заказ, и менеджер казино подсел к нам, поздороваться с Леной.

– Лена, очень рад тебя видеть.

– Привет, Стас, присаживайся к нам. Знакомься, моя сестра, Вика.

– Очень приятно. Друзья этой красотки – мои друзья.

– Ой, Стас, не подмазывайся. Мы проиграли сегодня целое состояние!

Стас развел руками, мол, от него ничего не зависит.

– Стас, скажите, пожалуйста, а Вы знаете вон того мужчину с хвостом и в черном костюме? – я пыталась скрыть свое волнение, но у меня плохо получалось.

– Его знают все игорные дома города, – поморщился Стас. – Я бы на Вашем месте им не интересовался. На редкость гнусный тип. Торгует картинами на площади, но при этом разводит богатых дамочек. И чем он только их берет, не понимаю. Видно, снова попалась дурочка, которая его спонсирует, он уже две недели отсюда не вылезает. Замучил наших официанток, скандалы вечно устраивает, как напьется.

Все поплыло перед глазами, к горлу подкатил ком, и стало трудно дышать. Все, все было фарсом! Он меня обманул! Про болезнь, про завещание, про то, что искал нас, про любовь. Все это гадкая, дешевая ложь, алчная актерская игра... Как я могла на нее купиться?! Как ОН мог так поступить со мной?! Неужели, кроме жадности денег и азарта, у него не осталось ничего человеческого, ничего святого?.. Я не смог-

ла сдерживать слез. Лена и Стас удивленно смотрели на меня. Обнимая меня, он думал лишь о деньгах, он развел свою родную дочь на деньги! За что? Боже, как это же бесчеловечно, низко и подло. Как больно! Мучительная боль в груди, казалось, вот-вот разорвет меня пополам. Наши глаза с отцом встречаются. Всю боль и злость я стараюсь передать во взгляде. Он моментально меняется в лице, и я снова вижу жалкого старикашку. Но нет больше жалости к нему! Он обхватывает голову руками и театрально трясет.

Я вышла из зала и поплелась к выходу, рыдая и проклиная жизнь. На улице, пройдя пару метров, я услышала чей-то оклик. Повернулась и увидела человека во всем черном. Лица не видно. Он поднял пистолет и прицелился. В этот момент, откуда ни возьмись, выскочил отец и закрыл меня своей грудью. Я услышала глухой щелчок. Мужчина в черном выругался и скрылся. Отец повис у меня на руках, и мы с ним упали на асфальт.

– Папа! Папа! Ты меня слышишь? – я увидела на его груди красное пятно, которое с каждой секундой становилось больше. Меня охватил смертельный ужас, паника, крик застрял внутри. Смерть где-то рядом, она пришла за моим отцом. Я прижала его и заплакала. – Не умирай, пожалуйста!

Отец кряхтел и пытался привстать.

– Не двигайся! – закричала я и обернулась. – Помогите! Чего уставились? Позвоните в скорую! Человек умирает!

Народ начал собираться и глазеть на нас. Кто-то вызвал

милицию и скорую помощь.

– Дочка, ты уж прости старого дурня. Вся жизнь моя – это сплошная ошибка. Я думал, что в этой жизни не сделал и не оставил ничего хорошего, – он снова закричал и глубоко вздохнул. – Я ошибался. Я сделал тебя. Ты – чудо природы, самая дорогая и значимая картина, которую я когда-либо создал. Ты – мой бесценный шедевр. Эти дни, которые я провел с тобой, были самые счастливые в моей жизни. Прости, что обманул тебя. Ты не заслуживаешь такого отца, как я. Я тебя... – он не договорил. Его голова безжизненно повисла у меня на руке. Мои слезы капали на него, но, к сожалению, мы не в сказке, и они не смогут его оживить. Подъехала полицейская машина и «скорая». Отца унесли на носилках, а меня задержали на пару вопросов два милиционера.

– Вы знакомы с этим мужчиной? – прищурившись, спросил один из них, с неприятным красным лицом и чересчур большим носом.

На несколько секунд я застыла, затем высоко подняла голову и резко ответила:

– Я не знаю этого человека. Его застрелил человек в черном. Но он был во всем черном, и я не смогу его описать или опознать. Простите, мне нужно идти.

Подошли Стас и Лена. Стас начал разговаривать с полицейскими. Я слышала, как он описывал отца: проходимец, вымогатель, лжец и альфонс. Наверняка, у него много врагов.

– Вика! Ты вся трясешься! Быстро поехали домой! – испуганно заверещала Лена и пошла ловить такси.

Глава 9

Токио, ноябрь 2005г. Пережить предательство и смерть отца оказалось невероятно тяжело, до сих пор в моей душе зияет огромная дыра, которую никогда не залатать. Я в ту же ночь собрала чемодан и поехала в аэропорт. Взяла билет на ближайший рейс до Киева, а оттуда в Сеул. Я решила продолжить турне и постараться все забыть. Пришла к решению, что все-таки хотели убить отца: я-то кому нужна? У меня врагов нет. Два месяца я путешествовала по Азии, где в реальности увидела Великую Китайскую Стену, Тадж-Махал в Индии, Императорский дворец в Пекине, одно из чудес света – бухту Халонг во Вьетнаме, банановый риф на Мальдивах, коралловый остров в Тайланде, Иерусалим в Израиле и много других достопримечательностей. Дух захватывало от чудес и красоты разнообразной природы. Поражала и удивляла разная культура. В каждой стране свой менталитет, свои традиции и обычаи.

Последним местом в путешествии по Азии я оставила Токио. Всегда преклонялась перед японцами. Необычайная культура. Я остановилась в отеле «Шангри – Ла». Роскошный отель с баснословными ценами находится напротив Императорского дворца. Просторный номер с окнами от пола

до потолка, которые открывают вид на город.

По технологиям японцы ушли далеко вперед от России. Здесь я чувствую себя не в прошлом, а в будущем. Чистота на улицах поражает. На каждом углу стоят по несколько урн: для бумаги, для металла, для отходов. Нет пыли и загазованности. Люди на улицах и в обслуживании улыбочивые и приветливые.

Я наняла гида, и мы проехали по достопримечательностям города, а также съездили на их знаменитую священную гору Фудзияму. Завтра с утра мы с ним договорились поехать в Диснейленд. Еще одна мечта моего детства, и завтра она исполнится. Диснейленд – это парк развлечений, площадь, наверное, в целый город! Увидев множество разнообразных аттракционов, я по-детски захлопала в ладоши. Попросила гида купить билеты на все аттракционы и вскоре пустилась в сказочные приключения...

Я на деревянной лодке спускаюсь по тоннелю, заполненному водой, мимо двигающихся сказочных персонажей, совершающих различные действия.

Неожиданно лодка срывается с вершины шестнадцатиметрового водопада и быстро мчится вниз. Я восторженно кричу и смеюсь. Вот это да! Затем сажусь на "космический корабль" и быстро лечу по галактике. Мимо, среди проносящихся звезд мелькают другие космические аппараты, вокруг – сплошная темнота. Завораживающее зрелище. На очереди был паровоз, который быстро мчится и совершает виражи по

заброшенной шахте, расположенной на склонах горы. Затем мы с гидом объезжаем парк на двухэтажном автобусе.

Еще я посетила замок Золушки и дом с привидениями. Жуть, как в этом доме страшно. Идешь по таинственным, тускло освещённым комнатам, и каждая последующая еще более жуткая, чем предыдущая. Вокруг разгуливают мертвецы и призраки... Сев в чёрную карету, я ехала мимо бала призраков и наблюдала за их жуткими действиями.

Далее мы зашли в город мультяшек, и тут невозможно было сдержать слез радости. Вот они, сказочные герои моего детства: Русалочка, Красавица и Чудовище, Белоснежка и Семь Гномов, Спящая Красавица, Питер Пен, Алладин, Король Лев и многие другие. Под сказочную музыку они шли друг за другом и приветливо махали посетителям. Набравшись впечатлений, к концу дня, уставшая, но довольная, я приехала в гостиницу.

В номере немного прохладно. Я закуталась в одеяло и включила телевизор. Все каналы на японском и английском. Нашла музыкальный японский канал и оставила. Снова тяжким грузом накатила грусть. Вроде, все замечательно: вокруг меня красота и роскошь, эмоции и события, вкуснейшая еда и напитки. Но я не счастлива. Я создана так, что вечно не довольна и не удовлетворена. Мне всегда будет мало, всегда будет чего-то не хватать. Надо уже смириться с этим. Все-таки одной в чужом городе тоскливо, мне бы компанию. Вот бы Кристинку сейчас сюда... Но нет, она же ради своей ка-

рьеры ни днем, ни ночью не спит. Теперь я осмыслила ее слова, сказанные в последнем разговоре, и совсем ей не завидую. Одиночество – это отнюдь не самое лучшее состояние души. Да, если я в ближайшее время не познакомлюсь с кем-нибудь, то сойду с ума.

Через три дня я еду в Штаты, надо себя чем-нибудь развлечь. Я вспомнила, что в эти годы в Японии был развит хостес. Наверняка есть клубы, где можно хорошо провести время и поболтать с русскими девушками. Я позвонила гиду, и он посоветовал поехать в район Ропонги – иностранный район в Токио. Сказал, мне понравится. Настроение чуть поднялось, и я начала собираться. Не хотелось выглядеть чересчур пафосно. Немного подкрасила ресницы, одела теплое розовое платье до колен. Минимум украшений, волосы собрала в “хвост”. Накинув замшевое пальто, я вышла.

Через двадцать минут таксист доставил меня в район Ропонги. Время на часах показывало одиннадцать вечера, но здесь жизнь, по-моему, только начинается. Ярko мигают неоновые вывески злачных заведений. Повсюду стоят зазывалы, а по тротуару ходит множество иностранцев. Я иду по улице, пытаюсь высмотреть русский клуб. Возле одного здания я остановилась, на стене наклеена вывеска – реклама клуба “Эксель”. На вывеске изображены улыбающиеся девушки в вечерних платьях. Ко мне подошел невысокого роста негр-зазывала. Он обвел меня взглядом и спросил по-английски, нужна ли мне помощь. В институте по английскому у меня

стояла твердая пятерка, но здесь я немного растерялась. Построив сначала предложение в уме, я спросила у него, работают ли в этом клубе русские девушки.

– Работа? – спросил он по-русски и радостно пожал мне руку. – Ес оф кос! Вэлком ту Эксэль! – он еще раз окинул меня взглядом, поднял большой палец вверх и повел меня в здание. На лифте мы поднялись на седьмой этаж и вышли уже в помещение.

Клуб был небольшой, квадратов тридцать. Сразу привлекла внимание девушка, танцующая около шеста: стрижка – каре, длинные ноги, хорошая пластика, откровенно сексуальные движения. На ней блестящий лифчик и прозрачная длинная юбка. На длинном диване справа около десяти девушек увлеченно о чем-то разговаривают. Во всем зале всего столиков десять, заняты два. За одним сидит мужчина-европеец с милой девушкой, за другим – два японца тоже в компании двух девушек. В зале шумно, и царит атмосфера веселья.

Шатенка возле шеста сексуально снимает лифчик, и девушки на диване громко свистят и кричат. Та, что сидела с европейцем, берет у него две купюры и с улыбкой подходит к танцовщице. Засунув одну купюру себе под пояс юбки, а другую в лифчик, она ложится на танцпол. Шатенка в ритме танца изгибается над ней и зубами достает купюры. Посетители явно в восторге от увиденного. Я начала сомневаться, что здесь найду подругу и общий язык. Я повернулась к

выходу, но сильные руки негра развернули меня и направили к девушкам. Он с улыбкой начал что-то говорить им, но я не расслышала ни слова из-за громкой музыки. Девушки оценивающе меня разглядывали, у кого-то на лице я увидела улыбку, у некоторых безразличие. Негр повернулся ко мне и по-русски спросил:

– Как тебя зовут?

– Вика.

Негр отрицательно помахал головой.

– Вика ноу гуд. Джессика из гуд, – он снова показал большой палец и удалился на улицу. Я стояла в растерянности и не знала, что делать. Делаю приветливый жест – махаю девушкам рукой, но по-моему выходит по-идиотски. В это время подошла шатенка, которая танцевала, закурила сигарету и внимательно начала меня изучать. Что-то восточное было в ее внешности. Смуглая кожа, удивительно раскосые глаза, широкий, приплюснутый нос. С дивана соскочила курчавая негритянка, шутливо дотронулась до моего носа указательным пальцем и с улыбкой убежала.

– Добро пожаловать в коллектив, Джессика! – протянула руку шатенка и улыбнулась. – Меня зовут Жасмин.

Я пожала ей руку и улыбнулась в ответ. Да... По-моему, я только что получила работу. Супер, Джессика. Нужно сказать им, что я туристка. Вернулась кучерявая девушка с большим подносом рюмок. Все взяли по рюмке и одну вручили мне.

– Это текила Бум. Знаешь, что делать? – спросила Жасмин.

– Нет, – я помотала головой.

– Закрываешь рюмку ладонью и три раза стучишь по столу, потом пьешь.

– Фор Джессика, – весело закричала негритянка, подняв руку с рюмкой. Все чокнулись и принялись стучать рюмками по столу. Я накрыла стопку ладонью и три раза ударила по столу. Жидкость в рюмке забурлила, и я выпила текилу одним глотком. Необычный вкус, но мне понравился. А они милые. Официант, тоже негр, сделал знак миниатюрной блондинке в мини-юбке, и она вышла на танцпол.

– Это значит, ведут клиента, – крикнула мне в ухо Жасмин.

Вскоре показался зазывала с гостем. Им оказался мужчина лет тридцати европейской внешности. Он уселся за угловой столик и устроился на танцовщицу. Блондинка старательно виляла бедрами, оперевшись на шест и скрестив руки сверху, танцуя под легкий рэп. Негр махнул мне рукой и жестом показал, чтобы я села к гостю. Я широко открыла глаза и покачала головой. Они тут с ума все сошли, что ли! Я не работаю хостес! Жасмин меня подтолкнула к столику и крикнула на ухо:

– Иди, не бойся! Болтай о всякой ерунде! Улыбайся! Разводи на выпивку! – я оказалась возле гостя, и мне пришлось сесть рядом. Несмотря на всю нелепость ситуации, я испы-

тывала восторг. Во мне заговорил мой авантюризм. Гость поздоровался на английском, и я поздоровалась в ответ. Он пристально смотрел на меня и, вероятно, ждал, когда я начну его развлекать. В этом же и состоит работа хостес? «Ну и долго ты будешь на него пялиться, как баран на новые ворота?», – спрашиваю себя. В конце концов, от безвыходности я ему рассказала, что я не работаю хостес. Я туристка, которая случайно попала в этот клуб, чтобы найти себе подругу. Гость неожиданно рассмеялся и сказал, что я вери фани. Мы познакомились. Он – Фред, а я назвалась Джессикой. Начала входить в роль. Он подал меню и предложил заказать выпивку. Винная карта богата выбором. Я бы выпила шампанского. Открыв список вин, начала внимательно изучать перечень, не смотря на цены. Выбрала “Дон Периньон” и указала ему пальцем. Он удивленно на меня посмотрел, позвал официанта и сделал заказ. Официант окинул меня восхищенным взглядом и удалился. Я пожала плечами: у меня уже давно нет привычки смотреть на цены в меню. Я начала расспрашивать Фреда, откуда и зачем он в Токио. Выяснилось, что Фред из Берлина и здесь в командировке. Поделилась с ним, что недавно посетила Германию и рассказала, в каких местах была. Мы увлеченно беседовали, попивая шампанское. Зал постепенно наполнялся посетителями. Да это не работа, это мечта для лентяек! Сидеть и разговаривать с мужчинами, пить и есть за их счет, и еще за это деньги получать?! Я расслабилась и почувствовала легкое опьянение.

Неожиданно диджей по-английски объявил:

– А теперь для вас станцует Несравненная Джессика! – заиграла композиция Pussycat Dolls “Buttons”.

Я пьяным взглядом обвела зал, совершенно забыв, что Джессика – это я! Весь зал смотрел на меня, включая Фреда, который приподнял брови и глупо улыбался. Я тоже улыбнулась и помахала указательным пальцем в разные стороны.

– Ноу! Ноу! – нет, еще я топлес не танцевала. Ни за что!

Но диджей не расстерялся, и снова объявил:

– Джессика, вау, Джессика, эврибади!

Неожиданно все девушки стали кричать мое имя под оглушительные свисты, крики и топот ног. Я не смогла сдерживать такого натиска и вышла, пошатываясь, на танцпол. Кружилась голова, и легкость в теле расслабляла. Вика, ты сумасбродная! Что ты делаешь? Уноси ноги отсюда! Ты ведь не умеешь танцевать стриптиз! Хотя, что там уметь? Это заложено в каждой женщине. Весь зал аплодировал и ждал моего выступления. Я встала спиной к залу и крепко сжала шест. Двигаясь в такт музыке, начала соблазнительно приседать, рисуя ягодицами восьмерку. Затем встала, запрокинула ногу за шест и загнулась назад, непристойно лаская руками свое тело. Мне было одновременно и стыдно, и волнительно. Теперь я лицом к залу снимаю свое платье, и на мне остается черное ажурное белье. О боже, все пялятся на меня: и гости, и зазывала, и официант, и две негритянки с кухни, и диджей, и девушки... И это я – дипломированный специалист меж-

дународного уровня?! Танцую топлес с полной башкой шампанского и бесстыдства?

Все ждут... Продолжая нескромно двигаться, отвожу руки назад и как будто расстегиваю лифчик, но не решаюсь на это. Наверное, вся залилась краской... Прижимаюсь к шести ягодицами и медленно сползаю вниз, приподняв одну ногу. Все улыбаются и я снова вижу большой палец зазывалы. Ко мне подходит миниатюрная блондинка, у нее в зубах я вижу скрученную купюру. Эротично наклоняюсь и губами забираю деньги. Вика, какая ты развратная!...

Наконец, песня заканчивается и я быстро собираю вещи.

Фред меня уже ждет с очередной бутылкой “Дона Периньона”.

– Ты что, первый раз танцевала? – спросил он по-английски.

Я, смеясь, киваю головой.

– Неужели, ты и правда, туристка? – он тоже смеялся. – Крэйзи!

Выпустив адреналин, я спокойно пила шампанское и ела фрукты. Фред не уходил до закрытия клуба. В три часа объявили о закрытии, и Фреду принесли счет. Он выложил приличную сумму, судя по количеству долларов, которые неохотно вытащил из портмоне.

Когда все гости разошлись, зазывала, по совместительству менеджер и Босс Джон, по очереди выдавал недельную зарплату девушкам. Вскоре жестом он позвал и меня. Улыбаясь,

выдал мне четыреста долларов. Я округлила глаза. Четыреста долларов? Это же огромные деньги! Примерно месячная средняя зарплата в России! Он объяснил, что девушки получают двадцать процентов от продажи спиртного. А я заказывала самое дорогое шампанское, тысяча долларов за бутылку. Джон похвалил меня, сказав, что я хорошо работаю. Жасмин взяла меня за руку и потащила к выходу.

– Будем жить вместе, в моей комнате освободилось место, – Жасмин уже переоделась, но все равно выглядела довольно вульгарно. Короткая кожаная юбка, кожаная куртка, колготки в сетку и блестящие сапоги на шпильках. Все это вызывало недвусмысленные ассоциации. – Где твои вещи?

– В номере, – пробормотала я.

– Слушай, может, по клубам пройдемся? – предложила Жасмин.

– А сейчас где мы были? – непонимающе моргала я. Честно говоря, я уже ног не чувствовала. День выдался на редкость насыщенный, и меня одолевала дикая усталость: и моральная, и физическая.

– На работе, – удивилась она. – Ладно, смотрю, ты устала, поехали спать.

На такси мы за пять минут доехали до двухэтажного строения. Зашли в него, поднялись на второй этаж.

– Добро пожаловать в японскую коммуналку! – объявила Жасмин, открыв дверь в квартиру.

Только этого мне не хватало! Как хочется провалиться в

мягкую кровать! Мы стояли в коридоре, ведущем в три комнаты. Жанна указала направо. Она открыла ключом деревянную дверь, и я с ужасом зашла в комнату. Сказать, что она маленькая – это не сказать ничего! В комнате двухъярусная кровать и небольшой шкаф, голые стены и деревянный выцветший пол. Я уверенно взяла Жасмин за руку и повела назад на улицу. Нервы мои были на пределе, и хотелось кричать. Столько денег зарабатывают, не могут нормальную квартиру снять?!

Я поймала такси, и мы поехали ко мне в отель. Жасмин молчала, похоже, ее испугал мой воинственный вид. Она послушно села в такси и, закурив сигарету, смотрела в окно. Мы подъехали к отелю, я расплатилась с таксистом, и мы вышли.

– Пойдем, – я показала Жасмин в сторону отеля.

– Ты с ума сошла? Там номер стоит минимум штуку баксов, – Жасмин недоверчиво остановилась.

– Пошли! – я повернулась и уверенно зашагала к отелю. Если хочет, пусть остается, а я хочу спать! Жасмин засеменяла следом. На входе нам открыл дверь японский швейцар, одарив меня приветливой улыбкой. Я сунула ему в руку купюру, он учтиво мне поклонился, сложив ладони вместе.

– Вау! – произнесла Жасмин, когда мы вошли в холл отеля. – Шикарно!

Администратор и портье неодобрительно посмотрели на Жасмин. Я тоже на нее взглянула и усмехнулась. Я вспомни-

ла фильм “Красотка”. Вот точь-в-точь. Жасмин – неприлично длинноногая красотка на шпильках, со стрижкой каре, в короткой юбке и ярким макияжем. Что они обо мне сейчас подумали с такой подружкой?

Направляемся к лифту. Жасмин весело машет администратору и шлет воздушный поцелуй. Я сдерживаю смех. Мы поднимаемся на последний этаж и вскоре входим в номер.

– Вот это да! – Жасмин присвистывает. – Богатого буратинку отхватила?

– Нет, это мой номер, – я раздеваюсь и иду в душ. – Чувствуй себя, как дома. Налево есть еще один санузел.

Я включаю воду и с удовольствием встаю под струи теплой воды, которая так приятно бежит по всему телу.

Выйдя, я Жасмин не обнаружила. Из ванной слышалось журчание и плеск воды. Моется в джакузи. Сил больше не было, я упала на кровать и моментально вырубилась.

Разбудил меня чей-то храп рядом. Я спросонья испугалась, совсем забыв, что вчера привела Жасмин к себе. Да, рядом лежала она, раскинув свои длинные ноги. Просила же ее лечь в гостиной! Я уже давно не делила ни с кем постель, и общество подружки в ней мне было неприятно. Это мое личное пространство, а Жасмин мне даже толком не знакома. Я встала и накинула теплый гостиничный халат. Позвонив в ресторан, заказала кофе и чай с булочками. Ого, уже три часа дня, не слабо поспали. Включаю телевизор и раздвигаю занавески. Солнечный свет заливает спальню.

– Давно я так не высыпалась! – Жасмин сладко потягивалась. Без косметики и в обычной белой футболке она выглядит очень мило. – Джес, я не пойму, зачем тебе работа?

– Мне не нужна работа, – я улыбнулась. – Джон меня вчера не так понял. Я всего лишь туристка, соскучилась по русскому языку, хотела найти русских девушек для компании. Четыреста баксов – первые деньги, которые я заработала!

– Ты дочка миллионера? – в глазах у нее появился жадный блеск.

– Нет, выиграла лотерею и решила попутешествовать.

– Везунчик, значит? Маленькая, красивая Джес вчера просто с жиру бесилась? Решила узнать, как зарабатывают деньги забытые богом девочки? – задумчиво говорила Жасмин.

– Зачем ты так? – обиделась я. – У меня даже не было возможности вчера открыться, да и понравились вы мне. Это не работа, удовольствие одно!

– Тебе просто повезло вчера с гостем, – фыркнула Жасмин. – Бывают, знаешь какие? Хочется побежать в туалет и сунуть два пальца в рот. Мерзкие, похотливые, страшные или просто старые, что их уже еле ноги держат. А тебе нужно им улыбаться и в рот заглядывать. А некоторые такие скупердяи, что даже стакан сока не предложат. И почему-то многие думают, что, если девушка танцует топлес, то ее можно лапать за все места. И вместо того, чтобы заехать ему по морде, ты смеешься и тактично объясняешь, как маленько-

му, что так делать нельзя. Конечно, для отдельных случаев у нас есть охрана, которая популярно объяснит особо непонятливому и настырному, что почем. Джон нас оберегает и не дает в обиду. Из нашего коллектива только две девочки занимаются сексом за деньги. У всех в основном есть бойфренды.

– А у тебя?

– А у меня особые сексуальные пристрастия, – она улыбнулась и как-то странно на меня посмотрела.

– А ты сама откуда? – интересно, что заставило такую молодую девушку отправиться в чужую страну.

– Из Комсомольска. А ты?

– А я из Хабаровска. Соседки. Мир тесен.

Принесли кофе, и мы сели за стол. Приятный аромат поднимал настроение.

– Ты знаешь, заработаю денег, куплю квартиру в Хабаровске. Комсомольск – дыра, там нечего делать.

– А на кого училась? – я мазала масло на свежее испеченную булочку. – Может, с работой помогу?

– В школе выживания я училась, – огрызнулась моя новая подруга. – Я не собираюсь работать. Найду богатого мужа, на крайний случай – любовника, и буду жить на его денежки. Не хочу отсюда уезжать, но я здесь нелегально, и меня в любой момент могут спалить и депортировать в Россию.

– Почему нелегально? – я выпучила глаза. – У тебя забрали паспорт?

Жасмин громко рассмеялась.

– Нет, в Японии это не распространено. Здесь ты сама готова отдать паспорт или съесть его, лишь бы не улетать. Здесь так хорошо. Я с восемнадцати лет работаю. Была на Кипре, в Испании и в Греции. Везде заставляли заниматься проституцией. Везде издевались и били, особенно на Кипре. А здесь нет. Здесь я живу в свое удовольствие. Полгода рабочей визы прошло, но уезжать не хотелось, вот и осталась нелегально.

Я слушала ее, не веря своим ушам. С восемнадцати лет! Проституция! Что за кошмар?!

– Есть охота. Какие планы на сегодня? – Жасмин с надеждой посмотрела на меня.

– Никаких. Послезавтра я улетаю. Можно потусить где-нибудь.

– Тебе повезло со мной! Я тебя на такую тусу свожу, век будешь помнить! Как раз и выходной у меня сегодня.

Целый час мы наряжались. Жасмин с восторгом мерила мои наряды и наконец остановилась на черном полупрозрачном платье со стразами Сваровски. Я надела белые брюки и красный обтягивающий топ. Весь день мы катались по городу. Жасмин показывала мне кварталы и интересные места. Поужинали мы в суши-баре. Все посетители бара сидят тут за круглым во весь зал столом. По краю в тарелочках лежат разнообразные виды суши. Стол вертится, предоставляя посетителю выбирать. Какая вкусотища! Я ела суши один за

другим и не могла насытиться. Все, что у нас готовят в Хабаровске, даже рядом не стоит. Ммм...

Вечером мы вернулись в Ропонги и стали обходить значные места. Во многих барах Жасмин была популярна. С ней здоровался каждый второй. В каждом баре и клубе мы выпивали всевозможные напитки: коньяк, текилу, ром, martini, коктейли... Нас везде угощали. Даже бармены.

– Здесь девушка за выпивку редко платит, – объясняла Жасмин. – Тут такие кошельки ходят, для которых это сущие копейки. Поверь, в Хабаровске такого не увидишь!

Я в этом нисколько не сомневалась. Чтобы просто так купить незнакомой девушке выпивку, это не умещалось у меня в голове. Я весело проводила время с Жасмин и удивлялась ее противоречивой натуре. Секунду назад она являла образ жестокой злюки, а в следующее мгновение превращалась в ангелочка, который плачет над пустяками, а потом весело заливается смехом.

– Все, пора, идем на закрытую вечеринку, – опьяневшая Жасмин тащит меня из очередного бара к выходу.

Я, хихикая, бегу на каблуках, еле успеваю за ней. Через некоторое время мы оказываемся у нужного дома. Одноэтажное небольшое здание, почему-то без вывески и окон. Мне оно показалось устрашающим, музыки не было слышно.

– Жасмин, мы где?

Она меня проигнорировала. Мы дошли до дверей, где стоял огромный негр в черном костюме, с большущими губами

и носом.

– Привет, Джо! Как обстановка?

– Самый разгар, детка. – Он пропустил нас внутрь. Адреналин снова забурлил во мне. Куда она меня ведет? Мы немного прошли по коридору, затем стали спускаться вниз по лестнице. Тускло горели лампочки на потолке.

– Здесь хорошая звукоизоляция. Сейчас ты оглохнешь от музыки, – предупредила Жасмин, когда мы спустились и остановились у двери. Она открыла дверь и протолкнула меня вперед. Широко открыв глаза, я остановилась, как вкопанная. Клубы дыма заполняли полутемное помещение, сексуальная музыка била по ушам. Запах табака, смешанный с запахами духов и пота.

Картина представшая мне, заставила пульс биться чаще. В небольшом зале полно людей. Справа, возле стены, черный мужчина крепко сжимал европейку и яростно целовал в губы. Она обвивала свои ноги вокруг его талии. Они эротично двигались в такт музыке. На столе в центре лежали две полуголые японские девушки, лаская друг друга руками. На другом столе негритянка танцевала стриптиз Я обвела зал взглядом. Невероятно, всеми завладели разврат и похоть. Я сглотнула и провела языком по пересохшим губам. Черт, все-таки, возбуждающее зрелище!

Жасмин повела меня в угол зала, где был свободный столик. По пути меня за руку схватил мужчина, я отдернула руку и быстро добежала до стола. Вместо стульев у стола стояли

красные кожаные диваны. Я вопрошающе смотрела на Жасмин. Что-то говорить было бесполезно. Музыка перекрыть невозможно. Жасмин медленно двигалась в танце, и даже сев за стол, сексуально подняла руки вверх и откинула голову назад. Подошел официант с подносом. На подносе стояли две рюмки и лежали две таблетки. Округляю глаза. Наркотики? Меня чуть затрясло. Жасмин нежно меня обняла и взяла таблетки. Я махала головой в знак протеста. Она кинула таблетки в стопки и они, зашипев, моментально растворились. Она опрокинула рюмку и выпила жидкость. Затем протянула рюмку мне и пальцами показала: ок. Ее взгляд говорил, чтобы я ей доверяла. Ужасно интересно, что же это за напиток.

Я выпила содержимое рюмки. Горьковато-сладковатый вкус. С каждой последующей минутой мой разум затуманивался. Почувствовалась легкость во всем теле и желание смеяться. Стрип-музыка играла в голове, я закрыла глаза и начала плавно двигаться. Ощущение невесомости охватило меня, состояние покоя и блаженства. Почувствовала чужие прикосновения у себя на груди, на талии, между бедер. Я продолжала плавно двигаться в такт музыке. Да, эти прикосновения приносили удовольствия, ощущения стали в сто раз острее и приятнее. Я начала стонать и тяжело дышать. Открыв глаза, увидела Жасмин. Она смотрела на меня и ждала, когда я открою глаза. У нее затуманенный взгляд, она открывает рот и смеется. Смех заразительно передается мне, и я безудержно заливаюсь хохотом.

К нам подсаживается рослый мужчина кавказской национальности с черной щетиной и черными волосами. У него такой же затуманенный взгляд. Он берет меня за подбородок и целует в губы. Я не в силах сопротивляться, хотя разум начинает бороться с телом. Тошнота подступает к горлу. Что есть силы, толкаю незнакомца и встаю с дивана. Ищу глазами Жасмин: мне срочно нужно на воздух! Вижу ее в объятиях смуглой девушки. Хватаю за руку и тащу к выходу. Не знаю, откуда во мне взялась сила, но я яростно прохожу сквозь толпу и выхожу к лестнице. Жасмин послушно следует за мной. На улице ловлю такси, и мы молча едем до отеля. Нас встречает обслуживающий персонал, провожают до номера. Мне до сих пор плохо. Действие таблетки начинает проходить, и я начинаю соображать. Первым делом иду в душ, не обращая внимания на Жасмин. Тщательно тру себя губкой, пытаюсь смыть с себя эту грязь. Как она могла меня туда привести? Когда я вышла из душа, Жасмин уже спала. Я легла в гостиной и сразу же провалилась в глубокий сон.

Меня разбудил божественный аромат кофе. В голове шла война, сегодня внутри атаковали танки. Чертова Жасмин. Я с трудом встала, накинула халат и, нахмурившись, прошла в гостиную. Стол накрыт на две персоны, аромат кофе вызывает у меня глотательный рефлекс. Открывается дверь ванной комнаты и оттуда выходит... не знаю кто. Девушка, чье тело и волосы завернуты в полотенца, а лицо замазано коричневой маской.

– Жасмин – это ты? – неуверенно спрашиваю я.

– Да, кто же еще, японский бог! – с трудом отвечает Жасмин, прыснув от смеха. – Мне нельзя разговаривать, маска лицо стянула.

Всю злость как рукой снимает, и я громко смеюсь над ней. И как это ей удастся?

– Дурында! Это маска для ног! – я уже корчусь от смеха. Она не выдерживает и закатывается следом за мной.

Когда мы успокоились, я начала высказывать ей за вчерашний вечер:

– Жасмин, ты с ума сошла? Зачем ты меня туда притащила? Меня лапали какие-то незнакомые мужики! И вообще, более развратного и ужасного места в жизни своей не видела!

– А ты и жизни не видела! – закричала она. Ну вот, ее перепады настроения, она вновь превратилась в мегеру. – Что ты знаешь о жизни? Цветочки, шик, блеск и красота? Извини, у меня этого не было! Я с одиннадцати лет сама зарабатываю себе на жизнь. Детства у меня не было, модных платьев и игрушек – тоже. Дед Мороз не приходил на Новый год, и благородных рыцарей я тоже как-то не встречала. Это моя жизнь, Джес. Чертовски грязная, дрянная жизнь, но это уже часть меня, и выбраться из этого болота, думаю, мне не суждено.

Глава 10

Гавайи, о. Оаху январь 2006 г. С Жасмин мы расстались хорошо. Мне по-человечески было жаль ее, и я все простила. Мы обменялись с ней номерами телефонов и попрощались.

Сейчас я в штатах и уже повидала здесь немало чудес. Мост Золотые Ворота в Сан-Франциско – культовый мост и один из самых красивых технических шедевров в штате Калифорния. Нью-Йорк – одна из самых больших столиц в мире, так же, как самый густонаселенный город в США. Это очень внушительный город, и это касается всего, что окружает тебя в Нью-Йорк Сити. Одна из самых больших достопримечательностей Нью-Йорка – это бесчисленный яркий свет гигантских небоскребов в Манхэттене, создающий такую очаровательную смесь огней и цветов, которые запросто превращают ночь в день. Эти высокие небоскребы с их ярким ночным освещением, которое волшебным образом отражается зеркальной поверхностью реки Гудзон.

В сердце Калифорнии, в Йосемитском национальном парке, я столкнулась с действительно внушительным и красивым чудом природы. Этот огромный парк обладает многочисленными водопадами, и каждый из них чем-то выделяется. Особенно один из них – огненный водопад Йосемит, получивший свое имя от названия племени живших здесь индейцев. Название это на их наречии обозначало «те, которые убивают»... Но само место выглядит вполне миролюбиво. Атмосфера здесь вдохновляющая, романтическая и очаровательная. Это определенно один из самых вдохновляющих

водопадов в парке.

Лас-Вегас – еще один американский город-гигант, где ночью может быть светлее, чем днем. Этот культовый город знаменит своими гигантскими отелями и всемирно известными казино. Ночью игорная столица мира купается в ярком очаровании бесчисленного ночного освещения. Панорамные перспективы великолепны, в то время как улицы в центре города заполнены тысячами любителей развлечений. Само собой, я увидела Аллею Звезд Голливуда.

Сейчас я отдыхаю на Гавайях. Снимаю роскошные апартаменты в отеле Роял Кона. Я думаю, это будет конечная остановка в моем путешествии. Два дня мне проводили экскурсии по Гонолулу и островам. Я увидела широкие песчаные пляжи, горы, плато, каньоны, джунгли и плодородные долины. Главные достопримечательности на Гавайях – это пляжи и удивительная природа: вулканы, водопады и национальные парки. Кроме того, здесь богатый и на редкость красивый подводный мир. В общем, их не напрасно называют «райскими островами». «Место богов» – так переводится это название с языка коренных обитателей. И погода, и роскошная природа, и пляжи Гавайев – все будто специально создано для того, чтобы дарить людям наслаждение.

Я заказала себе шампанское и клубнику в номер и прилегла на шикарную кровать.

Мой люкс состоит из гостиной, двух спален, столовой и

двух санузлов. Еще у меня есть собственный бар и сауна. Смотрю на обстановку, и создается ощущение, что я королева. Все в номере – мебель и ремонт – в стиле 19 века, Первое, что бросается в глаза при взгляде на этот интерьер – изысканная роспись потолков и стен с изображением ангелов и небес, а также красивые хрустальные люстры, золото и много картин.

Только почему-то королевой я себя не чувствую, радости нет... Мужчину своей мечты я так и не встретила. Не было романтических встреч и знакомств. Давно пора спуститься с небес на землю. Мужчину своей мечты я потеряла, когда вернулась в прошлое...

Два дня моталась по экскурсиям, хватит. С завтрашнего дня просто валяюсь на пляже. И дня через три поеду в Россию. Соскучилась я, чего скрывать. Пусть страна у нас бюрократичная, бескультурная и беспредельная, но все же это моя Родина. Я решила для себя, что жить за границей не буду. Да, красиво, да, цивилизованно, но – не мое. Да и отдыхать уже устала, сил нет. Звучит, наверное странно – устала отдыхать... Как говорится, зажралась, отдых уже не доставляет удовольствия, как в первые дни. Растратилась я достаточно, деньгами сорила направо и налево, не жалея на себя любимую, выбирала все самое дорогое и престижное.

Но все то, что раньше казалось смыслом жизни, вдруг совершенно очевидно стало мне совсем не нужным. Я ценила лишь материальные ценности, считая их залогом счастья и

благополучия. Всегда была согласна с поговоркой: «Счастье не в деньгах, а в их количестве». А теперь почувствовала себя одинокой и никому не нужной. Обслуживающий персонал бегал вокруг меня и выполнял все мои прихоти, просто надеясь на щедрые чаевые. Мнимые друзья, с которыми я познакомилась в ходе своего путешествия, были лицемерными, занудливыми и навязчивыми. А о моих неудачных романах и вспоминать не хочется. На самом деле для полного счастья мне не хватало моих детей и Филиппа. Что без них вся эта роскошь и красота? Я просто чувствую себя очень гадко. Чувствую, что просто променяла своих любимых на деньги. Ведь так оно и есть. Я взяла в руки мою верную гитару, и пальцы сами начали наигрывать песню Полины Гагариной:

-В путь!

Только все не так просто.

Где суть

Искать?

Сквозь миллионы вопросов –

Уйти, сбежать...

В игры, что играет время,

До конца порой не верим.

Все не так, как бы нам хотелось.

И найти любовь под солнцем

Кажется, совсем не просто...

Не беда,
Лишь бы все успелось,
Лишь бы навсегда.

Плачь,
Может быть, будет легче, когда вот так...
Миг, изменяющий вечность,
Пусть боль сквозь страх!

В игры, что играет время,
До конца порой не верим.
Все не так, как бы нам хотелось.
И найти любовь под солнцем
Кажется, совсем не просто...
Не беда,
Лишь бы все успелось...

В игры, что играет время,
До конца порой не верим.
Все не так, как бы нам хотелось.
И найти любовь под солнцем
Кажется, совсем не просто...
Не беда,
Лишь бы все успелось,
Лишь бы навсегда...

Через две минуты раздался стук в дверь. Мои длинные во-

лосы небрежно лежали на плечах, довольно открытый черный полупрозрачный пеньюар практически не скрывал моих прелестей. Открыв дверь, я увидела высокого широкоплечего негра в красной униформе обслуживающего персонала. Он улыбался во весь рот, показывая свои белоснежные зубы, которые так удивительно контрастировали с его черной кожей. Он не смог удержаться и оглядел меня заинтересованным взглядом. Заинтересованным больше положенного: в его глазах я увидела огоньки.

– Мисс, Ваш заказ.

Я махнула рукой, приглашая войти. Он закатил столик на колесиках, дошел до барной стойки и принялся расставлять на стол шампанское и клубнику. Профессионально открыв бутылку, он налил шампанское в бокал. Затем повернулся ко мне, и уже не скрывая своей похоти, стал откровенно меня рассматривать. Я высокомерно подняла голову и смотрела на него сверху вниз. Его это не смутило, он лишь снова широко улыбнулся и спросил:

– Мисс что-нибудь еще желает?

Видя, как он переменялся в лице, я тоже улыбнулась. Достала из кошелька пять долларов и протянула ему.

– Нет, спасибо... Пока ничего не нужно.

Кого я обманываю, все мое тело желало его. Даже в самых бурных фантазиях я не представляла в своей постели негра-слугу. Он еще раз усмехнулся, как будто прочитав мои мысли, взял купюру и вышел из номера. Я еще мгновение стояла,

уоставившись на дверь, надеясь, что он сейчас снова постучит в нее, потом покачала головой и прошла к столу.

Присела за барную стойку и взяла бокал в руки. Я заметила, что пальцы вспотели и слегка дрожат. Это всегда выдает мое волнение и возбуждение. Закрыв глаза, представила его. Боже, я всегда отличалась высоким ростом, многие парни рядом со мной чувствовали комплекс неполноценности. Но он же на две головы меня выше! Настоящий громила! Он при желании может задушить меня в своих объятиях, у него такие сильные и длинные руки, как у гориллы... Интересно, какие негры в постели? Говорят, у них большой половой орган. У меня заныло внизу живота, и я машинально начала гладить себя руками от шеи и до бедер, не открывая глаз. Выпив еще бокал шампанского «Дон Периньон», выключила свет и легла на кровать. Что же такое, его образ так и стоит перед моими глазами. Наваждение какое-то... А ведь у меня уже семь месяцев никого не было. Ни одного костюма, даже самого строгого и серого...

Завтра на пляже нужно обязательно присмотреть какого-нибудь отдыхающего бизнесмена и завести курортный роман. Иначе скоро наброшусь на первого встречного.

Я заснула, и во сне мне приснился негр. Мы занимались оральными ласками. Меня это так завело, что я проснулась среди ночи с учащенным дыханием и пульсом, изнемогая от желания. Картины из моего сна стояли перед глазами. А собственно, почему нет? Я всегда получаю, чего хочу.

Позвонила и заказала еще шампанского. За пять минут привела себя в порядок и уже ждала его в постели, приоткрыв дверь и приглушив свет. Вскоре я услышала, как вкатился столик и... минутная тишина. Скорее всего, он растерялся, не увидев меня. Затем робкий стук в спальню.

– Заходи, – пригласила я его властным и зазывным голосом. Этот громила зашел и, ничего не говоря, подошел к кровати и стал срывать с себя одежду. Еще бы. От меня пахло сексом, наверное, за километр. Я попросила его оставить на себе бабочку и белые перчатки. Оголив свой могучий торс, он снял брюки и залез на меня. Я почувствовала его обжигающее дыхание, дикий взгляд и напряженный орган. Все замерло внутри меня. Он нежно начал гладить мою грудь, с восхищением разглядывая мое тело, но мне уже не нужны были предварительные ласки, я его хотела, как никого и никогда.

Я закричала, чтобы он взял меня немедленно. Когда увидела его орган, от удивления широко открыла глаза и прошептала «ОГО»! Взяла его в руку и, не веря своим глазам, стала нежно сжимать в руке, проводя сверху вниз. Он застонал и раздвинул мне ноги. Когда он вошел в меня, я вскрикнула от просто неопишуемых ощущений. Эта была сладкая боль, смешанная с экстазом. Все мои эрогенные зоны разом заработали, и я в бешеном ритме извивалась под ним, требуя, чтобы он не останавливался...

Так мы провели остаток ночи, лишь меняя позы. Своими

ласками он сводил с ума. Он всю меня целовал и покусывал, начиная с волос и заканчивая пальчиками ног, нежно облизывая и посасывая каждый по очереди. Раз за разом я испытывала бурный оргазм и властно требовала еще. Возбуждалась от всего: от запаха его тела, от его цвета, от его размеров и от того, что он мой слуга во всех смыслах...

Когда я проснулась, его уже не было, о нем напоминали лишь запах на подушке и сладкая истома, до сих пор гуляющая в моем теле. Я блаженно потянулась и в первый раз за все время после моего возвращения в прошлое удовлетворенно улыбнулась. Его зовут Сэм. Еще один костюм в мой гардероб, моя ночная сорочка. Он исключительно для ночных времяпрепровождений.

Я довольно потянулась, посмотрела на время и удивилась: уже почти два часа дня. После обеда я надела купальник, сарафан и спустилась на пляж. Был разгар сезона, и на недостаток клиентов отель не жаловался. Я заняла свободный шезлонг и легла позагорать. Солнце приятно грело, постепенно оставляя на мне красивый загар. Закрыв глаза, я с удовольствием слушала шум прибоя и пение чаек. Как хорошо. А где-то сейчас зима, мороз и стужа.

Внезапно воспоминания перенесли меня в то время, когда мы с Филиппом и детьми отдыхали в Приморье. По ужасной ухабистой дороге мы двенадцать часов добирались на машине до моря. Домик наш представлял собой четыре деревянных стены и две кровати. Я тогда ворчала и жаловалась

Филиппу, что в таких условиях отдыхать невозможно. Дети, увидев море, побежали к воде и радостно завизжали. Волны бились о камни, и море манило к себе. Сейчас, посмотрев на себя со стороны, я себя, кажется, ненавижу. Я же просто невыносимая и привередливая! Как Филипп меня терпел? А когда я легла позагорать, Филипп с детьми пошли по берегу искать всякую морскую дребедень, и через некоторое время Филипп высыпал передо мной несколько камней в форме сердца...

Не знаю, сколько прошло времени (я даже чуть подремала), когда меня разбудил мужской голос:

– Какая красота на пляже, и без охраны.

Боже, как примитивно. Я посмотрела на него. Рядом отдыхал мужчина лет сорока пяти, обычное лицо и фигура, ничего особенного. Но кокетка во мне взяла свое, и я ответила ему:

– Зачем меня охранять? Я не звезда и не политик. Обычная Русская девушка, скучающая на пляже.

– Вы необычная, вы как редкий экспонат в музее, который нужно охранять, чтобы не украли.

– Спасибо, очень приятно, – я протянула ему руку. – Виктория.

– Виктор, – мужчина улыбнулся и легко пожал руку. – Мы просто созданы друг для друга в этом уголке рая.

Улыбнувшись из вежливости, я завязала с ним обычный пустой светский разговор: о погоде, об отеле, о море. Мы

проболтали около часу. Оказалось, что мы еще и живем в одном городе. Судя по разговору, Витя был очень образованным и интеллигентным мужчиной.

– Чем Вы занимаетесь, Виктор?

– О, в моей профессии нет ничего романтического, поверьте. Каждый день сталкиваюсь с уголовниками и дегенератами. Не дай Бог Вам встретиться со мной на месте моей работы. Хотя, признаюсь, меня все боятся, и я имею в городе свой авторитет.

Наверное, милиционер какой-нибудь, вроде моего Филиппа, выпендривается тут. Я чихнула. По-моему, у меня уже аллергия на милицию. Вспомнила полковника. Он мне названивает практически каждый день, но я игнорирую его.

– Вика, как насчет романтического ужина? – спросил мой новый знакомый.

Он уверенно смотрит на меня, наверное, даже не ожидая отказа. Я поколебалась секунду, затем увидела Сэма. Он стоял неподалеку и ревниво наблюдал за нами. Огромный и черный, он напоминал мне орангутанга. Ну, или гориллу. Внутри меня запылала обжигающая страсть, пожар, который сможет потушить только Сэм. Я нежно улыбнулась ему.

– Нет, спасибо, у меня сегодня планы, – всё еще смотря на Сэма и улыбаясь, ответила я. Витя провёл рукой по волосам. Видимо, не привык, чтоб его отшивали.

– А завтра? – не сдавался он.

– Посмотрим. Извини, мне нужно идти. – Я встала и по-

шла к отелю, даже не посмотрев на него.

Сегодня ночью снова пришел Сэм. Ночь была бурной, еще горячее, чем вчера. Наверное, в свободное время я смогу написать новую Кама-Сутру. В порывах страсти я его кусала, била, царапала. Он совсем не давал мне расслабляться и мог заниматься любовью очень долго, без остановки. Мы занимались сексом в джакузи, на ковре, на столе и даже стоя. В очередной раз выходя из ванны, Сэм исполнил какой-то забавный танец. Он покачивал бедрами и отрывал поочередно ноги от пола. Я от души засмеялась и раскрыла объятия. Когда мы уже удовлетворенно лежали, я взяла Сэма за руку и сжала ее. Мысленно благодарила его за эти моменты, за ощущения, эмоции и чувства, которые испытываю, благодаря ему. Он как-то странно посмотрел на меня, встал и начал одеваться.

– Сэм, ты куда? Останься, – тихо попросила я.

– Я не могу, мисс. Кто-нибудь увидит, я останусь без работы. Вы очень хорошая, я постоянно думаю о Вас. Но Вы уехать Россия, а мне работать здесь.

Он грустно посмотрел на меня и вышел. Он прав, мне он очень нравится, но нас связывает лишь постель. Через два дня я планирую возвращаться в Россию, и нужно что-нибудь подарить Сэму на память.

Два дня пролетели как миг. Днем я развлекалась на курорте, ночью – с Сэмом в кровати. Виктор надоедал и раз-

дражал меня, как в ночи комар. Неужели, кроме меня тут больше нет женщин? Он узнал номер моего люкса и внаглую ввалился вечером, еле держась на ногах и выдыхая пары перегара. Я не пустила его на порог.

– Виктория, как насчет выпить с одиноким и красивым мужчиной? – самонадеянно спросил он.

– А Вы высокого мнения о себе, Виктор. Может, Вы и были красивы лет десять назад, но сейчас от красоты и тени не осталось, – не стала я с ним церемониться.

Виктор скорчил мерзкую гримасу и прошипел:

– Да как ты смеешь? Ты что себе позволяешь? Да я тебя в порошок сотру...

– Давай, иди. С тебя самого, вон, порошок сыпется. И я не твоя ментовская подчиненная. Тебе, старый хрен, только дешевки дадут, и то за деньги! – держа в руках бокал белого вина, решаюсь вылить его на Виктора и с силой выталкиваю вон, закрывая дверь. Он разозлился за дверью и осыпал меня ругательствами. Но больше не надоедал.

Последняя наша ночь с Сэмом была особенно нежной. По моему указанию весь пол усыпали лепестками роз. Повсюду горели ароматические свечи, обостряя сексуальные желания и ощущения. Я была обнажена и уже ждала Сэма в постели. Посмотрев на вазу с нарезанными фруктами, решила сделать Сэму сюрприз. Кусочки бананов положила на свои соски, виноградинку – в пупок, киви пошла на запястье, а

круглый кусочек ананаса – на интимную ложбинку. Сэм зашел, как всегда, тихо. Снова минутная тишина – видимо, ему понравилась романтическая обстановка. Затем он проходит в спальню, видит меня, и я вновь вижу его довольную ухмылку. Он медленно раздевается, намеренно мучая меня в ожидании ласк. Неожиданно он привязывает мои руки ремнем за спинку кровати. Сам встает на четвереньки надо мной, и я вновь чувствую его особенный запах. Он целует мои руки, слегка покусывая, начиная от пальчиков, заканчивая шей.

Когда он покусывает запястья и шею, я вздрагиваю и чувствую, как немеют ноги от этих эротических ласк. Он берет в руки мои груди и, слегка сжимая, начинает облизывать вокруг кусочков банана. Я постанываю, по моему телу бежит дрожь. Сэм берет кусочек в рот, легко проводя зубами по соску. Сосок мгновенно затвердевает, и я слегка вздрагиваю. Затем он принимается за вторую грудь: заглатывает банан и начинает языком тереть сосок.

Поглаживая руками грудь, он языком спускается ниже до пупка. Я начинаю тщетно дергать ремень. Все мое тело дрожит от возбуждения. Он заглатывает ягодку и языком облизывает весь мой пупок и кожу вокруг. Сладкая истома пронзает меня. Чувствую, как крепко связаны руки, и как крепко Сэм захватил мои ноги своими. Руками он нежно поглаживает мою кожу и спускается ниже, целуя дорожку от пупка до лобка.

Он не торопится съесть ананас. Нежно проводит пальцем

по моему клитору, как бы дразня его. Уже не в силах сдерживаться, я начинаю громко и протяжно стонать. С ананаса по моей впадинке стекает сок, и Сэм жадно облизывает все до последней капли, потом съедает ананас и гладит языком мой клитор. Я уже просто кричу и умоляю его войти в меня. Он не останавливается, а его язык начинает двигаться быстрее. Я изгибаюсь от наслаждения и громко заканчиваю.

После водных процедур я достала подарочный пакет и протянула его Сэму. Он покраснел, но взял его.

– Сэм, откроешь его, когда я уеду. А сейчас иди ко мне...

Сэм ложится на меня, я чувствую, как твердый член упирается мне в ногу, он неистово целует меня всю, начиная с лица, заканчивая пальчиками ног.

– Госпожа моя... – шепчет он, – богиня...

Я притягиваю его, и черный гигант страстно и пылко входит в меня, заставляя всю дрожать от удовольствия. Я откидываю голову назад, отдаваясь этим восхитительным ощущениям и ... представляю Филиппа...

– Да! Да! – кричу я. – Любимый, да, пожалуйста, еще...

Темп ускоряется, да... Наслаждение достигает пика, меня пронзает молния экстаза, и я без сил откидываюсь на подушки. Открываю глаза. Сэм преданно смотрит на меня. Я отвернулась, и слезы отчаяния полились из глаз. Наверное, Сэм принял их за слезы наслаждения...

Глава 11

Москва, февраль 2006 г. Исполнилась моя давняя мечта, теперь я живу в Москве. Купила в центре полностью оборудованную квартиру с евроремонтом. Купила автомобиль, о котором тоже давно мечтала – ярко-красный «Инфинити». Сэму, уезжая, я подарила круглую сумму денег. Тот подарочный пакет был всего лишь показухой. Я переживала, что Сэм не возьмет денег, и положила деньги в коробочку, а ее – в пакет. На эти деньги он даже сможет купить себе квартиру. В свой родной город я заехала на пару дней, чтобы увидеть маму и Крис. Мне больно было оставаться там дольше, все напоминало о моей семье. Каждый уголок нашего небольшого города связывал меня каким-нибудь воспоминанием.

Когда я приехала сюда после отдыха, мама показалась мне постаревшей и уставшей. Она до сих пор попрекает меня неизвестно откуда взявшимися деньгами. История о том, что они выиграны в лотерею, не очень ее устроила. Она лишь неодобрительно качала головой и говорила, что не такой меня воспитывала. Мама на этой почве немного сдала и снова стала жаловаться на здоровье. Я предлагала ей денег, чтобы она съездила в санаторий или на курорт, но она принципиально не брала их. Словно чувствовала, что краденные эти деньги.

Еще в эти два дня я успела встретиться с полковником, но эта встреча не принесла мне никакого удовольствия. После Сэма это было то же самое, что съесть брикет быстрой лапши

после отборных омаров. Я взглянула на него другими глазами: толстый, низкий, женатый... И решила завязать наши с ним отношения. Он тоже подозрительно меня расспрашивал об этой странной лотерее, но я не вдавалась в подробности. Просто сказала, что переезжаю в Москву и буду рада видеть его там.

Я много думала о моих дальнейших планах, но пока ничего конкретного придумать не могла. Мою душу заполнили апатия и безразличие. Деньги не делают меня счастливой. Что же делать? Завести семью? А с кем? Уже два года прошло с момента моего возвращения, и ни одного достойного претендента. Слишком придирчиво я всех отбираю. Этот недостаточно красив, этот недостаточно богат, этот недостаточно сексуален. На самом деле, просто ни в кого я не была даже немного влюблена. Так, отбирала костюмы в гардероб. Просто животный инстинкт, жажда мужской плоти. Никаких чувств.

То ли дело было у нас с Филиппом. Мы заботились друг о друге, переживали, плакали, смеялись, доверяли секреты, считали минуты до встречи. Это невозможно!.. Неужели без него – никак? И он с детьми – самое важное в моей жизни, то, что давало мне настоящее счастье?!

Стоп, Вика. Переключайся. Сейчас вопрос в том, что мне делать дальше? Идти работать? Да как-то, отвыкла я... Можно свой бизнес начать, покопаться в памяти и открыть прибыльное дело. Подумаю об этом, как Скарлет, завтра. Я по-

дошла к окну и нахмурилась. Не люблю зиму. Холод, тоска и депрессия – вот и все, с чем у меня ассоциируется это время года.

Поздно ночью меня разбудил телефон. О, Жанка, одноклассница. О разнице во времени она, конечно, не знает...

– Алло! – выкрикиваю я.

– Вика, привет! Кристинка сказала, ты сейчас в Москве живешь? – Я слышу весёлый голос Жанны.

– Привет! Да. Рада тебя слышать, как дела?

– Здорово. Представляешь, меня в Стамбул позвали работать, главным специалистом в области туризма, – довольно щебечет Жанна. – Сегодня вылетаю. С рейсами несостыковка, придется ночевать в Москве, могли бы увидеться!

– Жанна, а ты уверена в этой фирме? Ты проверила информацию? Честно говоря, не советую тебе ехать.

Вспоминаю историю с исчезновением Жанны в Турции. Нужно отговорить её.

– Глупости! – Жанна заметно нервничала. – Мне звонил их менеджер, сказал, что они нуждаются в молодых и красивых специалистах. Зарплата, представляешь, тысяча зеленых!

– Насколько я знаю, чтобы получить работу в Турции, необходимо знать их национальный язык. Ты знаешь? – продолжала отговаривать я. Снова вспомнила те дни, когда Жанну объявили в розыск. Фирма, на которую ссылалась ее

мать, на деле не существовала. Все нити были оборваны. Жанна из Турции даже не перезвонила матери ни разу. Звонили всем ее подругам и друзьям, но ничего выяснить так и не удалось.

– Так, Жарская, ты встретишь меня, или нет? Не нужно меня отговаривать! Я со своим олигархом рассталась, знаешь, как мне плохо? – начала канючить она. Я поняла, что спорить бесполезно. – Вот заработаю много денег и докажу ему, что я не безмозглая блондинка!

– Хорошо, Жанна, говори рейс, я тебя встречу.

Жанна продиктовала мне рейс и время. Я положила мобильник и снова провалилась в глубокий сон. Проснувшись, уже приняв твердое решение. Нельзя позволить Жанне пропасть в Турции. Из надежных источников я узнала координаты известного и крупного детективного агентства. Оно славится своей компетентностью и высоким профессионализмом. Через час я уже сидела в кабинете директора агентства. Солидный кабинет, мебель из красного дерева, кожаный диван и антикварные вещицы. Директор небольшого роста, упитанный, курчавый брюнет с длинным носом. Наверное, чтобы совать его в чужие дела. Я улыбнулась: профессия обязывает. Он представился:

– Василий Геннадьевич.

Он любезно предложил мне чаю, я отказалась.

– Итак, Виктория, чем мы можем Вам помочь? – сразу перешел он к делу.

– Моя подруга завтра вылетает в Стамбул. Ее заманили туда явно обманным путем, но она мне не верит, ей не до вникания в тонкости: у нее сердечная драма. И я боюсь, она добровольно идет в ловушку. Вам нужно вылететь с ней и проследить, куда ее отвезут. Разведать обстановку и доложить мне. Я предполагаю, что люди, которые будут ее встречать, опасны, поэтому дело рискованное. Возможно, нам придется ее выручать. Само собой, билеты и все расходы я проплачу.

– Вы знаете этих людей? С чего Вы взяли, что они опасны? – директор подозрительно подался вперед. Что говорить, это его профессия...

– Давайте без лишних вопросов. Интуиция, если хотите. И новости иногда смотрю. Так Вы возьметесь за это дело? – невозмутимо спросила я.

– В нашем детективном агентстве задачи любого уровня сложности решаются быстро и эффективно. Мы беремся, – он достал документы, и мы занялись формальными вопросами.

В пять часов я встречала Жанну в аэропорту. Вскоре показалась эта фифа.

Великолепно уложенные волосы, яркий макияж, норковая шуба и сапоги на шпильках.

Она радостно обняла меня, и мы пошли к машине.

– Это твоя? – завизжала Жанна, когда увидела мою малышку. – Здорово живешь, подруга!

В машине Жанна жаловалась, что восемь часов перелета на нее очень плохо повлияли.

– Ужас, Вика! Кожа на лице вся скукожилась, ногти на руках, как у бичихи.

– Ты здорово выглядишь, не жалуйся, – подбодрила я ее. – Ты не передумала ехать в Турцию? Это может быть опасно.

– Не говори глупости. Такие милые люди. Представляешь, там зарплаты! Во, заживу!

И никакие Вадика не будут мне нужны! Такой шанс выпадает раз в жизни!

Я безнадежно на нее взглянула. Да она хотя бы вдумалась и поразмыслила. Менеджер по туризму не может получать такие деньги по определению. Страшные догадки лезли в голову. Ох, Жанна...

Уставшая от перелета подруга дома мигом заснула. А на следующее утро мы с ней устроили шопинг и экскурсии по городу. Я ведь толком нигде не была – скучно одной. А тут Жанка свалилась на голову, и я этому рада. Мы поехали на Красную площадь, сфотографировались с Петром Первым и Екатериной Великой, которые так хорошо сохранились и просили с ними сфотографироваться за 50 рублей. Посетили Мавзолей, посмотрели на Ленина, правда, долго стояли в очереди. Зашли в исторический музей, затем в ГУМ и ЦУМ. Прошлись по Охотному ряду, Тверской и Арбату.

– Через час у меня регистрация, – вздохнула Жанна. – Нужно ехать. Спасибо, что уделила мне время.

– Да, пожалуйста, тебе спасибо, – искренне ответила я.

Проводив ее, я приехала домой и нетерпеливо стала ждать отчета детектива.

Утром, в девять часов Василий позвонил и попросил срочно приехать в агентство. Я быстро собралась и через час была у него. Он сидел за столом и курил сигару.

– Виктория, сразу к делу. Детектив вышел в Стамбуле вслед за Вашей подругой. Ее встречал довольно приятной внешности молодой турок, в костюме и с приветливой улыбкой. Они сели в машину, детектив взял такси и поехал следом. Приехали они на окраину города, в злачное двухэтажное заведение под названием «Парадайз». Вашу подругу двое крепких мужчин силой вывели из машины и затащили в заведение. В девять часов вечера оно открылось для посетителей, и детектив зашел в бар под видом туриста. Он сел за барную стойку, заказал выпивку и рассмотрел помещение. Полумрачный зал, убогая обстановка. Десять столиков в зале, на сцене несколько шестов, где три девушки танцевали стриптиз. Вашей подруги среди них не было. Бармен по-английски не разговаривал, поэтому информации не дал. Через некоторое время к детективу подсел турок и предложил развлечься с одной из девушек. Плата за один час – пятьдесят долларов. Детектив спросил, все ли это девушки, и ему показали еще троих. Среди них Жанны тоже не было. Он выбрал русскую девушку, и они поднялись на второй этаж. Девушка привела его в одну из комнат, по его подсчетам их

всего там около десяти. В комнате стоит двухспальная высокая кровать, два мягких кресла, небольшой платяной шкаф. В спальне девушка упала перед ним на колени и принялась расстегивать ширинку на брюках. Детектив поднял ее и сказал, что пришел поговорить. Вот запись их разговора:

– Встань, мне нужна информация.

– Нам запрещено разговаривать с клиентами.

– Не переживай, я пришел помочь. Я ищу девушку, ее сегодня сюда привезли.

– Я ничего не знаю.

– Ты боишься, я понимаю, но доверься мне. Вот мое удостоверение. Вас тут держат насильно?

– Да, помогите! (слышится женский плач)

– Ты видела девушку, которую привезли сегодня?

– Да, она сильно кричала, и ее спустили в подвал. Там темно и крысы! Мы все там были... У нас нет загранпаспортов, они у босса, он приезжает сюда каждый день около одиннадцати вечера.

– Где он живет, знаешь?

– Я с двумя девочками была у него дома, он устраивал вечеринку с друзьями. Это был кошмар!..

– Ты сможешь вспомнить адрес?

– Можно попытаться. Это недалеко отсюда. Вы освободите нас?

– Во сколько закрывается заведение? Кто здесь остается и сколько человек?

– До трех ночи, остаются двое охранников.

Василий выключил запись и внимательно посмотрел на меня, ожидая комментариев.

Я шокировано качала головой. Директор заговорил:

– Не удивляйтесь, Виктория, это сплошь и рядом. Вы оказались правы. Девушки нынче такие доверчивые, и это выходит им боком.

– Но это же противозаконно! Необходимо сообщить в Турецкую полицию и освободить девушек!

– Боюсь, не все так просто. Они все знают и закрывают глаза, девушкам будет еще хуже. Жанну необходимо похитить.

– Нужно действовать немедленно! Она в подвале! И еще, я хочу, чтобы освободили всех девушек!

Директор замешкался, затем произнес:

– Эта задача более сложная, но решаемая. Всем девушкам нужно будет оплатить билеты до их родного города. Подумайте, стоит ли. Вы не представляете, сколько таких клубов в Турции, всем не поможешь. В конце концов, девушки сами виноваты, многие из них знают, на что идут.

– Я все решила! – твердо заявила я.

– Я вынужден направить еще одного детектива, – раскинув руками, сказал Василий.

– Делайте, что считаете нужным. Жду результатов. Вылетайте срочно!

Весь день я провела в напряжении. В самом деле, если бы

Жанна не была такой доверчивой и проверила информацию, ничего бы не случилось! Как она там, выпустили ее из подвала?.. Надо было тоже лететь с детективом! Нет, я бы только мешала. С ума можно сойти!

Меня держали в неведении до следующего полудня. Василий Геннадьевич отчитался об успешно проделанной работе и сказал, что встречать девушек в аэропорту нужно через два часа. Когда я по пробкам добралась до аэропорта, они меня уже ждали: два рослых детектива и пять девушек. Жанка набросилась на меня и чуть не задушила в своих объятиях. Девушки по очереди благодарили меня. Их вид говорил о том, что они многое пережили. Я заметила, что одна из девушек обнимает детектива.

– А где еще две девушки? Насколько я помню, их было семь?

– Они провинциальные турчанки, мы отправили их поездом в свои города, – сказал детектив, который обнимал девушку. Он был ничего: этакий громила, с которым ничего не страшно, и чувствуешь себя, как за каменной стеной. – Ксения и Ольга из Латвии, Любовь с Украины, мы им уже взяли билеты. Не волнуйтесь, турецкий Босс все расходы компенсировал, – детектив усмехнулся. – И заплатил за моральный ущерб.

– А эта милая девушка? – я кивнула в сторону обнимающей его девушки. Они чуть покраснели.

– А Алиса остается со мной в Москве, – улыбнулся детек-

тив.

Вот так и закончилась эта история. Мы с Жанной поехали ко мне на квартиру. Я предложила немного пожить у меня, Жанна с радостью согласилась – не хотела с позором возвращаться в Хабаровск. Она мне рассказала, как Турки принуждали ее заниматься проституцией. Но у них ничего не вышло.

– Как же ты выкрутилась? – изумленно спрашиваю я. Не ожидала в Жанне обнаружить находчивость и смекалку.

– Сказала, что у меня открытая форма феминилиса, – спокойно ответила она.

– Чего? Это что?

– Вирус такой, смертельный, передается половым путем, – Жанна улыбается.

– Никогда о таком не слышала, – она меня поражает.

– Конечно, потому что я его придумала. Болезнь Жанны Гольчак, – она вздыхает, вероятно, вспоминает эти моменты в Турции. – Знаешь, как мне было страшно? Вот и дура же я, что повелась на эту провокацию! В общем, они вроде и не поверили, но решили пригласить врача, а меня затолкали в подвал. Так врач три раза брал у меня анализ крови, меня два дня обследовали. Твои ребята успели вовремя.

Я обняла Жанну и сказала, что все уже позади. На ошибках учатся. Пока Жанна жила у меня, мы только и делали, что ходили в спа-салоны, бутики и рестораны. Она такая за-

разительно веселая, позитивная и легкая. Мы сблизились, но я понимала, что это не будет продолжаться вечно.

– Мужика тебе надо, – как-то сказала Жанна, наводя макиаж. – Совсем зачахнешь тут одна.

– Не говори ерунды. От них одни проблемы. Сначала весь мир обещают бросить к твоим ногам, потом делают тебе детей, и от их романтики не остается и следа. Ни тебе ласковых слов, ни подарков... А цветы только по праздникам, – грустно произнесла я.

– Надо смотреть на мир позитивно! – засмеялась Жанна. – Никто не сделает тебя счастливой, кроме тебя самой.

Я нахмурилась. Что-то важное было в ее словах. Но разве она может говорить умные вещи?

– Мне Вадик сегодня позвонил, – хихикнула Жанна. – Узнал, что я в Москве, заперезживал. Просит прощения и умоляет меня вернуться.

– А ты что? – расстроилась я.

– Сначала повыпендривалась, конечно, но потом сказала, что люблю засранца и скоро вернусь!

На следующий день я провожала Жанну в Хабаровск. Она уговаривала лететь с ней, но я отказалась. Душа тянулась в родной Хабаровск, но разум твердил, что я должна остаться. В аэропорту Шереметьево, как всегда, полно людей. Все суетятся, бегают с чемоданами, капризничают дети. Мы прошли к стойке регистрации и встали в очередь. Я оставила подругу и пошла в дамскую комнату. Я так торопилась, что

по пути столкнулась с каким-то нерусским мужчиной, который очень эмоционально разговаривал по телефону. Увидела его безумный взгляд, от которого стало жутко. Пробормотала извинения и побежала дальше. Где я могла его видеть? Жесткое лицо, черные глаза, нос с горбинкой, черная щетина и самое главное – шрам на лбу. Скоро я присоединилась к Жанне, которая находилась в прекрасном расположении духа.

– Вика, регистрация началась! Надо запомнить этот день! 26 февраля 2007 года!

День, когда Вадик упадет у моих ног!

Меня будто ударило током, я начала хватать воздух ртом, а ноги стали ватными.

– Что с тобой? – испугалась Жанна.

26 февраля в аэропорту Шереметьево произошел взрыв. Террорист-смертник устроил теракт, и погибло множество людей. Боже, это с ним я столкнулась нос к носу... В новостях показывали его фото. Мой разум начал лихорадочно соображать. Нужно срочно бежать, покинуть аэропорт, пока не поздно. Во сколько произошел взрыв? Я не помню. Я машинально посмотрела на часы и закрыла глаза. Вот-вот произойдет взрыв! В висках пульсировало, сердце испуганно колотилось. Надо взять себя в руки, найти подонка и сдать милиции. Он должен быть где-то здесь, здесь большое количество людей. Милицию звать нет смысла, он нажмет кнопку и взрывное устройство сработает. Надо его обезвредить. Чем?

Я блуждала глазами по залу аэропорта. Вон он! Стоит в очереди у другой стойки.

– Жанна, а ты себе утюг купила, он у тебя далеко? – судорожно спросила я.

– В чемодане, коробка наверху, – растерялась Жанна.

Я лихорадочно открыла чемодан и достала коробку. Быстро распаковав ее, схватила новенький утюг и уверенно пошла в его сторону. Я встала за ним, он смотрел вперед и вдруг неожиданно стал расстегивать куртку. О нет! Я замахнулась над ним, но чья-то сильная рука меня остановила.

– Девушка, ты с ума сошла? – спросил мужчина, стоявший позади меня. Он крепко захватил мою руку с утюгом.

Террорист резко обернулся, увидел меня и резко засунул руку под куртку.

– Нет! – закричала я так оглушительно, что мужчина от неожиданности отпустил мою руку. Со всей силы я заехала утюгом террористу по голове. От удара он повалился на пол и, похоже, потерял сознание. Под его лицом растеклась лужица крови.

– Эта баба ненормальная! – закричал мужчина, стоявший сзади. Он предусмотрительно отошел от меня на пару метров. Все ошеломленно уставились на меня. Подбежали охранники. Жестом я их остановила и заикающимся голосом проговорила:

– Это террорист. У него бомба под курткой. Еще чуть-чуть, и нас бы с Вами тут не было!..

Послышалась паника в зале. Сотрудник приоткрыл куртку лежавшего, и мы увидели взрывное устройство, обмотанное вокруг его талии.

– Эвакуация! Срочно!

Люди бросились к выходу. На улице меня обступила толпа, все благодарили за спасение. Вскоре бомбу обезвредили и вместе с террористом вывезли из аэропорта. Прошло еще некоторое время на проверку всего здания, и вскоре мы снова стояли у стойки регистрации. Перед этим меня допросили с пристрастием в кабинете у начальника аэропорта. Там же были генерал и мэр города. Я придумала байку о том, что, когда я столкнулась с террористом, услышала его слова о том, что через пятнадцать минут он взорвет аэропорт. Они даже по камерам могут это проверить.

Удивляло одно, как его пропустили в аэропорт. С этим вопросом я обратилась к ним.

– Разберемся, – прогромыхал генерал, и начальник аэропорта вжался в кресло. Мэр похвалил за отвагу и обещал представить к награде. С этим я и ушла.

Глава 12

И снова я в одиночестве в своей дорогой квартире. А может, стоило уехать в Хабаровск? Там мама и Крис. Включив телевизор, я заметила, что началась моя любимая передача по России «Десять лимонов». Я любила эту передачу, так как

с детства была эрудированной и много читала. Ну и очень любила деньги. Всегда пыталась угадать ответы на сложные вопросы. На кону десять миллионов. Беспрецедентное интеллектуальное шоу с Вадимом Палкиным. Благодаря своим знаниям, можно выиграть десять миллионов рублей. Именно такая сумма достается в качестве аванса в самом начале игры участнику шоу «Десять лимонов». Чтобы сохранить эту сумму, игрок должен правильно ответить на восемь вопросов. Неправильные ответы уменьшают сумму выигрыша. При ответе на первые четыре вопроса игроку будут предложены четыре варианта ответа. При ответе на следующие три вопроса придется выбирать правильный ответ из трех предложенных вариантов. Игроку, который сумеет дойти до последнего, восьмого вопроса, будут даны всего два варианта ответа. По телевизору показывали Палкина, он как всегда в своей манере шутил с игроками. Задал первый вопрос: «В каком году праздновал свой юбилей Ю. М. Богданов?» Все ясно, видела этот выпуск.

Тут внезапно я поняла, чего мне не хватает. Конечно – хочу быть известной и популярной звездой. Я очень тщеславна, мне нравится, когда мной восхищаются. Я оживилась и взволнованно принялась ходить взад и вперед по комнате. Хочу петь, у меня есть голос, есть внешность, да я все рейтинги побью. Только не знаю, как попасть в шоу-бизнес. Я посмотрела еще раз в эфир и внизу увидела вопрос для телезрителей, ответив на который, можно попасть в эту теле-

передачу. Машинально взяла телефон и отправила правильный ответ на номер, указанный большими цифрами.

Спустя несколько дней, мне перезвонили и пригласили принять участие в программе, попросив только заполнить анкету. И вот, спустя еще два дня, я уже в Останкинском телецентре, открыв рот, прохожу по длинным коридорам. Навстречу проходят известные телеведущие, актеры и певцы. С важным видом меня сопровождает сотрудница телецентра в обтягивающей юбке до колен и белой блузке. Перед входом я прошла тщательный досмотр, сдала свой мобильный телефон и аудиоплеер. Девушка довела меня до нужной двери, проводила до съемочной площадки и познакомила с самим Вадимом! Мы познакомились. В жизни он такой же улыбочивый и радушный. Он высказал мне пару комплиментов, пожелал удачи и дойти хотя бы до пятого вопроса. Я молилась лишь об одном: чтобы видела ранее эту передачу. Иначе я с позором провалюсь. Вопросы очень каверзные, и одних знаний мало, не зря они ставят на кон десять миллионов.

Я пыталась произвести хорошее впечатление на Вадима. Мне нужен был проводник в шоу-бизнес, и я надеялась, что Вадик поможет.

Наконец, Вадим вышел в зал и объявил о начале игры. Слышу свое имя и фамилию, пора выходить... Боже, как я волнуюсь! Звучат аплодисменты, и я в центре внимания. О да, мне это нравится. Меня будут показывать по телевизору!

Вижу перед собой пачки денег, но деньги меня больше не волнуют. Внутри меня поет тщеславие. Вадим объяснил правила игры и задал первый вопрос.

– Итак. Вопрос: Какой из этих певцов в 32 года получил звание народного артиста России? Варианты ответов: Валерий Меладзе, Дима Билан, Николай Басков и Филипп Киркоров. Время пошло, раскладывайте деньги! Я повеселела и принялась все деньги класть на 3 ответ. Это Басков! Вадик меня забалтывал, но я была непреклонна, лишь делала вид, что волнуюсь, на самом деле в душе ликуя. Я видела эту передачу. В ней мужик играл и до последнего вопроса дошел, но ушел с 250 тысячами. А мне крупно повезло, потому что интуитивно я выберу правильный ответ, так как уже слышала его прежде. Время закончилось.

– Вы поклонница Баскова? – улыбаясь, спросил Вадим.

– Обожаю его творчество, – в тон ответила я.

– Итак, сейчас мы узнаем правильный ответ.

Открылись три люка. Люк, на котором лежали деньги, остался целым. Я отгадала.

– У нас осталось всего семь вопросов и деньги Ваши! – сиял Вадим. – Второй вопрос: На сколько километров Вам придется подняться, чтобы покорить высочайшую вершину Земли – Эверест? Варианты: около шести, около семи, около восьми и около девяти. Время пошло, раскладывайте деньги!

На этот вопрос я и сама бы ответила. Эверест, если мне не изменяет память, высотой 8 километров и 800 с копей-

ками метров. Ответ: около девяти. Я принялась класть все деньги на четвертый люк, поражая Вадима своими знаниями географии.

– Вы снова уверены в ответе и выбрали один вариант, не подстраховавшись другими вариантами! Что же, посмотрим правильный ответ.

Я снова отгадала.

– Третий вопрос: С какого возраста Ваш ребенок может принять участие в детском конкурсе песни «Евровидение»? Варианты ответов: с девяти, с десяти, с одиннадцати, с двенадцати. Время пошло.

Я уже ринулась положить деньги на второй ответ, но остановила себя. Это будет выглядеть подозрительно, мне нужно сделать вид, что я вспоминаю:

– Или с девяти, или с десяти! Я смотрела, на этом конкурсе выступают совсем маленькие крохи. Всё, с десяти...

Все деньги кладу на второй люк.

– И снова один люк. Сейчас мы узнаем, останетесь ли Вы с деньгами, Виктория, или уйдете ни с чем.

Открылись неправильные ответы, я вновь угадала. Вадим, скорее всего, думал, что мне снова повезло.

– Поздравляю! Десять миллионов – это крупнейший выигрыш! Переходим к четвертому вопросу: В каком из этих штатов США нет города под названием Москва? Варианты: Канзас, Колорадо, Айдахо и Флорида.

Да, это уже серьезный вопрос. Я бы в жизнь не догадалась.

Если бы не знала ответ. Я сосредоточенно смотрела на ответы и делала вид, что думаю. На последних десяти секундах положила деньги на ответ Колорадо. И выиграла. Вадим уже не смог скрыть удивления и аплодировал мне, крича «браво».

– Невероятно! Bravo! Действительно, отличное знание географии! Пятый вопрос: Сколько полных лет вместе уже прожили на свете братья-близнецы Бурдаевы: Боря Гримм и Костя Гримм? Варианты: 58, 60, 62, 64.

Здесь я замешкалась, выбирая между двумя вариантами. Делить деньги не хотелось и я поставила на вариант 58. Он был больше по душе, мне подсказывала интуиция. Что будет дальше? Ответ оказался правильным. Вадим стал заметно нервничать, и даже как-то подозрительно на меня поглядывать. Да подумает, что для них эти десять миллионов. Наоборот, рейтинг поднимут!

– Меня терзают смутные сомнения, Виктория! Признайтесь, Вы знаете все ответы?

– Нет! – я громко рассмеялась. Как он прав.

– Тогда Вы самая умная из всех, кого я встречал! Есть вещи, о которых Вы не знаете?

– Конечно, есть, Вадим. Мне просто везет.

– Вы всего в трех шагах от великой победы! Шестой вопрос: кто мечтает о мюнцкабинете? Варианты: нумизмат, филателист и филокартист.

Я помню, что мюнцкабинет – это научно систематизиро-

ванное собрание монет. Ответ напрашивается сам. Все это я сказала вслух, и все деньги положила на нумизмата. Верно. Я так вошла в азарт, что у меня затряслись руки.

– Все-таки, я думаю, нет таких вещей, о которых Вы не знаете, – серьёзно сказал Вадим. – Седьмой вопрос: сколько строк стихотворения Пушкина было опущено в эпитафии к телепередаче «Очевидное – невероятное»? Одна строка, четыре или девять?

Никогда не смотрела эту передачу, но что-то шепчет мне на ухо, что одна строка. Я ставлю на первый ответ, кусая губы. Что же, если потеряю, то не беда, стану знаменитой. Я отгадала! И от радости захлопала в ладоши.

– Впервые за все время проведения этой передачи игрок доходит до восьмого вопроса со всей суммой. Что Вы чувствуете, Виктория? – изумленно восклицает Вадим. Похоже, он и правда, в недоумении.

– От волнения боюсь потерять сознание, – призналась я. – Желаю себе удачи!

– Мы все желаем Вам удачи и переходим к последнему вопросу: Какой певец, ухаживая за девушкой, которая впоследствии стала его женой, арендовал для нее остров? Всего два ответа: Владимир Пресняков или Григорий Лепс?

– Конечно, Вова Пресняков.

– Почему Вы так уверены, Виктория?

– Пресняков – он такой эмоциональный, романтичный, арендовать остров так соответствует его характеру!

Вадим выдерживает длинную паузу. Затем спрашивает:

– Вы хорошо подумали?

Пытается меня запутать.

– Да. Мой ответ Владимир Пресняков.

– Наша аудитория аплодирует Вашей решимости. Десять миллионов рублей – или ничего, в случае, если Вами принято неверное решение. Наверное, это самый драматический этап в нашей программе. Виктория, закончившая недавно институт с отличием, успешно дошла до восьмого вопроса, сохранив все десять миллионов. Вы показали свою эрудицию, и при любом исходе программы уже можете считать себя победителем. Станете ли Вы абсолютным победителем нашей программы, мы узнаем прямо сейчас!

Открылся люк с неправильным ответом... Мои деньги остались лежать!

– Ура! – закричала я. – Ура! Весь зал встал, аплодируя мне и ликуя.

– Поздравляю! – Вадим подошел и поцеловал меня в щеку. Ко мне подбежали репортеры и фотографы, брали интервью. Обычная дребедень: как смогли, что чувствуете?.. Завтра, наверное, напечатают во всех газетах.

После передачи мне вручали деньги, отняв налоги и сборы, в общем, тоже получилось неплохо. Вадим лично принял участие в награждении. К нам на студию заходили звезды – посмотреть на счастливую обладательницу десяти миллионов. Среди них был популярный Влад Соловьев. Он са-

молично вызвался проводить меня до банка – чтобы не ограбили. При выходе нас еще щелкали репортеры. Вот это слава! Мы сели в его черный шестисотый «Мерседес», и его водитель повез нас в банк. Мне до сих пор не верилось, что я еду с самим Соловьевым! Тридцатилетний блондин, он явно был высокого мнения о себе и страдал звездной болезнью. Мелькнула мысль, может не стоит того шоу-бизнес...

Мы разговорились, и Влад по достоинству оценил мой голос, сказав, что шансы у меня есть. И, если захочу, то он может договориться с одним известным продюсером, чтобы тот меня прослушал. Я захлопала в ладоши от радости и сказала Владу, что это очень мило с его стороны. Влад ненавязчивым тоном проронил, что неплохо было бы отметить мой приз и нашу встречу где-нибудь в тихом ресторанчике. Я напряглась. Соловьев давно женат, да он и вовсе не в моем вкусе, напыщенный индюк. Вот точно – в шоу-бизнес попадают одним путем...

Вслух же я сказала, что сегодня очень устала, и может быть, в другой раз. Влад изменился в лице и холодно произнес, что ведь это мое дело, он хотел поговорить о моей дальнейшей карьере певицы. Я от досады прикусила губу и извинилась. Конечно, я поужинаю с ним, ведь он так добр ко мне. Но он так смотрел на меня...

Мы подъехали к банку, Влад меня сопровождал, как и обещал. В банке мы открыли счет, и я облегченно вздохнула. Затем Соловьев повез меня в ресторан где-то на окраине го-

рода, я так поняла, чтобы нас никто не увидел. Мы сели в отдельную кабинку и заказали блюда европейской кухни. Официант загадочно улыбался Владу – вероятно, гость он тут частый. Мне стало противно от него, захотелось встать и уйти. Но я опять засомневалась и решила подождать, посмотреть на ход событий. Нам принесли красного дорогого вина, и после первого бокала я расслабилась. Влад весь вечер пел мне, какая я шикарная и обалденная, как я быстро раскручусь, и совсем скоро толпы поклонников не будут давать мне прохода. Я заслушалась его, и мозг совсем отключился. Представила себя на сцене, поющей хит, толпа в Олимпийском ревет и кричит, что любит меня. Я становлюсь популярной, и весь мир обо мне знает и слушает мои песни. Я вздрогнула от того, что Влад взял мою руку в свою и стал гладить. Резко убрала ладонь и взглядом попыталась дать ему понять, что постель ему не светит.

– Вика, мне так одиноко, ты не представляешь, – театрально начал он. – Эти гастроли, продюсеры, репортеры, никакой личной жизни...

– А как же жена, которая ждет тебя дома? – холодно спросила я.

– Вик, что ты как маленькая, – неприятно засмеялся он. – Тысячи поклонниц жизнь готовы отдать за ночь со мной, а ты недотрогу из себя корчишь. Я ведь реально могу из тебя звезду сделать.

– А ты не сравнивай меня со всеми, я ложусь в постель

только с теми, кого хочу, а тебя – не хочу. Уж извини, ты не в моем вкусе.

Я резко встала, и пошла к выходу, чувствуя на себе ненавидящий взгляд Соловьева.

На следующий день неожиданно позвонила Лизка, моя одноклассница.

– Викуля, привет. Ну ты даешь, подруга, как ты умудрилась выиграть десять миллионов? Я тебя по телевизору увидела и чуть с дивана не упала! Ты всегда была фартовой девчонкой, тут ничего не скажешь! – У нее появился так называемый московский тянущий акцент, но все равно я рада была ее слышать. Да еще с такими серенадами.

– Лизка, дорогая, сама до сих пор в шоке! Вот повезло! А ты меня как нашла?

– Позвонила на твой домашний, мама дала сотовый, сказала, что ты в Москве живешь. Мы в Москву год назад переехали. Папа у меня большая шишка здесь, а я так, от безделья со скуки умираю. Давай пересечемся где-нибудь в центре, поболтаем.

– Конечно, говори адрес.

Я вышла из дома и села в свою «крошку». Движение более-менее динамичное, я не спеша веду автомобиль, посматривая в зеркало заднего вида. Через полчаса я нахмурилась. Странно, этот черный «Жигуль» двигается за мной от самого дома. Совпадение, не стоит так переживать. Еще через два-

дцать минут я припарковалась на Арбате, следом остановил-
ся и водитель «Жигулей». Это тоже совпадение? С опаской
выхожу из машины и направляюсь вперед. Инстинкт само-
сохранения заставляет меня повернуться и отскочить впра-
во. «Жигули» на высокой скорости проносятся мимо. Я за-
метила, что они без номеров. Пара секунд, и этот придурок
меня бы сбил. Но зачем? Кому нужна моя смерть? Я ничего
не понимаю! Меня начинает трясти. Может, все-таки, совпа-
дение? Или за рулем сидел ненормальный?

Неуверенной походкой я дошла до кафе «Бабочки». Там
меня уже ждала Лиза. Она обняла меня и спросила, почему
выгляжу, как смерть. Я рассказала ей.

– Ой, не бери в голову. Что ты хочешь, Мегapolis, тут
столько придурков! А терактов сколько! Не переживай, про-
сто будь осторожнее.

Она меня немного успокоила, и мы заказали кофе с круас-
санами. Лиза в красках описывала мне свою «скучную»
жизнь в гламуре.

– А как же Артем? – спрашиваю я, вспомнив о мужчине,
с которым встречалась Лиза в студенческие годы. Лиза мах-
нула рукой и сказала:

– Да он обыкновенный альфонс, хотел получить статус
влиятельного зятя, вот и вся любовь. Я раскусила его, сказав,
что отец лишает меня наследства и уезжает в Москву, а мне
придется переехать к нему.

– А он что? – спрашиваю я.

– Пропал без вести, вот что, – буркнула Лиза и уставилась на чашку с кофе.

Я задумчиво проводила пальцем невидимые линии на чашке. Вот они, злосчастные деньги. Не узнаешь на самом деле, кто любит тебя по-настоящему.

– Открою тебе мой большой секрет, – продолжила Лиза. – Я довольно долго была влюблена в Дэна... – я округляю глаза. – Да, не удивляйся. В первый же день, когда он пришел, я безнадежно влюбилась. Дэн за пять лет переимел всех девушек в институте, но на меня даже не смотрел, – на нее было жалко смотреть. Безответная любовь, да еще в такого мерзавца.

– Да перестань, он кроме себя самого и своего перца в штанах никого не любит, – принялась я успокаивать Лизу.

Лиза качает головой и выдает:

– Он любил тебя. И не делай такие удивленные глаза. Весь наш курс об этом знал. Он страдал по тебе несколько лет. Не знаю, что там между вами было, не дала ты ему, или, наоборот, дала и бросила. Денис пацанам все уши прожужжал. А в тот вечер, когда мы отмечали окончание выпускного, Дэн глаз с тебя не сводил. И когда подошел, ты ему не отказала... – Она не смотрела на меня. Боже, Лиза все время ревновала Дэна ко мне! Ошарашенная, я не знаю, что сказать...

– Да ты не переживай, я давно его забыла. Здесь хватает ухажеров. Расскажи, чем ты в Москве занимаешься, – она

дружески улыбается.

Я рассказала ей вчерашний вечер с Соловьевым, и мы дружно хохотали, представляя его кислую мину, когда я ушла.

– Ты молодец, подруга, знаешь себе цену. Только дуры и дешевки раздвигают ноги. Я его хорошо знаю – кручусь в этой элите. Он продюсеру даже и звонить бы не стал.

Знаешь, сколько у него таких дурочек?

– И как же порядочная и талантливая девушка может стать певицей?

– Да очень даже легко.

Лиза достала телефон, нашла нужный номер и стала ждать ответа.

– Але, лапочка, привет, как дела?... Да лучше всех, как всегда... Слушай, Борис, я к тебе подругу отправлю. У нее чудесный голос, сама песни пишет, послушаешь? ... Да ладно, лапуся, она и правда, хорошенькая. Фартовая, кстати: вчера десять миллионов выиграла – она сделала акцент на слове «миллионов», – потом благодарить меня еще будешь.... Все, договорились, целую.

Она посмотрела на меня и победно произнесла:

– Все, сегодня в пять он ждет тебя в студии звукозаписи, я тебя отвезу.

– Ой, Лиз, спасибо огромное, – захлопала я от радости в ладоши. – Что бы я без тебя делала?

– Да ладно, просто ты моя землячка, вот и помогаю. А так

меня все тут отъявленной стервой считают.

Мы снова засмеялись. Вскоре Лизка отвезла меня домой. Дома я стала выбирать песню, которую сыграю продюсеру, и остановилась на песне «Дождь» от Василины. Тем более, что она отражала настроение моей души. Вскоре заехала Лиза, я захватила гитару и с большими надеждами мы пустились в путь.

Глава 13

Через час я сидела с гитарой в студии звукозаписи с большими наушниками на голове и сама себе немного напоминала Чебурашку. И этими «ушами», и новыми ощущениями. Студия впечатляла своими размерами и дорогой аппаратурой, за которой сидел звукорежиссер. Передо мной – микрофон и аудитория в лице Лизы и продюсера: маленького волосатого мужчины с бегающими глазками. Он оценивающе разглядывал меня, и, судя по его глазам, увиденное его впечатляло. Он жестом показал, чтобы я начинала.

И я запела песню Василины. Грустную. О том, как она любит серый дождь, о том, как он похож на ее любимого. Как напоминает его глаза, его волосы, его имя... О том, как она ждет его признаний в любви, и что все бы отдала за слова о том, как он скучает по ней...

Эта песня станет хитом потом, через несколько лет. А сей-

час Василина ее, скорее всего, даже не планирует сочинять. Так что она вполне может стать моей, почему нет? Главное, чтобы я была первой, и чтобы песня продюсеру понравилась. А там уж – здравствуй, слава! Ух! Мое тщеславие сладко потирало ручки в предвкушении этого момента.

Закончив петь, я не смогла сдержать слезу. Лиза хлопала в ладоши и обнадеживающе смотрела на продюсера. Но, похоже, он был не в настроении и постоянно смотрел на часы. Наконец, он произнес:

– Не, что это за слова? Я как-то смысл не уловил. Ладно, песню можно подобрать, а внешность у тебя и правда ничего, – он восхищенно осматривал меня, в его глазах мелькнула похоть. – Грудь, правда, можно увеличить размера на два, чтобы эффектнее было.

От возмущения я сначала дар речи потеряла, а потом меня понесло:

– Да у меня отличная грудь, тебе такая только снится! А песня хитовая, понятно?

Песня ему не понравилась! Что ты понимаешь? Совсем тут в Москве зажрались!

Продюсер явно не ожидал такой реакции. Он сухо произнес:

– Послушай, милочка. Оставила бы ты свой гонор. Нет – так нет, и такая грудь сойдет. У тебя эффектная внешность.

Что так кипятиться? А песня... Ну, ладно, давай попробуем. Сейчас все равно других песен нет. Завтра же начнем записывать клип. Возьми завтра паспорт, подпишем контракт. Меня, кстати, Эдуард зовут. И больше не дерзи, если хочешь со мной работать!

– Хорошо, – я успокоилась и мысленно отругала себя за дурацкую несдержанность. Лиза радостно захлопала в ладоши и крикнула:

– Восходящая звезда!

На следующий день я сидела в шикарном кабинете продюсера и читала контракт.

Хм, жесткие условия. Не на ту попал.

– Все отлично, – улыбнулась я. Продюсер радостно улыбнулся в ответ. – Только изменим пару пунктов.

– Какие? – улыбка Эдуарда тут же погасла.

– Меня не устраивает, что Вы от моего гонорара будете иметь 75 процентов. 50 – максимум, – твердо заявила я.

– Ты слишком дерзкая для начинающей певицы. Откуда такая уверенность в успехе? Между прочим, я буду деньги в тебя вкладывать, и деньги не маленькие! Знаешь, сколько клип снять стоит?!

– И все же, 50 процентов для начала, пока не раскручусь... И еще, что за неустойка?

– Я не знаю, что у тебя на уме. Если вдруг пойдешь на попятную, заплатишь неустойку в двойном размере. Этот

пункт категоричен, а на проценты я согласен. Посмотрим, какая из тебя певица.

В этот день мы записали первую фонограмму новой звезды – теперь я Шармель. Прослушивая ее, я едва узнала свой голос. Потрясающе нежное и берущее за душу пение. В течение следующих дней составили сценарий клипа и подобрали актеров. По сценарию моя героиня – студентка, безумно влюбившаяся в своего однокурсника. Родители разлучили влюбленных, отправив парня в другой город. Под дождем я грустно пою на улице.

Мне несказанно понравилось сниматься в клипе. Надо мной поработали профессиональный стилист и визажист. Шармель в кадре выглядела потрясающе! На роль моего парня выбрали весьма симпатичного актера. Мы невинно с ним обнимались в клипе и держались за руки. В моменты припева я пела, сидя на земле, промокшая, якобы от дождя. На самом деле, это был красивый видеоэффект.

Еще через неделю, благодаря стараниям продюсера, клип Шармель вышел на телеэкраны, а вскоре – и в радиоэффиры. Все, Вика, держись. Наступает твоя слава!

И действительно, песня быстро завоевала любовь слушателей. Мой рейтинг со скоростью звука взлетел вверх, и уже через две недели Шармель попала на первое место топ-чатов страны. Продюсер потирал руки, я упивалась славой. Боже, меня слушают по всей стране! Завидуют знакомые и подру-

ги!

Первую неделю пришлось встречаться с репортерами – Эдуард сказал, это необходимо для пиара. Я с важным видом давала интервью и снисходительно улыбалась. Попадались и наглые журналисты, которые задавали непристойные вопросы. Например, настоящая ли у меня грудь, или с кем переспала, чтобы попасть в шоу-бизнес. Их я сразу же ставила на место. Но, прочитав затем интервью в разных газетах, была поражена. И чего только газетчики ни писали! Одни выдали, что я якобы только развелась с мужем, и, решив отомстить ему, поехала покорять Москву. Другие написали, что Шармель – подружка продюсера, и этим все объясняется, а третьи заявили, что я провинциалка и безвкусно одеваюсь. Что же, надо привыкать и все-таки дружить с журналистами.

Я бы пока не сказала, что стала популярной. По улице могла ходить спокойно, меня мало кто узнавал, автограф просили единицы. Наверное, для них Шармель была певицей-одногодневкой, которая после первого хита затухнет. Не на ту напали, господа!

Звонил продюсер. Настаивает, чтобы я весь день проводила на студии, что нужно уже работать над альбомом Шармель. Вечно тычет своим контрактом. Я поехала на студию, по дороге думая, какой хит будет следующим. Мне еще нравятся песни Ньюши, они тоже всегда на первых строчках. Совесть шептала мне, что хватит, свои мозги ведь есть – можно и самой сочинить, и текст, и композицию. Но не факт,

что они станут хитами! Спую еще одну песню Ньюши – и все! Дальше сама! Но мне как-то слабо в это верилось. Приехав на студию, я выслушала от Эдуарда нотации о моей пунктуальности.

– Ты еще не звезда! Будь добра, выполняй условия договора! Один хит еще ничего не значит! Нужно идти дальше и усердно работать! – Эдуард достал платочек и вытер пот со лба.

– А я с новой песней приехала, – решив не ругаться, взяла гитару и встала у микрофона. Эдик махнул звукорежиссеру. И только я собралась петь, как на студию ворвалась... Василина! Я этот микрофон чуть не проглотила. Она выглядела разъяренной и пугающей, но с другой стороны, стильной и милой. Средней длины золотисто-медные волосы, достаточно большие светло-зеленые глаза, на переносице шрам, широкий нос и четкая форма губ. На голове у нее кепка, в ушах серьги в форме колец, на шее серебряный крестик. Эдуард раскинул руки.

– Солнышко, привет! Какими судьбами?– продюсер с улыбкой обнял Василину, но та на него не среагировала. Она в упор смотрела на меня. А я стояла в ступоре, проглотив язык. Все ясно, я спела ее песню. Но эта песня звучала в эфире только в 2010 году... Неужели она ее написала настолько заранее? Зачем столько времени ее продержала? Опять ты попала, Вика. Жизнь тебя ничему не учит!..

– Эдик, не мог бы ты меня оставить с этой... «Шар-

мель»? – она язвительно кивнула в мою сторону. – У меня срочный разговор.

– Зайка, что случилось? – но, увидев ее безумный взгляд, продюсер поспешил покинуть студию вместе со звукорежиссером. Я сняла наушники, вышла к ней и села на стул. Было крайне трудно посмотреть ей в глаза, я молча ждала.

– Учти, я пока не обратилась в милицию, но собираюсь это сделать, если не ответишь мне на вопрос: откуда у тебя моя песня? – Василина взглядом прожигала меня насквозь, а тон ее голоса не предвещал ничего хорошего.

– Это моя песня, – стараясь говорить уверенно, произнесла я.

– И не надейся. «Дождь» – одна из моих первых песен, я написала ее еще в 15 лет, и тому есть куча свидетелей.

Тут я взглянула на нее и зло спросила:

– Почему ж ты до сих пор не выпустила ее в эфир?

– По личным мотивам, – не удосужилась ответить она. – Я жду. Кто продал тебе мою песню? Я, в принципе, догадываюсь, но хочу знать наверняка.

Василина нервничала и с нетерпением ждала ответа. Да, тут что-то очень личное... Я растерялась и не знала, что ответить. В зале повисла тишина. Василина достает сотовый из чехла и трясет им перед моим носом.

– Я звоню адвокату. Ты понимаешь, что это уголовное дело? Я упеку тебя за решетку! – По ее глазам вижу, что не шутит. Она яростно кидает стул и направляется к выходу,

набирая номер.

– Стой! – кричу ей вслед. Она останавливается, убирает телефон и вопросительно смотрит на меня своим печальным и прозрачным взглядом. – Если я скажу, ты все равно мне не поверишь, но...

Заинтригованная, она возвращается и садится рядом. Боже, что говорить? Мне ничего не остается, как сказать ей правду.

– Я... я из будущего. Твоя песня вышла в эфир в 2010 году, – фу, как гора с плеч.

Василина от души смеется.

– Да, очень смешно! – она аплодирует, встает и собирается уходить. Я подрываюсь с места и нервно выкрикиваю:

– А как, по-твоему, я выиграла десять миллионов в передаче Вадима Палкина? – Василина снова оборачивается и хмурит взгляд. Я продолжаю:

– Я заведомо знала все ответы, потому что там, в будущем, видела этот эфир.

– Что за бред? – Василина уже не злится, она растеряна и обескуражена. Она снова садится. – Я еще могу поверить в ясновидение, но возвращение в прошлое – это ерунда какая-то. Чушь полная. Зачем ты пудришь мне мозги?!

– Да не пудрю! И Шереметьево от теракта спасла тоже я, – продолжаю убеждать ее. – Никакой экстрасенсорики. Я вернулась сюда из 2013 года.

Она долго и пристально смотрит на меня. Я выдерживаю

ее взгляд. Наконец, она выдает улыбку и нервно смеется.

– А ты молодец, – испускает она комплимент. – Далеко пойдешь. Выиграть десять миллионов и спасти Шереметьево, это же надо! И все-таки, тебе Андрей продал мою песню?

Я отрицательно качаю головой и безнадежно опускаю руки. Конечно, никакой нормальный человек мне не поверит...

Лучше бы я молчала. Но Василина не уходит. Она о чем-то задумалась.

– Почему именно моя песня? – спрашивает она. – Я ведь начинающая певица, не настолько популярная, чтобы мои песни присваивать...

– Да что ты! Ты станешь самой успешной певицей России! – со всей горячностью возражаю я. Василина с улыбкой ждет продолжения. Я колеблюсь. Имею ли право открывать ей ее будущее? Не помешает ли ей это?

– Продолжай, – просит Василина.

– Хорошо. Так, сейчас апрель 2006 года. Ты только что выпустила свой первый альбом «Трудный возраст». – Она кивает. – За несколько месяцев пластинка получит платиновый статус за количество продаж. Вскоре выйдет твоя новая песня «Отпускаю», – Василина округляет глаза, но снова кивает. – Она возглавит все радиочаты стран СНГ и России на несколько недель, – я улыбаюсь, видя ее изумление. – В этом году выйдет DVD с записью твоего первого концерта в Москве. Он будет продаваться огромными тиражами и станет самым продаваемым за всю историю рекорд-бизнеса

в России.

– Невероятно, – шепчет Василина.

– Ты очень талантливая, поэтому я и выбрала твою песню. Я всегда была поклонницей твоего творчества. У тебя индивидуальный стиль и очень лиричные песни, которые трогают за душу. Каждая новая песня – это новый хит. Твой второй альбом станет бриллиантовым. Все песни в нем будут автобиографичны. Ты получишь множество музыкальных наград, премий и званий. Среди них и «Самая успешная», и «Самая красивая», и «Самая популярная певица». Также войдешь в рейтинг «Сто самых влиятельных женщин России». Я даже не знаю, что еще добавить.

Василина сидела, ошеломленная, и не сводила с меня глаз.

– А что насчет моей личной жизни? – заискивающим голосом спрашивает она.

– Нет, Василина, я не вправе, – отказала я. Если я скажу, что брак с ее звукорежиссером распадется, вряд ли она выйдет за него замуж. Хотя, может и к лучшему... – Скажу лишь, что у тебя родится чудесная дочка, Александра.

В это время зашел Эдуард и показал на время. Василина, все еще пребывающая в шоке, нехотя встала и медленно пошла к выходу. Я догнала ее и запальчиво проговорила:

– Прости меня. Мне, правда, очень стыдно. Очень. Я не имела права трогать твою песню.

– Твою песню? – повторил продюсер и уставился на нас непонимающим взглядом. – «Дождь» – это твоя песня? – об-

ратился он к Василине. Та кивнула в ответ и вышла.

Продюсер накинулся на меня:

– Ты в своем уме? Решила репутацию мне подмочить? Да она же в суд на нас подаст! Я разрываю с тобой контракт! – он удаляется, и я слышу его голос в коридоре: – Василина! Подожди, солнышко!..

Вот и окончена моя карьера певицы. Шармель быстро взлетела высоко вверх и быстро упала вниз, обломав крылья по самый хребет. Нет, я не жалею. Сожалею только о том, что взяла чужую песню, чужую интеллектуальную собственность. Мне очень стыдно, чувствую себя воровкой. Выхожу на улицу и бреду по тротуару. Идет дождь, но я не реагирую. Дождь, как символично. Сейчас я ясно понимаю, что шоу-бизнес не для меня. Это огромная работа, никакой личной жизни. Вместе с успехом на тебя сваливаются толпы поклонников и фанатов, которые мешают жить. А репортеры и критики отравляют ее своей писаниной. И чем меня раньше привлекала эта известность?

На улице встречались редкие прохожие. Они шли под зонтиками и удивленно главели на меня. Вся промокшая, я все-таки вернулась к машине. И тут же с удивлением обнаружила, что у меня спущена шина. Приходится ловить такси. Останавливается старый «Фольцваген», и водитель радушно приглашает садиться. Вся промокшая, сажусь в машину и называю ему адрес.

– А я Вас знаю, – говорит он, когда я устраиваюсь и встречаю его взгляд в зеркале заднего вида. У него глубокие морщины на лбу и в уголках глаз, хотя на вид ему не больше сорока лет, густые брови и карие глаза. – Вы та самая Шармель, Ваша песня лидирует на Русском Радио, – он включил приемник громче, и из него полилась моя песня. То есть не моя, а Василины. Я промолчала, мне не до разговоров. Устала и замерзла. Пять минут назад решила вернуться в Хабаровск и начать спокойную и размеренную жизнь. Хватит с меня приключений.

– Знаете, Вы самая красивая звезда шоу-бизнеса, – продолжал водитель. – Вы необыкновенная! – Это уже начинало раздражать. Я процедила сквозь зубы:

– Спасибо.

– Не любите поклонников? – заметил он.

– У меня нет настроения, можно ехать быстрее? – не церемонясь, бросила я.

– Очень невежливо, нужно быть с мужчинами поласковее, – мужчина загадочно улыбнулся мне и подмигнул. – Ну, ничего, я тебя научу, как с мужчинами разговаривать. Будешь у меня, как шелковая!

– Что Вы несете? Остановите машину, немедленно! – закричала я в испуге. Тоже хороша, нужно было позвонить в службу такси и дожидаться таксиста, а не ловить попутного фиг знает, кого! Я посмотрела в окно. Мы едем по незнакомой мне дороге, зданий уже практически нет. О, боже, за что

мне это? Хотя, прекрасно знаю ответ на этот вопрос...

– Куда ты меня везешь? Сказано же тебе, останови! Я заплачу! – у меня началась паника. В руке у незнакомца мелькнул нож с длинным лезвием, и я вскрикнула, закрыв лицо руками.

– Домой ко мне едем. Когда такое случилось, чтобы ко мне в машину певичка садилась, да еще такая шикарная?! Поставишь мне автограф на одном месте! – он залился мерзким смехом.

Нет, нет, ни за что! Почему мужчинам от меня нужно только одно? Почему мои деньги их никогда не прельщают? (Знала бы я сейчас, чем обернутся эти мои мысли!..) Мозг лихорадочно соображает, дыхание становится тяжелым и частым. На мгновение страх парализовал меня. Мы несемся на высокой скорости. Я решаюсь.

Открываю дверь и выбрасываюсь наружу. Крик, столкновение и темнота...

Просыпаюсь в больнице. Сильно саднит лицо и руки. Чувствую, что голова моя перевязана, во рту сухо, забинтованная в гипсе нога висит на аппарате. Я пытаюсь потянуть ноги, и меня пронзает сильная боль. Я вскрикиваю, и слезы произвольно брызгают из глаз. Добавилась боль в спине и позвоночнике. Поворачиваю голову к двери, надеюсь, что она сейчас откроется и войдет врач, затем ищу кнопку вызова. На глаза попадает красная кнопка, бессильной рукой кое-как нажимаю на неё.

Вспоминаю таксиста, и уже слезы ужаса заполняют мои глаза. Как я смогла решиться выйти на ходу из машины? Что сейчас со мной? Где врачи? Я оглядываю палату. Хороший ремонт, цветы, телевизор. Кто-то перевел меня в ВИП-палату. Продюсер пожалел?

Через несколько минут заходит пожилая женщина – врач в белоснежном халате. Прямые каштановые волосы, заплетенные в косу, холодные серые глаза и большой нос. Кого-то она мне напомнила, но кого?

– Доброе утро, Виктория, – приветливо здоровается она. – Как самочувствие? Я хирург – Антонина Семеновна.

– Здравствуйте, доктор, у меня всё болит, – жалостливо прохрипела я.

Доктор участливо ответила:

– Удар был сильный. У вас несколько травм и переломов. Предстоят ещё операции. Но хорошо, что цел позвоночник. – Она с состраданием смотрит на меня. – Держитесь! Все могло быть гораздо хуже.

– Да куда уже хуже? – слезы наворачиваются, и начинается истерика. – Мне надоело всё! Вся моя жизнь – это сплошной клубок неприятностей! Я хотела для себя счастья, понимаете? А что я получила? Страх, предательство, боль... Нет, лучше бы я умерла! Разве это – жизнь?

Доктор вызвала медсестру, и та вколола мне успокоительное.

Мне предстояло длительное лечение. Я не решалась по-

звонить маме, не хотела её расстраивать. Пусть лучше останется в неведении и думает, что у меня всё хорошо. Попросила доктора держать это в тайне. Репортеров ко мне не пускали, посетителей не было. Никому я здесь не нужна, еще раз убеждаюсь в этом. Ни Лиза, ни продюсер не пришли. Но кто-то оплатил мне ВИП-палату.

Приходил следователь, мягко расспрашивал о случившемся. Я написала заявление и дала координаты водителя. У меня отличная память, и я всегда запоминаю номера машин, в которые сажусь. Водителя поймали в этот же день и предъявили обвинение. Через пять дней неожиданно меня навестила Василина. Она принесла пакет сладостей и фруктов.

Оказывается, это она перевела меня в эту палату.

– Но почему? – спрашиваю я.

– Я чувствую себя виноватой. Из-за меня Эдик тебя выгнал, и ты попала в эту... переделку, – Василина сочувственно улыбнулась. – Из-за песни не сержусь, да и Эдуард присудил авторство мне.

– Я, наверно, сейчас очень плохо выгляжу? – тихо спрашиваю я.

– Ты истинная девочка, – рассмеялась Василина. – Невероятно, что сейчас тебя это волнует больше всего!

Василина мило со мной разговаривала, улыбалась и шутила. Неужели, она все-таки мне поверила? Словно в подтверждение моих мыслей, она спрашивает:

– Расскажи, как ты попала в прошлое?

Она давит на больной мозоль. Я с горечью рассказываю о Филиппе, Софье и Даниле, о размеренной жизни, которую я вела, о несбыточных мечтах, о юбилее, когда мы с Филиппом поругались, и я выбежала из дома, о сильном дожде и о монологе, который вела с Богом. Потом темнота, и я снова в 2004 году.

– Класс, – заявляет Василина. – Ты такая фантазерка, Вика, но все равно спасибо за поддержку. Ты когда описывала меня в будущем, у меня как будто второе дыхание открылось, и я сочинила новую песню.

Я улыбнулась, не став спорить. Пусть думает, что я фантазерка и ясновидящая. Главное, мы теперь с ней подруги. Когда она ушла, я достала сумку из тумбочки, а из нее вытащила медальон, который подарил мне Костя. Вглядываясь в святой лик, мысленно попросила его помочь мне. Ведь Пантелеймон – целитель. Надела медальон на шею. Вспомнила Костю. Он просил меня делать хорошие, благие дела, но я проигнорировала его. Сейчас о многом сожалею. Через час зашла доктор. Она начала меня осматривать и внезапно схватила в руки медальон.

– Откуда у тебя это? – вскрикивает она. Я пугаюсь ее реакции и быстро произношу:

– Парень подарил, Костя.

Антонина Семеновна все еще держит медальон в руках, и глаза ее наполняет глубокая печаль.

– Я была знакома с его девушкой, это не ты. Он с ней рас-

стался за месяц до... смерти, – глаза ее покраснели, губы задрожали.

– Я с Костей была знакома всего две недели, мы с ним сблизилась и были все время рядом. Вы его мама? – вспоминаю, Костя говорил, что его мать известный хирург в Москве. – Он вас очень любил, – добавляю я.

– Он ничего не сказал о своей болезни, – она отчаянно бьет кулаком по колену. – Как он мог? Разве это любовь?! Да я бы на шаг от него не отходила и была бы рядом в последние часы!

– Как раз, потому что любил, и не сказал. Не хотел, чтобы кто-то страдал, глядя на него. Он был прекрасным человеком, – грустно заканчиваю я.

Антонина Семеновна, опираясь локтем на колено, пальцами растирает лоб. Ей сейчас крайне тяжело и больно. Но ни одна слезинка так и не падает с ее глаз. Какая сильная женщина! Она встает и уходит. Я восхищенно провожаю ее взглядом. Она пришла ко мне через два дня, на лице улыбка и что-то еще... Любящий взгляд? Я почувствовала близость матери.

– Вика, на завтра я назначила тебе операцию. Она серьезная, но это твоё последнее испытание. Скоро будешь бегать.

В меня вселилась надежда, и я воспрянула духом. Не сомневалась в том, что она говорит, ведь Антонина Семеновна лучший хирург страны.

Операция прошла успешно, и через месяц я практически полностью восстановилась. За это время продала свою квартиру и машину. Все, хватит с меня Москвы, поеду домой.

Глава 14

Хабаровск, июль 2006 г. Мечты, которые казались мне когда-то недостижимыми и оттого столь привлекательными, на поверку вышли пустыми и бессмысленными. Я снова дома. Мама с большой радостью приняла известие о том, что ее блудная дочь вернулась. Жизнь только не складывается как-то. Я уже два месяца дома, а ничем не занимаюсь. Как говорится, балду пинаю. Наверное, это депрессия. В конце мая пыталась устроить случайную встречу с Филиппом, надеясь сблизиться. Сидела в его дворе на лавочке часами, выжидая, когда он выйдет. Мое сердце заколотилось, когда я увидела Филиппа. В своем черном спортивном костюме «Адидас» и кроссовках, он быстрым шагом шел в моем направлении. Я с бьющимся сердцем пошла к нему на встречу и, как будто невзначай подвернув ногу, упала возле него.

Филипп тут же подбежал.

– С Вами все в порядке? Давайте, помогу. – Он нагнулся, заглянул мне в глаза и удивился. – Вы? – затем криво усмехнулся. – Любите падать?

– Может, все-таки, поможете? Я не могу встать, – я улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой и беззащитно

протянула руку. На него это подействовало. Он тут же меня поднял за руку и облокотил на себя, обняв за талию. Я тоже со своей стороны нежно обхватила его за шею. Он посмотрел на меня загадочным взглядом, но был холоден, как ветер в Антарктиде. Как жаль, что я не могу читать его мысли. Давай, Филипп! Ты же влюбился в меня с первого взгляда! Чего же ты молчишь? Неужели, сердце у тебя не бьется так же бешено, как у меня? Неужели, тебе не хочется обнять меня крепче и поцеловать? Почему ты такой равнодушный и далекий?

Филипп молчаливо шел по указанной мной дороге, так и не сказав ни слова. На миг я представила, что не было никакого возвращения в прошлое. Я иду рядом с мужем, а дома нас ждут наши дети. Я трепетала от радости, вдыхая его родной запах и чувствуя его родное тепло.

– А по-моему, Вы уже не хромаете, – Филипп спустил меня с небес на землю и снова окинул странным взглядом. Я замешкалась и снова начала прихрамывать.

– Вот и мой подъезд, – сказала я, указывая на дверь, все еще обнимая его за шею, – как мне отблагодарить моего рыцаря? Может, зайдете на чашечку чая? – ангельским голосом, с надеждой спросила я, поднимаясь по лестнице в подъезде. На мгновение в его глазах промелькнули боль и страдание. О, Филипп. Почему у тебя такие грустные глаза? Ведь ты всегда излучал радость и позитив. Что с тобой?

– Нет, спасибо, у меня дела, – Филипп явно колебался,

что-то мучило его. Мы подошли к моей входной двери. Я взяла его за руку и с волнением прошептала:

– Запишите мой номер. Я приглашаю Вас в кино, – Он отпрянул, как от удара током, и побежал по лестнице вниз...

С тех пор у меня депрессия. Все мои мысли заняты Филиппом. Я люблю только его, и искать кого-то еще смысла нет... Как мне его добиться? Я ведь никогда не добивалась мужчин, как другие девушки. Привыкла, что, наоборот, они всегда добиваются меня. Может, он до сих пор встречается с той милой девушкой? В груди неприятно заболело, и тяжелый камень повис на сердце. О, Филипп, как мне тебя вернуть?.. Я взяла гитару. Песня Принцессы Авеню здесь весьма кстати:

Ты... не здесь,
Мне кажется, продолженья нет.
И в моей душе
Цветы осыпаются,
Мечты забываются...
Я знаю, что навсегда уже...

Остался белым снегом
На моей руке.
Капли света -
Шёпотом нежным в груди.
Не уходи,

Я же слышу, что любовь твоя
Ещё дышит –
Ты не обманешь себя.
Знаю, знаю, что любишь меня,
Ты меня...

Дай... мне шанс
Забыть тебя,
Стань невидимым,
Забери мечты
И воспоминания.
Они без твоей любви
Всю душу лишь мне изранили...

Остался белым снегом
На моей руке.
Капли света -
Шёпотом нежным в груди.
Не уходи,
Я же слышу, что любовь твоя
Ещё дышит –
Ты не обманешь себя.
Знаю, знаю, что любишь меня,
Ты меня...

С Крис мы встречаемся редко. Она вся погрузилась в ра-

боту, а больше близких друзей у меня нет. Мама всячески старается мне угодить, возится со мной, как с маленькой, что раздражает еще больше.

Месяц назад я завела любовную связь с предпринимателем Павлом. Он директор крупной строительной фирмы. Каждый день клянется мне в любви и поет дифирамбы. Конечно, это льстит моему самолюбию, но что-то серьезное я с ним не планирую. Он неплохой любовник, раскрепощенный и даже немного жесткий, с привлекательной внешностью: высокий лоб, широко расставленные круглые глаза, густые брови, жесткая щетина, что говорит о его жгучем темпераменте, узкие губы. Одевается он только в дорогих салонах и ухаживает за собой. Но не испытываю я к нему никаких эмоций и чувств, пустота внутри – и только. В моем гардеробе это всего лишь красивые дорогие туфли, которые жмут, а выкинуть жалко. Он мне нужен был, как отдушина какая-то, что ли. Я подумывала расстаться с ним окончательно, так как Пашка выдумал себе Бог весть что: собрался жениться на мне.

Хлопнула входная дверь. Мама с работы пришла.

– Доча, привет, тебе письмо! – крикнула она. Почему-то сердце испуганно забилося: какое еще письмо?

Я вышла, поцеловала маму и взяла конверт. И снова – без обратного адреса. Я в нетерпении раскрыла его и увидела короткую записку.

«Любовь моя, самая прекрасная девушка на свете, предел моих желаний! Ты разобьешь мне сердце, если не придешь сегодня на Затон. Буду ждать тебя в десять вечера у последнего мыса! Мне нужно, наконец, открыться!»

Я прижала записку к сердцу. О, Филипп, ты все же не сможешь уйти от судьбы! Мы предназначены друг для друга! Затон был излюбленным местом наших свиданий. Тенистый крутой берег, мало народу, песчаный пляж и река. От радости я пустилась в дикий пляс, чем-то напоминающий танец дикого племени. Времени уже восемь. Нужно собраться и выглянуть на все сто! Час я собиралась, и вскоре, накрашенная и наряженная, выехала на Затон. После двадцати минут пути, свернула на гравийную дорогу направо, которая привела меня к пляжу. Он сказал у последнего мыса. По узкой песчаной дороге я поехала дальше, находясь между двумя обрывами. Вскоре доехала до тупика и вышла. Уже стемнело, и стало как-то не по себе. Я спустилась к реке, но никого не обнаружила. Чья-то лодка, привязана к камню. Неожиданно что-то твердое уперлось мне в спину.

– Спокойно, без резких движений. Иди в лодку, – тихо зазвучал голос сзади. – Не то, получишь пулю в спину.

Я послушно шла, хотя ноги от страха подкашивались. Вот я глупая. Совсем страх потеряла из-за любви к Филиппу. Правильно говорят: девушки слышат лишь то, что хотят слышать. Я тихо спросила:

– Кто Вы? Зачем Вы это делаете? – но ответом мне была

лишь гнетущая тишина.

Села в лодку и посмотрела на него. Человек в черном, на лице – маска. Он развязал лодку, залез в нее и принялся грести. – Я могу Вам заплатить. Много, – попыталась я его подкупить.

И тут мне пришло в голову, что всегда стараюсь найти выход в деньгах: с Костей, с таксистом, сейчас... Давно пора осознать, что деньги не решают всех проблем, а наоборот, их создают. Он молча работал веслами.

– Почему Вы хотите меня убить? Что я сделала? – я дрожала и испуганно смотрела на пистолет, который он держал в правой руке вместе с веслом. Все, это конец. Этот псих застрелит меня. Я не выдержала и заплакала. Он не обращал внимания. На берегу никого нет, помощи ждать неоткуда. Совсем стемнело. Есть вариант нырнуть под воду, но успею ли? Мы доплыли до середины реки, и он остановился. Злоумышленник снял маску, я взгляделась в лицо, и зажала рот рукой. Не может быть!..

– Гера?! Но как? Ты же... Тебя же... – События той страшной ночи пронеслись перед глазами. Это охранник того офисного здания... Но в него выстрелили в упор! И я была уверена, что он умер! Почему была так уверена?..

– Убили? Нет, как видишь, я жив, Аня. Или Вика? Только жив ненадолго. Лучше бы я умер тогда. Врачи долго боролись за мою жизнь, сделали несколько операций. На ноги поставили, но долгую жизнь не обещают. А знаешь, каково

это – жить и ждать своей смерти? Я ведь совсем молодой, не построил дом, не посадил дерево, не вырастил сына. Ты лишила меня всего! Ты и твои дружки, которых ты убила из-за денег!

– Нет! – крикнула я. – Это все не так! Гера, послушай! Я хотела спасти тебе жизнь!

– Заткнись! – Гера влепил мне пощечину. Я вскрикнула и приложила ладонь к щеке, которая вмиг запылала. – Сколько в тебе гнили и дерьма! Ты думала, тебе все сойдет с рук? Я решил не говорить о тебе милиции, решил сам тебе отомстить. Когда я сидел у тебя в машине, прочитал доверенность на управление автомобилем, твое имя и фамилию на ней. Понял, что здесь что-то не чисто, и машина у тебя была без номеров. Когда вышел тот мудака, я хотел выяснить, в чем дело, – он сморщился, воспоминания отражались болью на его лице. – Но он выстрелил, гад. Я помню, у него в руках было два чемодана. Потом они исчезли. А в офисе нашли еще три трупа. Видимо, ты договорилась со своим дружкой, который в меня стрелял, что он положит своих сообщников, чтобы не делиться деньгами.

– Все не так! Ну, послушай же меня! – слезы градом капались из глаз. Какие несправедливые обвинения! – Ты все неправильно понял!

– В Одессе и Москве это я покушался на твою жизнь. Но оба раза тебе повезло, – не слушая меня, продолжал он. – Сейчас, наконец-то, доведем дело до конца. Ты можешь по-

каяться в грехах и помолиться на прощанье. У тебя одна минута, – криво усмехнулся он и посмотрел на часы. В отчаянии я смотрела ему в глаза. Твердый, холодный взгляд... Пощады мне не будет, его не разубедить... Пришла расплата. Я закрыла глаза, слезы обжигали щеки. Я не знаю молитв. Господи, прости меня, грешную, спаси и сохрани. Надеюсь, что не буду мучиться: выстрел в сердце, и дело с концом. Я почувствовала, как его сильные руки выталкивают меня за борт. Машинально набираю полные легкие воздуха. Что? Он не будет стрелять? В следующее мгновение я под водой, он крепко держит меня за волосы и не дает всплыть. Пытаюсь сопротивляться, но это бесполезно.

Что ж, Гера, ты не учел одного. В воде я чувствую себя не хуже, чем на земле, не зря семь лет занималась профессиональным плаванием. Под водой могу продержаться минуты три. Я еще сделала пару резких движений и притворно замерла, бессильно опустив руки и ноги. Он отпустил меня, и я всплыла попой кверху. Меня понесло течением. Прошла минута. И что дальше? Нужно попытаться быстро уплыть. Он начнет палить, но в такой темноте есть шанс выжить. Прошла еще минута. Все, больше не могу! Воздуха! Внезапно я слышу выстрел и резко переворачиваюсь, судорожно вдыхая воздух.

Лодка в десяти метрах от меня, Геры не видно. Приглядевшись, вижу свисающую из лодки руку. Боже, он застрелил себя!.. Сил оставалось мало, я кролем поплыла до берега, со-

вершая размашистые гребки левой и правой рукой попеременно. Кроль неспроста считается наиболее быстрым способом плавания. Спустя некоторое время, я добралась до берега. Посмотрела в сторону лодки, сняла с себя вещи и начала выжимать. От холода у меня уже начались судороги. Я побежала к машине и внутри включила печку на всю мощность. Пока грелась, думала о случившемся. Несмотря на то, что Гера хотел меня убить, мне было жаль его. Люди от страха и от безвыходности совершают безрассудные поступки. Хорошо, что хоть в милицию меня не сдал... Это же надо, в то время, когда он меня целовал, он читал доверенность! Хитер лис. Был... Я грустно посмотрела в окно. Столько событий произошло за последнее время. Я устала от адреналина. Хочется мира и спокойствия. Кто-то внутри меня шепчет: разве раньше ты не хотела новых ощущений и ярких событий?.. Да, но кто ж знал, что таких... Завожу машину и еду домой.

Еле заснув, я проснулась лишь к обеду следующего дня. Разбудил меня настойчивый мобильный звонок. Засунула руку под подушку и достала телефон. На экране высветилось имя Паша. Я еще не отошла от событий вчерашней ночи, и разговаривать с кем-либо, а особенно с этим занудой, мне не хотелось. Но он потрясал своей настойчивостью. Не выдержав, на двенадцатый звонок, я взяла трубку и рявкнула:

– Да!

– Привет, солнышко! Ты не занята? – услышала я влюб-

ленный голос Паши.

– Если человек не берет трубку, как ты думаешь? Занят он, или нет? – грубо спросила я.

– Не сердись, милая. Я на пару слов. Давай сегодня встретимся на площади Ленина в пять вечера. У меня для тебя сюрприз, – мурлыкал в трубку этот кот. На несколько секунд я задумалась. Необходимо порвать наши отношения.

– Хорошо, в пять на площади, – проворчала я и, не дождавись ответа, выключила телефон.

Придя на условленное место, Павла я не обнаружила, хотя пришла на двадцать минут позже. Стояла прекрасная летняя погода, благоухали цветы, радовали глаз зеленые газоны и веселые фонтаны. Теплый ветер развеивал локоны моих черных волос. Сегодня я одела облегающие белые брюки, зеленую полупрозрачную блузу со стразами и любимые красные туфли на шпильках. Вскоре появилась шикарная белая карета, запряженная тремя белыми конями. Кучер остановился около меня. Из кареты вышел элегантный Павел в шикарном костюме и галантно открыл мне дверь в карету. Я приятно удивилась, улыбнулась и, подняв голову, как королева, гордо села в нее.

Мы объехали весь центр города, пили шампанское, пели песни, целовались и смеялись. Это то, что мне надо было! Захмелев, я подумала, что он не такая уж и плохая партия в мужья. Потом мы поехали в самый дорогой ресторан нашего города, «Интурист», где Паша заранее заказал столик на на-

ше имя. Да, это впечатляет: не скупой мужик, как некоторые. В ресторане мы снова пили шампанское. Немерено. Столько, что соображать к концу вечера уже удавалось с трудом.

– Паш, все, домой, мне плохо, – я едва ворочала языком.

– Подожди, дорогая, у меня для тебя еще один сюрприз! – он подал знак администратору, и началась непонятная суэта. Честно говоря, мне уже было не до сюрпризов, зал плыл у меня перед глазами, но я старалась держаться. На сцену вышел администратор и объявил:

– Дорогие наши гости, минуту внимания. Сегодня и сейчас, в этом зале произойдет бракосочетание двух любящих сердец! Жених и невеста, встаньте!

Я пьяно оглянулась вокруг, как вдруг Паша подхватил меня, поднял и шепнул: – Дорогая, выходи за меня. Что-то говорить не было сил, да и зал аплодировал так, что у меня уши заложило. Я лишь недоуменно посмотрела на него. Следом на сцену вышла улыбающаяся женщина с папочкой в руках и торжественно произнесла:

– Сегодня, 13 июля 2007 года, в этом зале вступают в брак Виктория и Павел. Уважаемые невеста и жених! Сегодня – самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни. Создание семьи – это начало доброго союза двух любящих сердец. С этого дня вы пойдёте по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения. Создавая семью, вы добровольно принимаете на себя великий долг друг перед другом и перед будущим ваших детей. Пе-

ред началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами, создать семью, искренним, взаимным и свободным.

– Прошу ответить Вас, Жених!

– Да – громко ответил Паша.

– Прошу ответить Вас, Невеста!

Все казалось каким-то сном, кружилась и дико болела голова. Еле выговаривая слова, я тихо спросила Пашу: – Что, черт возьми, происходит?

– Просто скажи да, – как-то жестко и нервно ответил он и сжал до боли мою руку. Я посмотрела в его глаза, взгляд у него был умоляющий, все гости с умилением и восторгом смотрели на нас. Я посмотрела на регистраторшу, язык не слушался, я кивнула, затем выдохнула: – Да.

– Прошу вас в знак любви и преданности друг другу обменяться обручальными кольцами.

Паша достал коробочку, достал обручальное кольцо и надел на мой безымянный палец. Я удивленно посмотрела на кольцо. Самое обычное, тонкое золотое кольцо.

Свое кольцо он надел себе сам и довольно засиял.

– В полном соответствии с Семейным Кодексом Российской Федерации, ваш брак регистрируется. Объявляю вас мужем и женой. Ваш брак законный. Поздравьте друг друга.

Паша обернулся ко мне счастливый, обнял и поцеловал. Я чувствовала, как он напряжен. Боялся отказа, гад, хотя в такой ситуации это было практически невозможно. Ничего,

я ему завтра устрою! Зал шумно аплодировал и свистел. Паша, оторвавшись от меня, крикнул:

– Всем шампанского! – Зал загудел пуще прежнего, все выкрикивали поздравления. Я села, взяла в руки бокал и допила остатки шампанского. Не знаю, то ли с радости, то ли с горя. Этот бокал оказался лишним, весь зал закружился, словно карусель. Я смутно увидела подходящих к нам двух женщин. Одна из них, регистраторша, улыбаясь, положила передо мной и Пашей какие-то документы и попросила расписаться. Паша быстро все подписал, дал мне ручку и сказал:

– Подписывай свидетельство о браке.

Я хихикнула и сболтнула, хлопая ладонью по бумагам:

– Паш, я не могу подписать! Я уже замужем!

Паша натянуто улыбнулся женщинам и сказал мне в ухо:

– Вика, не дури, подписывай! Свидетельство о браке! Ну же, соберись!

Я взглянула на лист, все буквы расплылись. Да что-то о браке. Подписала. Паша поднял лист и показал на еще один документ.

– И здесь.

Затем еще один документ. Я подписала.

– Умница, я тебя люблю.

Паша поблагодарил женщин, и те отправились восвояси. Он аккуратно собрал документы, затем взял меня на руки, и мы вышли из ресторана. Я, ничего не соображая, громко напевала:

– Были белее снега

Свадебные цветы.

Мне улыбался ты,

Это было, как во сне...

Филипп, не тряси меня так! О, как хорошо... Филипп, я тебя люблю, сильно-сильно!

Проснулась я на следующий день около часу дня. В огромной кровати, в съемной квартире Паши. В его коттедже, как он говорит, идет ремонт, поэтому пока он живет в этой скромной квартире, где мы с ним и встречались. Ужасно болела голова. Такое ощущение, что она сейчас расколется на две половины. События вчерашнего дня плавно перемещались в моей памяти. Вот гаденыш, как только я повелась на его провокацию? Да была бы я трезвая, послала бы его, куда подальше. Моему возмущению просто нет предела! Вика, ну зачем надо было так пить? Так ведь это он и подливал мне постоянно!.. Что же получается? Я замужем? Вроде бы, все вчера было романтично, и даже эта свадьба в ресторане. Но какое-то плохое предчувствие не давало мне покоя. Да еще дата свадьбы – 13 мая! Говорят, кто женится в мае, всю жизнь маяться будет. Плюс несчастливая цифра – тринадцать. Да нет, Павел – человек состоятельный, внимательный и любит меня. Что же, переедем в коттедж, попробую новую жизнь, буду позволять себя любить. Кстати, а где он? Зазвонил телефон, я схватилась за голову, но все же взяла

мобильный.

– Але, Викуль, привет, – послышался радостный голос Крис. – Ты была права! Меня повысили! Меня поставили начальником по развитию. Все, как ты и говорила!

Представляешь? Начальник! Я покажу им, где раки зимуют! Ведь я всё своим трудом, понимаешь? Без связей, без постели! Вик, ты меня слышишь? – она тараторила, как никогда быстро, чувствовалось ее возбуждение и радость.

– Так ты мне слова не даешь вставить! – я улыбнулась. – Конечно, я была права. Больше тебе скажу, не за горами тебя ждет еще лучшее место. Ты умница, все сама заслужила. Вдруг, вспомнив ее через шесть лет, я неожиданно добавила – Дорогая, не забывай только про личную жизнь.

Кристина рассмеялась:

– Как раз про нее я хочу забыть! Успеется! Карьера на первом месте! Вот стану министром, выйду замуж и нарожаю кучу детей!

«Будет уже поздно», – подумала я. При слове «дети» у меня снова защемило в груди...

– Крис, ты помнишь, я тебе говорила про Волкова?

– Да, помню, он подлец, каких свет не видывал. – С улыбкой процитировала меня Крис. – Я не буду с ним связываться!

– И еще, у меня к тебе огромная просьба, прими восьмого марта предложение от Балонского, поужинать вместе. И еще раз, никогда не делай аборт, тебе нельзя.

– Хорошо, мой гуру, как скажешь. Только кто такой Балонский?

– Увидишь. Слушай, Крис, я замуж вчера вышла.

– Не смешно, Вик, – поменяла тон голоса Крис.

– А я не шучу. Перезвоню тебе.

Открылась входная дверь. Приняв воинственный вид и надув губы, ждала его появления. Паша зашел очень довольный.

– Привет, жена. Головка не болит?

Я накинулась на него:

– Что за цирк ты вчера устроил? Заранее мое мнение нельзя было узнать? Напоил меня! Как же мои родные и близкие? Ты не подумал?! – последние слова я уже кричала. Тут произошло то, чего я никак не ожидала. Паша отвесил мне такую оплеуху, что я отлетела в угол комнаты. У него так жестоко загорелись глаза, что я испугалась.

– Кажется, вчера ты не исполнила свой супружеский долг. – Он накинулся на меня, сорвал с меня сорочку, стал бить по щекам, не сильно, скорее издевательски, затем больно схватил за волосы. Я закричала, он быстро закрыл мне рот, расстегнул ширинку на брюках и грубо вошел в меня. Я не могла пошевелиться, он крепко держал меня за волосы и жестко имел меня, как проститутку. От боли и унижения у меня выступили слезы. Никто и никогда со мной так не обращался. Когда он, наконец, закончил, оттолкнул меня и сказал:

– Теперь будешь ублажать меня каждый день. Матросила меня, думала поиграть со мной и выбросить, как ненужную вещь? Не получилось, детка. Теперь играем по моим правилам.

– Ты с ума сошел. Да я сегодня же подам на развод и милицию сейчас вызову! – Я с широко раскрытыми глазами смотрела на него, не веря в происходящее. Тело болело от его грубых сжиманий, лицо пылало.

В ответ прилетела еще одна звонкая пощечина.

– Дура. Ты вчера подписала брачный контракт, заверенный нотариусом, она тоже вчера была на свадьбе, пришлось заплатить прилично. По этому контракту в случае, если один из супругов подает на развод, все общее имущество переходит к другому супругу, который счастлив в этом браке, то есть ко мне. Кстати, ты в качестве свадебного подарка выписала мне доверенность на управление твоими счетами, теперь я полноправно разделяю все твои деньги. А ты что думала, что я по уши влюблен в тебя? – он рассмеялся. – Да я как увидел тебя, так сразу и узнал. Ведь это ты выиграла недавно десять миллионов. Нельзя было упустить этот шанс. И так как ты по-хорошему жениться не хотела, пришлось пойти на хитрость. Ты оказалась не такая умная, как представлялось сначала. Достаточно было создать иллюзию, что за тобой ухаживает успешный, уважаемый романтик, соряющий деньгами. Мне это далось непросто, конечно, но, как видишь, того стоило. Теперь все свои издержки пере-

крою с лихвой. Что ты, курица, можешь сделать с деньгами? А я бизнес построю.

Еще, кстати, по брачному контракту мы должны жить вместе. В случае если вздумаешь уйти, это будет равносильно подаче на развод, останешься ни с чем. Также насчет измен, если я тебя здесь с кем-то застукаю, автоматически суд будет в мою пользу.

– Я не верю своим ушам, да я в суд на тебя подам! Это не законно! Я не заключала никаких договоров! Ты меня принудил!

Паша снова рассмеялся:

– Почему же, все законно, я уже был в банке, мне, как VIP-клиенту, выдали платиновую карту. Кстати, денег оказалось намного больше, чем я ожидал. Но ты не волнуйся, я их уже на свои реквизиты перевел, не достанешь! А насчет «заставил» – не говори ерунды. Весь ресторан вчера наблюдал, как двое влюбленных женились по обоюдному согласию. Ты сказала «да», забыла? И подписывать документы тебя никто не заставлял. У меня как минимум тридцать независимых свидетелей.

– Козел! Дай мне пройти! Я сейчас милицию вызову!

– И что ты им скажешь? Что муж секса хочет?

– Ты, скунс вонючий, микроб, ничтожество!

Кровь закипела во мне, я сжала кулак и замахнулась ударить его, но Паша среагировал быстро. Он поймал меня за запястья и сжал до боли.

– Кстати, насчет секса, – прошептал он.

Я попыталась вырваться, но этим его только раззадорила. Он часто задышал, перевернул меня и снова грубо вошел сзади, при этом делая мне больно, выворачивая руки.

– Если будешь орать, воткну кляп и буду бить сильнее.

На этот раз он мучил меня долго, меняя позиции и удовлетворяя все свои животные похоти. Наконец, он откинул меня и лег на диван, оставив меня лежать на полу. От боли я не могла даже встать, лишь тихо стонала и лихорадочно думала о побеге. Паша прошел в ванную. Так, он завладел моими деньгами, а они немаленькие, девятнадцать миллионов: десять выигранных миллионов, остатки от украденных банковских денег, плюс я продала квартиру в Москве, да и были кое-какие сбережения от моих выигрышей на ставках. Я не могу подать на развод, я даже не могу уйти отсюда! Что за бред! Это какой-то кошмарный сон. Это могло произойти с кем угодно, только не со мной! Мне срочно нужно что-то придумать, этому подонку не должно все сойти с рук. Я встала, дрожащими руками взяла телефон и через некоторое время положила назад. Пока не знаю, кому звонить.

– Вот и правильно, – сзади подошел Паша и обнял меня. – Будешь хорошей девочкой, будешь слушать меня, и все будет хорошо.

– Зачем тебе это нужно? Ты же состоятельный человек, – с ненавистью спросила я. Он лишь улыбнулся и жестко сказал:

– Не лезь в мои дела. Твое дело – хозяйство вести и ноги

передо мной раздвигать, когда я захочу. Если ты, конечно, не хочешь подать на развод. Меня устраивают оба варианта. И не надо прикидываться жертвой, все вы, бабы, любите силу. Будешь меня слушать – будет тебе хорошо, понятно? Никогда меня не спрашивай, куда я пошел и где нахожусь, а вот тебе нужно будет отчитываться за каждый шаг. Приду вечером, хочу видеть тебя в сексуальном белье, больше ничего не надевай. На, кстати, копии документов, почитай. – Он кинул мне папку с бумагами, затем оделся и ушел. Я до сих пор не верила в происходящее. Схватив папку, вытащила копии и принялась читать. Так, доверенность:

Хабаровск 12 июля 2007

Я, Жарская Виктория Вячеславовна, 15 октября 1983 года рождения, (паспорт 08 05 123456 выдан ОУФМС России по Хабаровскому Краю в Индустриальном районе г. Хабаровска 16 октября 2001 года), зарегистрированная в Хабаровске, улица Индустриальная, дом 1, квартира 14, уполномочиваю Деревянкина Павла Григорьевича, 19 мая 1980 года рождения, (паспорт 40 00 654321 выдан 2 ОМ Николаевского района г. Николаевска – на – Амуре 16 октября 2002 года), зарегистрированного в г. Николаевск – на – Амуре, ул. Ленина, дом 7, квартира 2,

– Управлять и распоряжаться всем моим имуществом, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, для чего предоставляю право заключать от моего имени все раз-

решенные законом сделки.

– Пользоваться и распоряжаться принадлежащими мне денежными средствами, хранящимися на любых счетах, открытых на моем имя в любых банках и иных кредитных учреждениях России, в том числе денежными средствами, хранящимися на счетах в банке ОАО «Сбербанк России», с правом получения денежных средств со счета, открытия счета, внесения денежных средств на счет, проведения всех законных операций со счетом, в том числе безналичных, закрытия счета, получения справок по счетам, выписок и любой другой информации о движении денежных средств по счету, получения компенсаций, перерасчетов, новых сберегательных карт.

Внизу подпись и печать нотариуса, моя подпись.

Я взялась читать брачный договор:

Брачный Договор № 123521

Город Хабаровск, 12 июля 2007

Мы, нижеподписавшиеся, гражданин Деревянкин Павел Григорьевич, проживающий по адресу: г. Николаевск-на-Амуре, ул. Ленина, д.7, кв. 2,

и гражданка Жарская Виктория Вячеславовна, проживающая по адресу: г. Хабаровск, ул. Индустриальная, д.1, кв. 14, намеревающиеся вступить в брак, именуемые в дальнейшем "Супруги", заключили настоящий договор о следующем:

1. Общие положения

1. Имущество, нажитое супругами во время брака, является в период брака общей совместной собственностью супругов, включая имущество, лично принадлежавшее по закону супругам до брака.

1.1. В случае расторжения брака по инициативе гр-ки Жарской Викторией Вячеславовны, либо в результате ее недостойного поведения (супружеской измены, пьянства, хулиганских действий и т.п.), имущество, нажитое во время брака и относящееся к общей совместной собственности супругов, считается с момента расторжения брака собственностью гр-на Дервянкина Павла Григорьевича.

Дальше я читать не стала, строки поплыли у меня из-за слез, которые лились ручьем. Сволочь. Но это же фальсификация! На документах стоит дата 12 мая, за день до свадьбы, значит это уже незаконные документы. Нотариус подкуплен. Я должна подать в суд. Начнутся проверки, есть шанс выиграть дело, но... У меня обязательно поинтересуются, откуда взялись у меня такие деньги. Так, где-то у меня была визитка Паши. Я поискала и вскоре нашла. Строительная фирма «Новый Атлант». Я зашла в Гугл и стала усердно искать, но данной компании я в поиске не находила, не только в нашем городе, но и по всей стране. Гад, никакой он не директор. Я решила позвонить Полковнику.

– Привет, солнце, ты куда пропала? Телефон не берешь.

– Привет, Миш. Нужна твоя помощь. Можешь пробить одного человечка?

– Будет сделано, дорогая. Доклад можно вечером привезти лично в руки? – Я на мгновение задумалась. Может, встать под защиту Миши? Он защитит меня. Что я от этого выиграю? Скомпрометирую его и себя. Да и верить мужчинам я перестала. Вдруг, слова Миши тоже пустой звук, просто использует меня, как любовницу. Ладно, оставим пока.

– Нет, дорогой, я плохо себя чувствую, не могу встать, сам понимаешь, эти дни... Я назвала фамилию Паши.

– Ок, я позвоню – недовольно проворчал он и положил трубку. Минуты казались вечностью. Я размышляла. Если он мошенник, то должен быть в базе данных милиции, и тогда легче будет доказать его аферу. Через час Миша перезвонил.

– Деревянкин Павел Григорьевич, нигде не работает, нигде не числится, уголовных дел за ним нет, собственности своей нет, бомж какой-то. У тебя какие-то проблемы? – настороженно спросил он. – Ты мне можешь сказать, что происходит? – в его голосе послышались приказные нотки. Я не знала, что мне сказать, поэтому попрощалась и пообещала перезвонить. Я закрыла лицо руками, но плакать больше не было сил. Вот почему он сказал, что ему нелегко было разыгрывать передо мной богатство... Сволочь!

Думай, Вика, думай.

Прошел день, второй и неделя, я не смогла ничего при-

думать. Паша показал свое истинное лицо, он был агрессивным, аморальным и жестоким подонком. Мерзкий шакал. Со мной обращался, как со своей собственностью. Я не могла так запросто отдать свои деньги. Хотя... ведь они заработаны нечестно. Да что говорить, я их украла. Сначала украла банковские деньги, затем нечестным путем взяла десять миллионов на передаче, ведомая лишь своим тщеславием и звездной болезнью. Деньги не принесли мне счастья, а наоборот, легли на меня тяжелым грузом. С момента их появления я потеряла душевный покой. Перестала спокойно спать по ночам, вздрагивая от каждого шороха, преследуемая мыслями: вдруг меня уже ищут, вдруг меня кто-то видел? А если окружающие увидят, что живу не по средствам – не подсчитают ли, не догадаются, не донесут? А сколько я пережила из-за этих денег! Предательство отца, шантаж Кости, покушения Геры... А теперь вот еще вышла замуж за маньяка. Все, черт с ним, завтра же пойду и подам на развод, а там посмотрим. Выпив приличную порцию коньяка, я позвонила Мише. По его тону я поняла, что он обижен.

– Да, Вика.

– Милый, привет. Мне нужна твоя помощь, я в беде.

– Я слушаю тебя – начальственный тон полковника. Я ему рассказала все. Слушая себя, понимала, что все это больше похоже на бред, но мне больше неоткуда ждать помощи. Михаил выслушав меня, с минуту молчал. Наконец, грозно произнес: – А ты не говорила мне, что с кем-то встречаешься.

Не ожидал. Ты хочешь сказать, что не знала о регистрации и о брачном контракте?

– Нет. Ты мне веришь?

– Интересный вопрос, – Он помолчал еще с минуту и сухо произнес. – Я все проверю и позвоню. Первый раз за все время зазвучали эти властные нотки. Его голос был жестким и холодным, как сталь. Я обреченно положила мобильный на стол и стала собираться к маме. Приехав домой, застала маму, пьющую пустырник. Она обеспокоенно подбежала ко мне и начала плакать.

– Доча, что случилось? Я три дня дозвониться до тебя не могу! Что за история с замужеством?

– Мам, успокойся, мне и так плохо. Не переживай, я разберусь.

Мы поплакали вместе еще немного и разошлись по комнатам.

Разбудил меня настойчивый звонок в дверь, затем громкий стук. Я испуганно села на кровать и слушала, как мама с кем-то ругается через дверь. Я встала и подошла. Проснулись соседи и начали жаловаться, но Паше было все равно. Он тарабанил в дверь и требовал, чтобы я немедленно вышла к нему. Я крикнула:

– Уходи! Я завтра пойду подавать на развод! Подавись своими гребаными деньгами!

За дверью возникла пауза, и уже другим тоном Паша произнес:

– Солнышко, давай поедem домой и все обсудим. Я не уеду отсюда без тебя. Обещаю, я тебя не трону.

Мама отрицательно качала головой.

– Не вздумай, я тебя никуда не пущу.

– Сейчас выйду! – устало крикнула я, понимая, что он до утра может тарабанить. Он обещал меня не трогать, я все популярно ему объясню и поеду домой. Ему ведь деньги нужны, а мне уже всё равно на них. Мама, держась за сердце, со слезами провожала меня, уговаривая остаться. Но я ушла, намереваясь поставить Пашу на место и решить свою проблему самой. Однако дома он даже не стал меня слушать. Начал бить руками и ногами, так, что на минуту я даже перестала дышать. Корчилась от боли и умоляла его остановиться. Смеясь, он резко раздвинул мне ноги и начал жестко насиловать, как бешеный зверь. Я потеряла сознание. Проснулась утром. Я лежала в кровати, рядом сопел этот зверь. Тело болело, я застонала. Паша открыл глаза.

– Доброе утро, любимая, как спалось? Он положил руку на мою грудь и, нежно поглаживая, опускался ниже.

– Ты больной, – простонала я. – Я сниму побои, тебя накажут.

– Дурочка, максимум – с меня возьмут административный штраф, погрозят пальчиком и все. Ты моя жена, забыла? Да и деньги творят чудеса. Ты сама вчера напросилась. Я же говорил, чтобы ты отчитывалась за каждый свой шаг. Мне нужно знать, где ты и с кем.

– Я сегодня пойду подам на развод и сниму побои. Не буду с тобой жить, хоть убей. Можешь забирать мои деньги.

– Я не хочу развода, – твёрдо заявил он – Ты моя, понятно? Ты красивая и умная, родишь мне сына, будешь вести хозяйство.

– Ты сошел с ума! – в отчаянии я кричала. – Да лучше сдохнуть!

Глаза у него яростно заблестели, и он больно сжал мое горло.

– Ты моя, поняла? Вздумаешь подавать на развод – пеняй на себя. Ты же не хочешь, чтобы с твоей мамочкой что-нибудь случилось? Она у тебя такая хорошая...

Такого поворота событий я не ожидала. От удушья не могла вымолвить ни слова, и даже дышать. Когда он убрал руку, я закашлялась.

– Не смей трогать мою мать! – Еле выдавила я.

Паша рассмеялся:

– Все зависит от тебя. Поверь, меня ничто не остановит. Либо ты моя, либо попрощайся с мамочкой.

Я смотрела в его безумные глаза отчаянно и безнадежно. Что мне делать? Куда я попала со своими связями? Куда завели меня эти деньги? Они приносят одни несчастья!.. Он взял меня за подбородок и сказал:

– Я вижу, ты приняла правильное решение, умница. Теперь сделай мужу приятное.

Он схватил меня за волосы и притянул к паху. Затем удо-

влетворительно на меня посмотрел и прохрипел:

– Мне с тобой так хорошо...

Глава 15

Проснулась я разбитая и опустошенная. Боль во всем теле, как будто меня танк переехал. За что мне все это? Наверное, в наказание за все мои грехи. Что я могу сделать? Хочу вернуться в свою семью. Хочу жить, как раньше: спокойно и размеренно. Хочу каждый день целовать своих детей, готовить мужу завтрак, слушать детские капризы и смотреть сериалы. Неужели, этого никогда уже не будет? Мне придется жить с этим маньяком... Чувствую себя мухой, неожиданно попавшей в паутину. Руки и ноги – в сетях страшного паука, который собирает тебя съесть. Слеза скатилась по щеке. Теперь я чувствую себя его вещью, которую даже не повесили аккуратно за плечики, а скомкали несколько раз и бросили к другим вещам. Самое ужасное, что ни с кем не могу поделиться своим несчастьем. Ни с кем. Столько времени уже держу в себе эту тайну о возвращении в прошлое. Кому сказать? Никто ведь не поверит, примут за сумасшедшую.

А она уже поперек горла стоит, эта тайна. Так хочется излить душу. Это невыносимо, держать все в себе. Господи, что делать? Я полностью раскаиваюсь в своих деяниях, я... Да, конечно! Как я раньше об этом не подумала! Мне нужно сходить в церковь, помолиться! После крещения в восемь

лет я ни разу не была в церкви, и совсем не знаю, что там нужно делать... Там узнаю. На скорую руку собравшись, я выбежала из дома, даже не позавтракав. Необходимо успеть, пока не вернулся этот садист. Я доехала до площади Славы и зашла в Спасо-Преображенский собор. Этот храм является третьим по высоте храмом России после церкви в Москве и Питере.

В нос ударил запах ладана и елейного масла. На секунду я застыла, вдыхая духовный аромат. Мне вдруг стало так спокойно и безмятежно. Я с восхищением оглядывалась. Огромный зал с высоким потолком, колонны, множество икон и зажженных свечек. Что мне делать? Слева от себя вижу церковную лавочку, в ней пожилая женщина продает священные вещи.

Подхожу и начинаю блуждать по ним глазами, сама не зная, что мне нужно.

– Вам помочь? Вы, наверняка, в церкви первый раз, – осведомилась седовласая женщина.

Я удивленно на нее посмотрела.

– Почему Вы так решили? Я... я выбираю книгу, – начала оправдываться я.

– Дитя мое, в церковь нельзя входить с непокрытой головой, на звонких каблуках и в обтягивающих джинсах. А про твой вырез я даже говорить боюсь. Иди сюда, – она вышла из-за прилавка, прошла несколько метров. На подставке стояла коробка с женскими платками. Она накинула один мне

на голову и один на декольте.

– Иди сюда, – снова позвала она и подошла к лавочке. – Вот, возьми, – она сунула мне в руку свечу и молитвенник. – Подойди к Николаю Чудотворцу и молись. Он поможет тебе, моя хорошая. В пять часов начнется служба, а потом ты можешь сходить на исповедь к батюшке.

– Спасибо! – поблагодарила я и подошла к иконе Николая Чудотворца. Перекрестилась и зажгла свечу. Сложив ладони вместе, мысленно умоляю святого Николая помочь мне в трудной жизненной ситуации. Я зашла в тупик и не знаю, как выбраться. Да, я ни разу не ходила в церковь, много грешила, но я все осознала, прошу, умоляю, верните меня к детям! Читая молитвенник, не сдерживаю слез:

“О, Всеблагий отче Николае, пастырю и учителю всех верою притекающих к твоему заступлению и теплою молитвою тебе призывающих! Помилуй мя, умом, словом и делом во тьме грехов суща, избави мя гнева Божия и вечныя казни, яко да твоим ходатайством и помощью. Своим же милосердием и благодатию Христос Бог тихое и безгрешное житие даст ми пожити в веце сем и избавит мя шуияго стояния, сподобит же деснаго со всеми святыми. Аминь.”

Исповедь – это то, что мне нужно. Священник привык к откровениям, его ничем не удивишь, к нему приходят убийцы и проститутки, и он всем прощает их грехи. Я тешила себя надеждой, что после причастия вернусь в будущее и забуду все, как кошмарный сон. Я дождалась службы. Прошло

песнопение, и люди выстроились в ряд к батюшке. Боже, это будет здесь? В фильмах это происходит где-то за ширмой или в кабинете. Здесь, на глазах у всего народа, я буду исповедаться?

Люди стоят на некотором расстоянии, что не позволяет им слышать исповедь. Батюшка стоит перед высоким столиком с наклонной верхней поверхностью. Очередь быстро сокращается, вот уже должна идти следующая. На нее искоса смотрят две прихожанки, неодобрительно покачивая головой. Мол, вот бесстыжая, в такой одежде пришла в церковь... Не судите, да не судимы будете. Волнуюсь, мысли путаются. Пытаюсь мысленно построить свой монолог. Все, моя очередь...

Я подхожу к батюшке и теряю дар речи. Он мне помогает, по-отечески улыбается и спрашивает, верю ли я в Бога. Киваю. Он спрашивает, исполняю ли десять заповедей Божьих? Что за заповеди?.. Он просит вспомнить всю свою жизнь и все грехи, включая мелкие. Я начинаю изливать душу. Вместе со словами из меня вылетают острые кусочки: камень, висевший на моей груди, крошится на куски. Я рассказываю все. Про жизнь с Филиппом, про возвращение в прошлое, воровство денег и все мои любовные связи. Мне кажется, проходит целая вечность. Священник ошеломлен моим потоком, он кладёт мою голову на столик, накрывает подолом и читает надо мной молитву. Затем просит поцеловать крест, лежащий там же, на столике.

– Иди, дочь моя, я отпускаю тебе грехи твои. Помни про десять заповедей, и да будет душа твоя спасена, – отпускает меня батюшка с тяжелым взглядом. Поворачиваюсь и бегу к выходу. На улице жадно глотаю свежий воздух и смеюсь. На душе так легко и ясно. Я очистилась, тщательно помылась изнутри. Я новая, и будто заново родилась. Твердо решила принять жизнь с Пашей, как наказание, а там будь что будет. Не могу допустить, чтобы за мои ошибки пострадала мама. Я во всем виновата и теперь расплачиваюсь за это. Так тому и быть.

Я все делала, что он говорил мне. Он сломал меня духовно и сделал так, чтобы я чувствовала себя последним ничтожеством. Первое время Паша практически с меня не слазил, преследуемый желанием зачать ребенка. Он не знал, что тайком от него я принимаю противозачаточные таблетки – прошу у мамы денег на карманные расходы под разными предложениями. Из дома я практически не выходила, ни с кем не разговаривала. Да и выходить стыдно. На моем теле было множество синяков и ссадин.

Звонил полковник, холодным тоном сказал, что его люди все проверили. В загс мы ходили подавать заявление вместе, к нотариусу мы тоже ходили вместе, и брачный контракт, в основном, составляла я. Также они опросили людей из ресторана, и все заявили, что весь вечер я была веселая и счастливая, и сказала «да». Свидетельство о браке подписывала

сама. В конце ледяным тоном Миша пожелал мне счастья в личной жизни. Посоветовал слушаться мужа, чтобы не бил, и распрощался. От обиды я заплакала. “Я очень жесткий, Вика” – вспомнились мне его слова. Да, это правда. Очень жесткий.

За восемь месяцев нашей совместной жизни с Пашей у нас многое изменилось. Он купил нам дом на окраине города, где никто не услышит мои крики. Купил предприятие по переработке леса и много времени пропадал там, что не могло меня не радовать. Не редко, от него пахло женскими духами. Но он даже не думал скрывать от меня свои многочисленные связи. Он в открытую разговаривал по телефону со своими любовницами, а их, по моим подсчетам, было минимум три. Одна из них, вероятно, самая любимая, даже звонила на домашний и наглым тоном требовала позвать Павлика. Он подходил и нежно с ней щебетал. Мне запрещено лезть в его дела и личную жизнь.

Несмотря на свои похождения, он исправно исполняет свой супружеский долг, дабы я, наконец, забеременела. Однажды он позвонил мне и сказал, что записал меня на завтра к гинекологу на обследование. Не нравится ему, что я не беременею. Я с ужасом поняла, что мой обман раскроется, и мне несдобровать. Нервно ждала его с работы, придумывая предлог, чтобы не ехать к врачу. Когда он приехал, с трудом выдавила улыбку и обняла его.

– Паш, давай перенесем обследование на весну. Сейчас холодно, не хочется мотаться по морозу, да и синяков много, неудобно будет врачам объяснять, что мужчина, страстно желающий детей, бьет их мать...

Начала томно дышать ему в шею. Это, конечно, подействовало на него. Когда надо, я, все-таки, могу воздействовать на мужчин. Через минуту мы уже были в спальне. Он кинул меня на кровать, содрал мой халат и трусики. У него появился этот внезапный безумный блеск в глазах, и я испуганно вжалась в спинку кровати. Паша снял рубашку, растегнул ширинку на брюках и начал снимать свой кожаный ремень с металлическими вставками. Я с ужасом наблюдала за ним, широко открыв глаза.

– Умоляй меня, чтобы пожалел тебя, – прохрипел Паша и изо всех сил ударил меня ремнем поперек груди. От дикой боли я заорала и перевернулась на бок.

Следующий удар пришелся мне в бок.

– Умоляю, пощади! – Выкрикивала я сквозь слезы – Я все сделаю! – Я посмотрела на него и ужаснулась. Он весь покраснел, тяжело дышал и в возбуждении гладил свой орган.

– Хорошая девочка. В марте пойдешь на осмотр. Мне нужен сын.

Решила прекратить пить таблетки. Не известно, какие последствия могут быть у моего обмана. Паша запугал меня до смерти. Каждый день испытываю страх быть наказанной и избитой. Так чувствует себя ребенок, который нашкодил и

ждет, что его отлупят родители. Это как ходить по минному полю, не зная, где рванет в следующий раз.

Как-то, выходя от мамы, я проходила мимо нашего с Филиппом дома и увидела его, сидящего на лавочке. Его трудно было узнать. Он казался сутулым, постаревшим, неухоженным, грязным и лохматым. В руках он держал бутылку крепкого пива. Странно, Филипп никогда не злоупотреблял алкоголем. Что он делает на лавочке в такой холод? Я не удержалась, подошла и села рядом.

– Добрый день.

Он равнодушно посмотрел на меня и поздоровался в ответ. Пару минут мы молчали.

Я искала слова. На улице стоял мерзкий холод, и мороз бил по щекам.

– А Вы, вроде, в милиции работаете?

– Уже давно не работаю, полтора года как. – Он взглянул на меня и усмехнулся: – А, это ты, любительница падать. Помнится, ты мне кричала, чтобы я на глаза тебе не попался...

– Да действительно, – грустно улыбнулась я – не знаю, что тогда на меня нашло.

Я смотрела на Филиппа, мне вдруг так захотелось всем телом к нему прижаться и никогда не отпустить. Я почувствовала от него тепло родного человека, его запах вызвал ностальгию и боль в груди. Я спросила:

– Почему уволились?

Филипп смотрел куда-то вдаль и, безразлично пожав плечами, сказал:

– Один полковник решил, что я не достоин носить форму, и меня уволили, как говорится, без суда и следствия. Дома жена, ребенок годовалый, а я так и не смог устроиться на работу. Всю душу вложил в милицию, понимаешь? А они дали мне пинка под зад. Просто так, каприза ради.

Было видно, как он переживает. Господи, что же я наделала? Заставила страдать близкого мне человека ни за что! Его уволили из-за меня, из-за моей ревности и дурости. Лишили работы, которую он так любил. Да кто я после этого? У него семья, ребенок... Мне так захотелось зарыдать. Нет больше никакой надежды, что мы будем снова вместе...

– Найдите другую работу, зачем пить? У Вас же семья.

– Семья, – повторил Филипп. – Я не чувствую себя дома, понимаешь? Хотя, что ты поймешь, я сам себя не понимаю. Что-то я упустил, смысл жизни потерял. Жена хорошая, во всем потакает, но в душе пусто, и нет любви.

Спустя мгновение, будто придя в себя, Филипп сказал:

– Что-то я разоткровенничался с тобой, – сделал глоток из бутылки. – Это все спиртное.

Мне было больно слушать его. Я изменила судьбу и сделала несчастными нас обоих.

– Послушайте, Филипп, Вы хороший и добрый человек, идеальный муж и отец. Не теряйте веру в себя, все будет хо-

рошо.

Филипп как-то странно посмотрел на меня и пробормотал:

– У меня сейчас дежавю, как будто мы с тобой уже разговаривали, и ты мне говоришь то же самое, слово в слово... Наверное, мы были знакомы в прошлой жизни.

– Мы были мужем и женой, – печально произнесла я, и с этими словами поднялась и грустно поплелась на остановку, проваливаясь в снег. Чувствовала, как он провожает меня взглядом.

Придя домой, я не сдержалась и громко зарыдала. Что вообще происходит в моей жизни? Не слишком ли тяжелое наказание для меня? Я все поняла и осознала. Филипп, мне не хватает тебя! Я люблю тебя всеми фибрами души! Глотая слезы, беру в руки гитару. Она всегда, как верная подруга, меня утешала и успокаивала. Я запела песню Насти Задорожной:

Мне казалось, все в жизни так просто,
И ответы найти на вопросы
Будет мне одной так легко...
Только что-то вокруг изменилось,
Не сломалось, но вдруг растворилось,
И теперь уже далеко.
Ты все знал, но только не сумел понять,
Не прошел и двух шагов,

Ты поставил точку, не успев начать,
Ты ушел и взамен мне не оставил ничего...

Но все равно я буду, буду тебя любить,
Буду как прежде жить,
Только одним тобой,
И вопреки всему, я выдержу, я смогу,
И в сердце я сберегу эту любовь свою.

В этой жизни у всех свои роли,
И устав от ошибок и боли,
Хочется забыть обо всем.
И в минуты, когда одиноко,
Кто-то рядом с тобою, но только,
Тот, кого ты ждешь, далеко...
Я как будто между небом и землей,
На перекрестке двух дорог,
Время нас меняет, стала я другой,
И пора все понять, все по местам расставить, но...

Но все равно я буду, буду тебя любить,
Буду как прежде жить,
Только одним тобой,
И вопреки всему, я выдержу, я смогу,
И в сердце я сберегу, эту любовь свою.

И никто не будет видеть моих слез,
Даже если будет слишком больно,
Я сумею все понять, простить сумею и принять,
Теперь все то, что невозможно поменять...

Через два месяца я узнала, что в положении. Паша искренне обрадовался и покружил меня на руках. Я была уверена, что сейчас-то он не посмеет поднять на меня руку, ведь теперь во мне живет наш ребенок. С одной стороны, я была в ужасе, что буду рожать от этого монстра. А с другой – была рада, что в моей пустой жизни появился смысл. Все время гладила живот и пела песни. И правда, Паша перестал домогаться. В течение четырех месяцев он пропадал на работе и приходил домой, в основном, ночевать. Он нанял мне домработницу, которая приходила каждый день убираться и готовить. Себе он выделил отдельную комнату. Я радовалась и верила в лучшее. Последний месяц Паша часто стал пропадать и по ночам тоже. Каждую ночь я молилась, чтобы он больше не появлялся. Но он появлялся. Приезжал домой переодеться или отдохнуть. Часто я слышала, как он разговаривал по телефону со своей любовницей по имени Вероника. Разговоры зачастую были пошлыми, и мне противно было его слушать. Как-то ночью я проснулась от пьяного голоса Паши. Мои нервы на пределе. Просыпаюсь от каждого шороха, ведомая страхом и ужасом. Боже, он не один! Женский смех мерзко отзывается у меня в ушах. Как он посмел при-

вести в мой дом свою любовницу? Я встала и накинула халат, твердо решив выгнать эту нахалку. Интуиция подсказывала мне, что ничего хорошего меня не ждет, но я не могла успокоиться и спустить ему это с рук. Затаив дыхание, вышла из комнаты и тихо спускалась с лестницы. Слышались их голоса:

– Тигр мой, я так тебя хочу! Возьми меня! – произнес сексуальный женский голос.

Странно, как будто я где-то уже его слышала...

– Ах, ты моя похотливая козочка! Иди, папочка тебя тебя отшлепает, – мерзкий голос мужа.

– Ты уверен, что твоя женушка не устроит скандал?

– Вероника, я же тебе уже говорил, она не вякнет. Это мой дом! – рявкнул Паша. По голосу я поняла, что он пьян в стельку. – Ты будешь здесь жить! Как я сказал, так и будет! Надоело мотаться по отелям. Хочу прийти домой и иметь тебя!

Что? Жить? Больше терпеть я не собираюсь! Спустилась по лестнице и крикнула:

– Немедленно... – Я не договорила. Все мое возмущение как рукой сняло. В зале на диване сидела... Жасмин. Всё то же каре, чуть раскосые глаза, жирно подведенные черным карандашом, красная помада и кожаное платье с открытым вырезом. В ее пьяном взгляде читалось потрясение.

Она округлила глаза и приоткрыла рот.

– Какого черта? – заорал Паша. – Быстро пошла к себе в

комнату! Страх потеряла, что ли?

– Мерзавец! Ты в своем уме? Приводишь сюда любовницу и предлагаешь ей здесь жить? Убирайтесь оба!

Паша, пошатываясь, встал с дивана и замахнулся меня ударить. Я успела отбежать.

Ошарашенная Жасмин смотрела на меня и мой живот, который уже заметно вырос.

– Паша, я уйду, перестань! – пришла она в себя.

– Я здесь решаю, кто куда пойдет! – зарычал он и ударил меня по лицу. Я решила убежать в комнату, но он меня догнал и схватил за волосы. Я вывернулась и ударила его между ног. Он взвыл от боли и крикнул, что убьет меня. Я побежала на кухню и открыла шкафчик, где у нас лежат ножи. Достала самый большой нож и резко повернулась, надеясь напугать его. Но в этот момент Паша попытался напасть на меня сзади и я рефлексивно, пытаясь защититься, вонзила нож ему в сердце. Он широко открыл глаза, рухнул на пол и затих. Я стояла, глядя на окровавленный нож квадратными от шока глазами. В голове пульсировало: я – убийца. В дверях стояла Жасмин и, прикрыв рот рукой, с ужасом смотрела на труп.

Глава 16

СИЗО, июль 2007г. Я нахожусь в следственном изоляторе, и мое желание – умереть. Ребенка я потеряла в ту же ночь. Врачи почистили меня и на следующее утро привезли в КПЗ.

Надзирательница вела меня в камеру, наручники больно давили на запястья. После выкидыша и чистки все внутри болело, и страх перед неизвестностью терзал мне душу. Выдержу ли я тюремную жизнь? Что со мной будет? Я находилась в моральном и физическом истощении. Надзирательница меня остановила перед дверью камеры, поставила к стене и сняла наручники. Большим железным ключом она открыла дверь и впихнула меня внутрь, как какое-то животное, вручив пакет с вещами.

Я ужаснулась: грязное темное помещение, забитое женщинами. Их тут примерно тридцать, и все они пялятся на меня. Съезжившись внутри, иду в конец и занимаю свободные нары. Ужас переполняет меня. Ком подступает к горлу. Хочется реветь. Нет, Вика, только не сейчас. Не показывай свою слабость. Я слышала, что в женских камерах нет понятий, в них творится полный беспредел. Я постелила белье и присела. Крупногабаритная женщина приближалась ко мне. У нее отвратительная внешность: рыжие волосы, собранные в жидкий хвостик, круглое лицо, маленькие свинячьи глазки и огромный нос. За ней шла еще одна худая женщина с ехидной улыбкой на губах.

– Посмотрите, кого нам привели: королева красоты, – издевательским тоном сказала рыжая, а худая противно хихикнула. – Так сразу и не скажешь, что убийца. Чем муженек-то не угодил? А?

Я молчала, продолжая сидеть и пялиться в стену.

– Сладенькая какая, да ты просто создана для любви, – от нее омерзительно воняло. Она присела рядом и погладила меня по волосам. – Не бойся, будешь под моим крылышком, никто тебя не обидит.

– Не трогайте меня, – тихо, но твердо сказала я. – Оставьте в покое.

– Слыхали? Оставить ее в покое! – истерично завопила рыжая. – Ты, детка, кажись, не на курорт приехала. Ты на нарах! – Она схватила меня за волосы и притянула вниз.

– Быстро отпустила ее! Не то, огребешь у меня сейчас! – услышала я где-то рядом странно знакомый голос.

– А что это ты за нее впрягаешься, а? – Рыжая не сдавалась, но меня отпустила.

– Кто ее тронет, будет иметь дело со мной! – Я обернулась в сторону моей спасительницы и увидела... тетю Валю, уборщицу из института. Рыжеволосая и худая убрались во-свояси, недовольно фыркая. Вероятно, тетя Валя здесь имеет вес. Она жестом показала идти за ней. Вскоре мы уселись на ее нары. Какая – то женщина рядом налила нам чаю.

– Что, Жарская, рассказывай, что привело тебя в этот смрадный дом? – спросила тетя Валя. Она не изменилась. Те же резкие черты лица, тот же воинственный, но добрый взгляд. Я не удержалась и расплакалась. После смерти Паши я в первый раз дала выход своим чувствам. Долго терпела, пребывая в состоянии шока. И когда меня увозили менты, и когда пошло кровотечение, и я поняла, что ребенок умер, и

когда врачи обращались со мной, как с ничтожеством, намеренно делая больно, и когда оказалась в этом ужасном месте. Я громко и протяжно рыдала на плече у тети Вали. Она терпеливо ждала. Когда я успокоилась, рассказала ей про Пашу и всю нашу совместную жизнь. Рассказала про Жасмин и убийство.

– Да, вот ты натерпелась, – вздохнула тетя Валя. – Этот гад получил по заслугам.

– Но я убила человека! – всхлипнула я.

– Представь, что ты убила таракана, – чуть подумав, бросила моя сокамерница. В этом что-то есть. Нет, я убила вирус, который проник в меня, разрушил меня изнутри и снаружи.

Мы долго с ней беседовали. Оказывается, после нашего с ней разговора в институте она сходила на обследование, где выяснилось, что у нее рак на ранней стадии. Ей сделали операцию, год проводили химиотерапию. Получается, что я ей жизнь спасла. А в СИЗО она попала снова по воровству. Все-таки слухи о ее тюремном прошлом были не просто слухами. Но сейчас мне это даже на руку.

Все дальнейшие события происходили, как в кошмарном сне. Вечные допросы следователя, грязная камера, несъедобная еда. Крис наняла мне хорошего, дорогого адвоката, и они вместе пытались освободить меня под залог до суда. Но мне было отказано. Попался жесткий прокурор, который намеревался посадить меня надолго. На этом должна была постро-

иться его карьера, именно на моем деле. К тому же его, по непонятным нам причинам, полностью поддерживал судья. Приходила мама, внезапно постаревшая лет на десять. Она жалела меня, причитала и плакала. Спина ее совсем сторбилась, глаза впали, а по всему лицу виднелись глубокие морщины. Из-под черного платка на голове выглядывали седые волосы. Мне невыносимо было видеть, как она убивается. И я попросила ее больше не приходить.

Адвокат приходит почти каждый день. Когда он пришел ко мне в первый раз, то уверял, что очень скоро я отсюда выйду, но уже в следующий раз его вид не предвещал ничего хорошего. Мол, прокурор рвет и мечет, чтобы засадить меня в тюрьму по максимуму. Жасмин так и не нашли, она как в воду канула. Она была моим единственным спасением и единственным свидетелем того, что в момент убийства я оборонялась. Адвокат предупредил, что первое слушанье будет через месяц, и посоветовал мне держаться. Мои дни проходили серо и однообразно. Мне повезло, что в СИЗО сидела тетя Валя. Если бы не она, то туго бы мне пришлось. Рыжеволосая всех безобидных новеньких подгибала под себя. Издевалась над ними, заставляла делать отвратительные вещи. Все ее самоуправство оставалось безнаказанным. У нее здесь «семья», которая, если что, вступится за нее.

Первое слушанье проходило в суде второго августа. Лицо судьи показалось мне очень знакомым. Он злорадно и презрительно смотрел на меня. О, Боже... Это же... Виктор!

Нет, нет, нет! Это конец!.. «Старый хрен, тебе дадут только дешевки, и то – за деньги», – вспомнились мне мои слова в его адрес и его красное от ярости лицо в тот момент... Ничего хорошего я уже и не ждала. После первого слушанья назначили второе. Веронику так и не обнаружили. Прокурор обвинял меня в обмане и утверждал, что никакой любовницы не существует. Я каждый день молилась, просила у Бога прощенья, говорила, что хочу назад, к мужу и детям. Но ничего не происходило. Спустя месяц, на очередном свидании Кристина была темнее тучи. Она сочувственно на меня посмотрела, затем обняла и грустно сказала, что моей мамы больше нет.

Я, всхлипывая, упала на пол и зарыдала.

– Как?! Почему?! Она же молодая еще! Крис, это не правда! – я кричала сквозь слезы.

Крис тихим голосом продолжала:

– Тёть Катя была больна, что-то с сердцем. С этой болезнью можно прожить и двадцать лет, но твоя мама переживала очень сильно, и сердце не выдержало. – Кристина заплакала, держа меня за руки.

– Прости, Вик, что мне приходится говорить тебе об этом, но это жизнь. Все мы смертные. Нужно жить дальше.

– Нет, Крис! Нет! – закричала я на нее. – Ты не понимаешь! Я столько вытерпела ради нее, чтобы она жила! Как она могла оставить меня, как?! Что я говорю, Боже! Я ведь даже не попрощалась с ней! В последний раз я ей сказала, чтобы

она больше ко мне не приходила! Слышишь? Да я последняя эгоистка, это я виновата! – меня всю трясло, рыдания разрывали мне душу. Крис гладила меня по голове и шептала успокаивающие слова.

– Кристин, я так и не сказала маме, как сильно я ее люблю...

Зашел охранник и проворчал, чтобы я не выла, и время наше закончилось. Крис ему что-то строго прошептала, он равнодушно окинул меня взглядом и вышел, сказав, что у нас еще две минуты.

Иногда, чтобы понять простые вещи, нужно пройти тяжелые испытания. Я вспомнила слова Жанны: «Никто не сделает тебя счастливой, кроме тебя самой». Как это верно. Я искала счастья за морями, в несуществующих идеалах мужчин, в деньгах. А нужно было лишь открыть себя, счастье в душе человека, совершенного и любящего. За последнее время, пережив одиночество, предательство, насилие, страх, смерть близкого человека, я стала сильнее. Испытания закалили меня, но сделали слабее... Парадоксально, но факт.

Суд был назначен на 15 декабря. Почти шесть месяцев я просидела в камере предварительного заключения. Трудно описать мое состояние и чувства. Я ходила, дышала, но внутри у меня все умерло. Мне была безразлична моя дальнейшая судьба. Я знала, что долго не протяну. В этих стенах я вдруг поняла, что такое на самом деле быть несчастной.

Имея любящего мужа, здоровых детей, я жаловалась на судьбу, плакала, обижалась. Не ценила того, что подарила мне жизнь. Глупые люди. Холостые хотят жениться, женатые хотят свободы. Бедные хотят богатства, а богатые – еще больше богатства. Сами не знают, чего хотят. Я жила в среднем достатке – была несчастна. Стала миллионершей – стала еще несчастнее. Самое страшное в этой жизни – это смерть близких, неизлечимые болезни, нелюбовь, тюрьма. И если ты этого не знаешь, то ты уже счастливый человек – не важно беден ты, или богат... Беден – это когда у тебя нет в душе любви. Я была скупа на любовь. Маме говорить о ней почему-то стыдилась, а Филиппу – из гордости не хотела. Дать мне сейчас возможность, я бы им каждый Божий день говорила об этом. Нечего любви стыдиться – это так глупо... А ссоры и скандалы... Зачем тратить нервы и слезы на бессмысленные перепалки? Правды нет и не будет, есть истина. А истина в том, что в семье должны уступать друг другу и делать счастливым каждый день, заботясь друг о друге и даря радость...

1 декабря меня навестил полковник. Он неловко зашел в камеру для свиданий, долго с жалостью смотрел на меня. Да, вид у меня сейчас, действительно, жалкий. От постоянных слез и недосыпа у меня жуткие синяки под глазами и ранние морщины, которые ужасно старят. Волосы приняли непонятный цвет, а от фигуры остались кожа да кости. Он подошел ко мне и нежно обнял. От него пахло свободой: смесь свежего воздуха и автомобильной «вонючки».

– Девочка моя, бедная моя Викуля, что тебе пришлось пережить... Ты когда-нибудь сможешь меня простить?

– А за что мне тебя прощать? – безразлично спросила я, уставившись в пустоту.

– За то, что я не поверил тебе и не помог. Злость взяла, обида выиграла, что ты нашла себе еще кого-то. Хотя ты имеешь на это полное право. Когда это все с тобой случилось, я начал трясти свидетелей из ресторана, и отыскал-таки одну парочку, которая нашла это мероприятие очень странным. Они в один голос говорят, что невеста была очень пьяна и, похоже, не очень соображала, что с ней происходит. Нашли они подозрительным и поведение Деревянкина. В общем, по их описанию все складывалось так, как ты и говорила. Я начал трясти нотариуса и регистратора загса. Они признались, что это была афера Деревянкина, и он им хорошо заплатил. Есть еще много других свидетелей. Так что, ты не переживай, скоро тебя освободят.

«Я очень, жесткий, Вика», – вспомнилось мне вдруг снова... Вот теперь это как-то совсем не вяжется, товарищ полковник...

Я все так же смотрела в одну точку и молчала. Затем встала и позвала надзирателя, сказав, что свидание окончено.

Через пару дней пришел довольный адвокат и заявил, что дело в шляпе.

– Представляешь, один высокопоставленный офицер весь город на уши поднял, чтобы тебя вытащить отсюда. Тебе зна-

ком Орлов Михаил?

Я ничего не ответила.

– Вика, с его поддержкой суд мы выиграем в два счета, – радостно обнадежил защитник.

На этой позитивной ноте мы и распрощались до суда.

В назначенный день я сидела на скамье подсудимых. По-терпевшей стороной выступала мать Паши, я видела ее всего лишь пару раз. Она смотрела на меня ненавидящими глазами, а я думала, как она могла воспитать такое чудовище. Выступил прокурор с обвинениями и уликами. Предоставил все материалы дела и назвал меня жестокой убийцей. Мой адвокат по очереди вызывал нотариуса, регистратора загса, нескольких свидетелей из ресторана, соседей, которые слышали мои крики, когда Паша избивал меня...

Неожиданно в зал зашла та самая полупризрачная Вероника и пожелала дать показания. Судья разрешил, наверное, рассчитывая, что эти показания будут против меня. Вероника посмотрела на меня, и в ее глазах читалась мольба о прощении. Она много говорила. О том, что с Пашей встречались около трех месяцев, он ее спонсировал, и она терпела его сексуальные извращения. Да, Паша был садистом и получал от этого удовольствие. Вероника подтвердила мои показания, касающиеся ночи убийства.

– Вика защищалась. Он непременно убил бы ее. Эта сволочь получила по заслугам, – закончила свою речь Вероника.

В конце концов, судья неохотно вынес оправдательный

вердикт, и меня освободили в зале суда.

Я с большим удовольствием вышла на улицу. А на улице – сказка. Все белым-бело. Белый пушистый снег хлопьями ложится на землю и дома. Ни ветерка, ни мороза. Я подставила лицо под эти мягкие хлопья, и вскоре холодные, но приятные снежинки стали таять на моем лице. Как я могла не любить зиму? Она прекрасна. Я стояла и дышала полной грудью, вдыхая аромат свободы. Как же здорово – жить... дышать... и видеть солнце. Нужно жить и радоваться каждой минуте жизни! А сейчас уже поздно... Слишком поздно. За мной наблюдала Кристина. Она подошла, обняла меня и поздравила с освобождением. Я заметила ее новую Хонду Фит. Значит, она уже – помощник министра. Мы сели в машину, и я попросила отвезти меня к маме на могилу.

Кристина запротестовала, сказав, что мне сначала самой нужно отдохнуть, ведь у меня сейчас такое нервное потрясение. Я упрямо и твердо настояла. Крис пожала плечами и через час домчала меня на наше городское кладбище. Она провела меня до могилы и тактично отошла в сторону, скорбно приложив платочек ко рту.

Я думала, что все слезы уже выплакала... Ошибалась. Я упала на колени и рыдала так, как никогда в жизни не рыдала. Смотрела на фотографию на кресте и гладила ее, причитая и плача во весь голос. Просила у мамы прощения за свою неблагодарность и эгоизм. За то, что не ценила, не заботилась и не сберегла...

– Я люблю тебя, люблю, – уже тихо говорила я, сжимая в руках землю. Сзади Крис похлопывала по плечу. Она всхлипывала, то и дело шмыгая носом.

Назад мы долгое время ехали молча. Молчание нарушила Крис:

– А я уже помощник министра, – тихо и гордо сказала она.

– Молодец, Крис, я в тебе не сомневалась. Кстати, ты сделала то, о чем я тебя просила? – Крис в ответ неодобрительно покачала головой:

– Сделала. Формальности с твоим счетом я уладила, признание денег Деревянкиным признали незаконным, и весь его бизнес перешел к тебе, хотя его мамаша пыталась оспорить этот факт. – Крис замолчала.

– И...?

– По твоей доверенности я все продала... И лесоперерабатывающий завод, и твой коттедж... – снова пауза.

– И..? – уже нетерпеливо спросила я.

– И все вырученные деньги вместе с твоим счетом составили семнадцать с половиной миллионов. Десять миллионов я по твоей просьбе, – Крис вздохнула, – перевела в благотворительный фонд помощи больным детям, все остальные деньги пошли на детские дома, дома престарелых и приюты для животных...

– Ты меня осуждаешь? – тихо спросила я. – Не нужно, именно сейчас я все делаю правильно, поверь. Я палец о палец не ударила, чтобы их заработать.

Некоторое время мы ехали молча, пока Крис вдруг не оживилась:

– Ты знаешь, я и правда познакомилась с Балонским. Он сначала казался мне подозрительной личностью, и я обходила его стороной. Но когда он подошел ко мне 8 марта и пригласил в ресторан, вспомнила твои слова и согласилась. – Крис выглядела счастливой, чем вызывала мою искреннюю радость.

– И как развиваются ваши отношения?

– Мы уже год вместе и безумно любим друг друга. Приглашаем тебя 5 января на нашу свадьбу.

– А что зимой? До лета потерпеть никак? – Кристина замялась и смущенно пробормотала:

– Я в положении, Викуль. И так до последнего ждала, без тебя не хотелось свадьбу играть.

В первый раз за долгое время я широко улыбнулась – ну хоть кого-то в этой истории осчастливила. Подъезжая к родительскому дому, я вскрикнула, что было сил. Как сумасшедшая, я прокричала Крис, чтобы она остановилась. В соседнем дворе на качелях каталась... Софья! Она весело напевала песенку и в такт качала головой. Здесь ей около трех лет, те же косички, та же улыбка Филиппа. Я побежала к ней, не веря своему счастью. Подбежав к Софье, схватила ее на руки и крепко сжала в объятиях.

– Солнышко мое, родная, любимая. Господи, спасибо! – Я целовала ее, безумно нашептывая слова. Как же я по ней

скупала! Софья почему-то заплакала и стала звать маму.

– Софьюшка, я здесь котенок, я здесь!

Тут я услышала голос сзади:

– Женщина, отпустите моего ребенка, немедленно! Вы что себе позволяете?

– Это мой ребенок! – заорала я. – Я никому ее не отдам!

– Да ты сумасшедшая, я сейчас милицию вызову!

Подбежала перепуганная Крис:

– Вик, ты чего творишь? Отпусти ребенка, пошли домой.

Девочка вырывалась и просилась к маме. Я со слезами на глазах поставила ее на землю. И она сразу же бросилась к той женщине. Крис пыталась успокоить мать:

– Вы извините ее, она недавно ребенка потеряла.

– И что теперь – на всех кидаться? А если она завтра украдет ее?

Тут подошел Филипп и спросил, что произошло. Женщина возмущенно начала рассказывать ему об «этой сумасшедшей, которая отнимает у нее ребенка». Я поняла, что это их дочь, и молча пошла в сторону дома. Филипп кричал мне вслед, чтобы я больше и близко не подходила к его дочери и к их двору, иначе мне мало не покажется, навязалась на их голову. Крис, взволнованная и печальная, проводила меня до дома, но внутрь я ее не пустила. Поднялась в квартиру и долго стояла в прихожей, вдыхая мамин запах, который присутствовал здесь до сих пор. Мама, как мне тебя не хватает! Никто никогда не любил меня, как ты.

Я прошла в зал и увидела огромный букет красных роз. Чей это букет? У Кристины есть ключи, значит, она поставила. Но красные розы, скорее, подарок от мужчины... Это не важно, мужчины перестали меня интересовать. Хватит с меня этих пиджаков и туфель. Увидев сегодня Софью, я еще раз поняла, что в своей жизни потеряла. Потеряла всех своих близких из-за своего тщеславия и эгоизма. Слезы капали у меня из глаз. Я не ценила того, что у меня было. Счастье окружало меня со всех сторон. Просто быть матерью – это уже счастье. Первое слово, первые шаги, первые шалости... Какое счастье – просто быть рядом с близкими, ощущать себя любимой и нужной!

А ведь Филипп – это, действительно, моя вторая половинка. Ведь я полюбила его с первого взгляда, а это такая редкость. Такие вещи просто так не случаются. И как раньше не понимала этого и не ценила? Нет, для этого мне надо было завести много связей и даже выйти замуж за подонка. Хотела изменить свою судьбу, своё прошлое. А нужно было – изменить настоящее. Всё время оглядывалась назад, не ценила того, что имела... Нет смысла жить дальше. Я спокойно приняла душ, сделала легкий макияж и одела свою любимую белую сорочку до колен. Даже на том свете я должна быть красивая. Нашла аптечку, достала сильнодействующее снотворное и сжала в руке. Послышалась трель звонка. Кого там принесло? Я открыла дверь и, потрясенная, отошла в сторону. В прихожую зашел Дэн. Он заметно нервничал.

Вдруг Дэн взял меня за руки. А он отлично выглядит. За три года возмужал и стал еще сексуальнее, если это возможно. Нет этой мальчишеской челки, хотя взгляд все такой же наглый и притягательный.

– Вика, я, конечно, все понимаю, сейчас не самое подходящее время, на тебя столько всего навалилось, но... Я пришел тебе сказать, что все еще люблю тебя, и теперь буду добиваться. Когда я узнал, что ты вышла замуж, чуть с ума не сошел, – Дэн говорил искренне, и я ему поверила.

– Дэн, я убила человека, – с болью в голосе произнесла я. – На меня будут показывать пальцами.

– Я сломаю любой палец, заткну пасть любому, кто посмеет тебя обидеть, – Дэн поднял пальцем мой подбородок и нежно поцеловал в губы, затем еще и еще.

– Дэн, уйди, пожалуйста. Сейчас, действительно, не время. Я позвоню тебе, – настойчиво попросила я.

– Ты уверена? – его голубые глаза умоляли меня не выгонять его. На секунду я заколебалась, но тут же взяла себя в руки.

– Да.

Он печально вышел за дверь, я взяла его за руку.

– Спасибо, Денис.

Когда он ушел, я задумалась. Снова начинать отношения у меня нет желания.

Слишком много мужчин у меня было, слишком много ошибок сделано. Возвращение в прошлое привело меня на

каток. Я уверено встала на лед в коньках, хотя не умела кататься. Падала и поднималась, но с каждым разом боль становилась сильнее. В конце концов, поняла, что лед мне не нужен был, я и так устойчиво стояла на земле.

Мне вдруг захотелось спеть. Я нашла запыленную гитару, протерла ее и начала играть и петь песню Насти Задорожной, глотая слезы:

Перелистав страницы,
Перечитав обрывки фраз,
Может, всё это снится,
Может быть – это не написанный рассказ...
Я не могу сейчас понять его сюжет,
И смысла в этих строках больше нет.
Нет без тебя желаний,
Нет больше радости и слез,
Всё, что случилось с нами,
Было то в шутку, то в серьез.
Но каждый раз...
Бриллиантами из глаз
Скользит любовь моя...
Любимый, я прошу тебя...

Остановись...

Для чего тогда, скажи мне, жизнь?

Я не успела насладиться нежностью твоей,

С каждым мигом боль сильней.
Прочитать мы не смогли историю любви.
Остановись...
На краю у бездны моя жизнь,
Всего лишь шаг, и я уже лечу куда то вниз,
Я прошу тебя – вернись,
Мне нужна любовь твоя,
Не отпускай меня.

Знаешь, мне очень трудно
Перевернуть последний лист,
Зная, что там он будет просто пустым.
Он чист, как первый зимний снег.
И стрелок быстрый бег застынет на часах,
Я не могу поверить, что нельзя
Всё изменить, исправить,
Переписать опять с нуля.
Я не могу поставить точку на этом месте,
И любовь моя – почти история
О том, что не сбылось,
Не получилось, не срослось...

Остановись...
Для чего тогда, скажи мне, жизнь?
Я не успела насладиться нежностью твоей,
С каждым мигом боль сильней.

Прочитать мы не смогли историю любви.

Остановись...

На краю у бездны моя жизнь,

Всего лишь шаг, и я уже лечу куда-то вниз,

Я прошу тебя – вернись.

Мне нужна любовь твоя, не отпускай ме...

Последние слова я уже шептала, гитара выпала из моих слабых рук. Я вдруг вспомнила огромный плакат с моей фотографией и надпись на ней: «Малыш, с днем рождения! Помни, я всегда буду тебя любить, чтобы ни случилось».

Я улыбаюсь... Снова достала препарат, высыпала все таблетки на ладонь и все проглотила, запив водой.

Откинулась на подушки. Как сильно хочется спать... Тяжелые веки медленно закрываются... Но, что это?

...Неожиданно я услышала громкий голос Филиппа:

– Вика, не уходи, пожалуйста! Не оставляй меня, я умру без тебя! Ты – жизнь моя! Проснись, умоляю! Ты не можешь так уйти, как же дети? Как Сонечка и Данила? Как же я? – Эти слова болью отзываются в моем сердце, грудь давит огромный камень, я в отчаянии пытаюсь открыть глаза, но тщетно... Смертельно хочется спать... Борись, Вика, ради детей, ради мужа...

Эпилог

Темнота. Я не могу открыть глаза. По всему телу слабость, мучает жажда. Понимаю, что я в больнице – слышу пиканье аппарата и чувствую больничный запах. Хочется пошевелиться, но нет сил. Смутно вспоминаются тюрьма, смерть мамы и Софья. Чувствую, как обжигающая слеза катится по щеке. Я не умерла. Господи, но зачем ты мучаешь меня еще? Разве я не получила по заслугам?

Вдруг слышу шорох и чей-то вздох. Крис?.. Нет, вздох был мужской. Наверное, Миша. Почему-то не могу вспомнить, как он выглядит. Я услышала его тихие приближающиеся ко мне шаги. Он взял мою руку. И... я почувствовала до боли знакомый, родной запах.

– Вика! Солнце, ты плачешь?! Вика, ты меня слышишь? – Я услышала голос Филиппа, и сердце мое заколотилось в два раза быстрее. Медицинский аппарат тоже громко и часто подавал сигналы.

– Врача! – Обезумевший голос Филиппа, наверное, услышала вся больница. Я попыталась сжать его ладонь и, кажется, у меня это получилось, так как вскоре я почувствовала горячие поцелуи на своих ладонях.

– Наконец-то, любимая! Сейчас, подожди родная, придет врач. Котик, мой котик. – Его голос дрожал от волнения и счастья. Вскоре зашла медсестра. Она сказала, что врач будет позже. Сестра измерила мне давление и что-то вколола. Последнее, что я услышала, – как плачет Филипп.

Я проснулась и даже смогла открыть глаза. Светлая пала-

та, и много алых роз. В палате сидит Филипп на кресле, на коленях у него устроились Софья и Данила. А возле окна стоит и смотрит на улицу мама, моя мамочка! Что происходит, я ничего не могу понять... Пытаюсь поднять голову, но она снова бессильно падает на подушку. Они увидели, что я проснулась, и все подбежали ко мне – кто плача, кто смеясь.

– Мамочка! – закричали в один голос дети. Они целовали меня, а я улыбалась и плакала одновременно. В горле все пересохло, язык не слушался, но все же я выдавила:

– Что произошло?

Я с легким ужасом смотрела на свое тело, которое, скорее, было похоже на мешок с костями. Из рук и груди шли провода и иголки. Филипп, держа меня за руку, начал рассказывать:

– Вика, прости меня, не надо было тебя отпускать. На твой день рождения мы поругались, и ты выбежала из дома в дождь и грозу. Тебя на большой скорости сбила машина. Хорошо, вовремя поспела «скорая», а то мы могли тебя потерять. Ты почти год пробыла в коме. У тебя тяжелая черепно-мозговая травма. Тебя не отключали только потому, что у тебя все время шла активная мозговая деятельность. Ты как будто жила в своем внутреннем мире, переживала чувства и эмоции, постоянно думала. Но последние два дня и это пропало. Мне позвонили и сказали, что будут отключать аппарат искусственного дыхания, и я приехал с тобой попрощаться. Ты не поверишь, я молился, потом разговаривал с

тобой, ходил, как умалишенный, по палате взад вперед. Я не мог смириться, что скоро потеряю тебя совсем. Вдруг я вижу слезу у тебя на щеке, – у Филиппа заблестели глаза. – Но теперь все будет хорошо. Обещаю, буду больше уделять вам внимания. Завтра напишу рапорт на отпуск. Полетим отдыхать на Гавайи, как ты хотела.

– Не надо на Гавайи, – улыбнулась я.

– Куда захочешь!

Несмотря на боль и слабость, я почувствовала себя счастливой, как никогда. Это всё было... кошмарным сном, это всего лишь сон! Вот они, самые мои дорогие и любимые человечки на свете! Они рядом, любят и переживают. Это ли не счастье? Я посмотрела на всех и с чувством произнесла:

– Дорогие мои, любимые, простите меня за все. Я очень вас люблю и всегда буду рядом. Ближе и дороже вас у меня никого нет, вы мое самое большое счастье и богатство.

Мама заревела и отошла. Детки резвились в палате. Я притянула Филиппа к себе и жадно поцеловала в губы, насколько могла сделать это своими еле двигающимися губами.

...Спустя два месяца, меня выписали из больницы. Я была еще очень слаба и проходила курс реабилитации. Дома в честь моего возвращения устроили грандиозный праздник. Огромный разрисованный плакат с надписью: «С возвращением, мама!» от Софьи и Данилы, множество разноцветных гелиевых шаров, летающих по всему дому, и прекрасные

цветы от Филиппа. Окрыленная счастьем снова быть дома, я с нежностью гладила стены и мебель. Мама накрыла шикарный стол с моими любимыми блюдами и деликатесами.

Вечер выдался на редкость веселым, все шутили и смеялись. Я обвела присутствующих взглядом. Кристина пришла со своим мужем, они поженились месяц назад. Федоров Илья – директор интерната для детей с умственными отклонениями. По описанию Крис, Федор добрый и интеллигентный. После свадьбы они, не откладывая это дело на потом, усыновили малыша из дома малютки, назвали Савелием. Крис и Федор крепко держались за руки, и чувствовалось, как они счастливы, их глаза блестели и излучали любовь. Мама тоже казалась счастливой, она все время порхала возле меня, спрашивая, не нужно ли мне чего. Сегодня я позволила себе быть маленькой девочкой и дать мамочке поухаживать за мной, при любом удобном случае повторяя ей, как сильно ее люблю. Нарядные дети, как всегда, баловались и измазались тортом. Заиграла медленная композиция Whitney Houston «I will always love you».

– Можно пригласить Вас на танец? – прошептал на ухо Филипп. Я радостно кивнула, и вскоре мы поплыли в медленном танце. Мы не отводили влюбленных глаз друг от друга, и наши сердца бились в унисон.

– Любимая, прости меня, я был эгоистом, мало уделял вам внимания, – заговорил Филипп, крепко сжав меня за талию.

– Нет, нет, это ты прости меня. Это я была эгоисткой, ду-

мала только о себе, – перебила я его, нежно проводя пальцами по его шее.

– В общем, оба виноваты, – улыбнулся он и прислонил свой лоб к моему. – Ты так изменилась после этой аварии, тебя не узнать...

– Очень тебя люблю... – Просто ответила я.

– Я для вас горы сверну, родная моя.

– Так по тебе соскучилась, – прошептала я, вдыхая запах его кожи. – Не дождусь, когда уйдут гости.

– Ты все такая же проказница, – улыбнулся Филипп и нежно поцеловал меня в губы.

В оформлении обложки использована фотография автора.